

**Московский областной институт
усовершенствования учителей**

Кабинет детских домов и школ-интернатов

*С.А. Калабалин,
Г.К. Калабалина*

РАЗГОВОР ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

*(из опыта работы С.А. Калабалина – воспитанника,
Соратника и последователя А.С. Макаренко)*

Москва
1990

ОГЛАВЛЕНИЕ

След человеческий	
Из педагогического наследия	
Выдающийся писатель-педагог	
Как нас воспитывал А.С. Макаренко	
Трудовой долг	
По стопам своего учителя	
Это развивает настоящее чувство коллективизма	
Самая важная специальность	
Когда мать — Родина	
Ответ профессору Шимбиреву и наши предложения	
Так каким же должен быть детский дом?	
Это наше, родительское дело	
Воспитание детского коллектива	
Наказание ... поцелуем	
Подушка	
Свист	
Самый сладкий стакан солёного чая	
Просто подлечили парня	
Письма С.А. Калабалина	
Дорогой друг Илья, отвечаю на Ваши вопросы (1958)	
Письмо в школу-интернат № 2 Ленинграда (1959)	
Ответ об истоках «военизации»	
О наказаниях, поощрениях, режиме дня и «солдатчине»	
Письмо Н.Н. по поводу побега её сына Юры	
Письмо-благодарность шефам-друзьям	

Настоящая книга представляет собой цикл статей знаменитого педагога, ученика А. С. Макаренко — Семёна Афанасьевича Калабалина. Включает она и некоторые наиболее ценные материалы из архива его жены и соратницы Галины Константиновны Калабалиной, а также их учеников и воспитанников из школ-коммун и детских домов.

Счастлирое соединение огромной любви к детям с блестящим талантом даровано было этому замечательному человеку. Предельная искренность и максимальная объективность сполна отражена и в эпистолярном наследии, также нашедшем отражение в этом издании.

Смерть не позволила С.А. Калабалину самому завершить работу над рукописью, тем не менее труд над большим наследием был продолжен его воспитанниками и учениками, и материалы, подготовленные ими, нашли своё отражение в данном издании.

Книга предназначена для педагогов, воспитателей детских домов и людям, занимающимся вопросами воспитания.

Составитель: Владимир Морозов

Выпуск: 2000 шт.

Изд. МОИУУ МНО РСФСР.

Типография ПТУ № 56 г. Чехова Московской обл.

СЛЕД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Из воспоминаний и дневников воспитанников
А.С. Макаренко и С.А. Калабалина

В наше время как никогда важно, чтобы учитель осознал себя основной фигурой происходящих в системе образования перемен, активно включился в борьбу за новую школу, где можно было бы правильно и квалифицированно решать педагогические задачи.

В немалой степени поможет этому опыт наших лучших педагогов. Их имена прочно вошли в историю советской школы. Одним из них был и воспитанник А. С. Макаренко, продолжатель его дела Семён Афанасьевич Калабалин. Весь пыл своего сердца, все тепло своей души он отдавал детям, всю жизнь проработав в детских домах и детских трудовых колониях МВД. Несколько тысяч полноценных советских граждан обязаны ему своим счастьем жить и созидать, называют по-макаренковски Семёном, считая этого замечательного человека не сказочным, а реально существовавшим Добрым Папой Карло.

Судьба самого Семёна Афанасьевича — яркая иллюстрация истории Советского государства, становления и развития советской педагогики.

Родившийся в начале века, детство своё он провёл в родном селе на Полтавщине. Маленький пастушонок в имении помещицы, поводырь у нищего-слепца, удачливый вор с Третьей Кобищанской, боец рабочего партизанского отряда, главарь банды анархистов, опасный малолетний преступник — обитатель Полтавской тюрьмы, затем один из лучших воспитанников колонии им. М. Горького, сотрудник самого А. С. Макаренко и, наконец, сам замечательный педагог, продолжатель традиций своего учителя — таковы основные вехи его жизненного пути.

В 1925 г. С.А. Калабалин закончил рабфак сельскохозяйственного института, но работа в сельском хозяйстве привлекала его меньше, чем деятельность воспитателя. Поэтому он решил не поступать в институт, а возвратиться в колонию. Под руководством А.С. Макаренко в колонии им.М. Горького он начал свою педагогическую деятельность, работая воспитателем. В 1926 г. его призывают в ряды Красной Армии. Служил он на станции Ереськи, под Полтавой, был активным участником всех спортивных соревнований. Его успехи в спорте не раз были отмечены, наградами и призами. Участвуя в лыжных соревнованиях, он получил травму и был помещён в госпиталь. Травма оказалась серьёзной, и Семён Афанасьевич после лечения был демобилизован. Он возвратился работать в колонию им.М. Горького, поскольку другой работы, кроме работы с детьми, для себя не мыслил.

В 1928 г. своему другу и наставнику А.С. Макаренко дал он торжественную клятву посвятить свою жизнь борьбе с детской беспризорностью, нищетой, за предупреждение детской преступности, жить для тех, из среды которых вышел сам, чтобы жили они и жизнью своею землю украшали.

Проработав некоторое время в колонии, он по поручению А.С. Макаренко, стал заведовать общежитием на станции Комаровка под Харьковом. В этом

общежитии жили подростки — выпускники детских домов и коммун. В Комаровке Семён Афанасьевич работал около года, затем его перевели на работу в Будянскую колонию им. В.Г. Короленко. Там был воспитателем, а потом заведовал учебно-воспитательной частью.

После открытия коммуны им. Ф.Э. Дзержинского получил приглашение А.С. Макаренко поработать некоторое время в коммуне воспитателем.

Из воспоминаний коммунара Л.В. Конисевича:

«Спортивную жизнь в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского возглавлял Семён Калабалин, воспитанник колонии им. М. Горького. Огненный танцор с фигурой Аполлона, безгранично смелый во всех делах, никогда не унывающий, пышущий здоровьем, сильный, с прекрасной строевой выправкой, он, как никто из руководителей коммуны, соответствовал этой роли. К нему тянулись, желая подражать и походить на него. Гимнастика, легкая атлетика, лыжи, бокс, борьба, плавание, морские «бои», походы — всё он умел и с успехом передавал нам, младшему поколению. Очень многие благодарны ему за это...

Утро в коммуне начиналось с зарядки. Площадка оживала. Как всегда, перед нами загорелый, в белой майке и белых, в рубчик, брюках Семён Афанасьевич (как теперь все называли Семёна, когда он официально занял должность руководителя физического воспитания). Орлиным оком прощупывает он наши ряды. Удостоверившись, что все налицо, резко откидывает голову и мощным баритоном приветствует воспитанников. Комплекс упражнений Калабалин начинал с ходьбы, затем нагрузка увеличивалась, убыстрялся темп, усложнялись движения.

Атлетическая фигура Калабалина служила примером для подражания. Мне тоже захотелось стать сильным и ладным, как Семён. Вставал в пять утра. До сигнала на подъём проделывал все упражнения. Заканчивал холодным душем и растиранием. Вскоре ко мне присоединился Коля Гончаренко, а за ним и другие. После гимнастики бегал, доведя дистанцию до 5 км. Заметив наши старания, Семён Афанасьевич в свободное время стал учить нас прыгать в длину и высоту, метать копье, подтягиваться на турнике.

«Ой, хлопцы, та з вас же люды будуть!» — сверкал он весёлой улыбкой после каждого нашего успеха».

В феврале 1931 г. С. А. Калабалин, по совету А.С. Макаренко, переезжает в Ленинград и работает в школе-колонии № 66 для трудновоспитуемых детей в Сосновой поляне.

Из воспоминаний Агафонова Тимофея Ивановича, завуча школы колонии № 66:

«Ленгороно получено мне, как специалисту (я учился в аспирантуре по психологии трудового детства) навести порядок в колонии № 66 для трудновоспитуемых подростков. Она находилась на расстоянии около часа езды от Ленинграда, в Сосновой поляне. Заведовал колонией выдвигенец — рабочий В.Д. Трофимов. Колония представляла нечто очень убогое в педагогическом отношении: побег, кражи, азартные игры, приводы в милицию — вот краткая характеристика колонии на осень 1931 г., когда я приступил к работе в ней.

Мне мало что удалось подтянуть, организовать, направить в жизни этой педагогической развалины. Обращаюсь в сектор детских домов Ленгорно и прошу дать мне двух-трёх хороших воспитателей. Обращаюсь раз, два... Обращаюсь в пятый раз, но тщетно: нет воспитателей.

Наконец-то мне повезло. Зав. сектором детских домов т. Грузовский, улыбаясь с лукавой улыбкой на чёрного атлета, сидящего у дверей кабинета, произнёс шёпотом: «Может быть, вот этот чудак подойдёт вам?» — «А что это за чудак?» — осведомляюсь я. — «Да поговорите... Чудаковатый какой-то...» — Я подсаживаюсь к «чудаковатому» человеку и обращаюсь к нему: «Скажите, пожалуйста, Вы, кажется, изъявляете желаете работать воспитателем в детском доме?» — «Да». — «Может быть, условия нашей колонии подойдут Вам? Она всего лишь в часе езды от Ленинграда. Расположена в прекрасной усадьбе, она...» Описываю её так, чтобы не оттолкнуть, а расположить кандидата. Но он, прервав меня, заявил: «Это меня не интересует. Как там ребята?» — «Ребята? Ничего. Работать с ними можно», — отвечаю я осторожно. — «Тогда не поеду к вам. Мне нужно такое учреждение, чтобы можно было там поработать, засучив рукава. Трудные условия мне нужны», — отрубил «чудаковатый» педагог. В ответ на это я схватил его за руку и выпалил: «Она такая и есть!» — «Хорошо. Но ответ дам после того, как посмотрю колонию». — «Можем проехать прямо сейчас?».

Мне необходимо было задержаться в Ленинграде до позднего вечера, поэтому Семён Афанасьевич поехал в колонию один с моей запиской к заведующему колонией. Я написал следующее: «Василий Дмитриевич! Побеседуйте с т. Калабалиным С.А. Мне кажется, что он будет очень полезен нам. Я за его кандидатуру».

Через два дня Семён Афанасьевич привёз семью: жену Галину Константиновну, дочурку Леночку и сыночка Костика, того самого, которого весной 1934 г. воспитанник-люэтик в состоянии припадка убил. Об этом упоминается на последних страницах «Педагогической поэмы».

В первые же дни работы Семёна Афанасьевича жизнь в школе-колонии стала преобразовываться. Групповые воспитатели не знали, куда себя деть, так как их воспитанники покидали их, и следовали по пятам за Семёном Афанасьевичем, вокруг которого как-то особо закипела жизнь колонии. Всё было ново и интересно для воспитанников. Он ввёл отрядную систему, образовал совет командиров, развернул соревнование между отрядами, придумав какой-то очень наглядный и, главное, эмоционально захватывающий ежедневный учёт результатов соревнования.

На фоне той устоявшейся педагогики, которой мы, сотрудники, пытались «взять в руки» и сломить злую волю вчерашних беспризорников, действовала Калабалинская педагогика, которая полностью разрушила средостение между ним — воспитателем, и ими — воспитанниками. Его слова и дела они стали воспринимать, как «путёвку в жизнь», постепенно становясь обычными мальчиками, целеустремлёнными, дисциплинированными.

Совершенно прекратились побегии. Больше того, многие «бегуны» стали возвращаться и упрашивать, чтобы их приняли в колонию, так как они «очень хотят жить в ней».

Примерно через год колония превратилась в образцовую. Ленгороно стал направлять в неё делегации педагогов по обмену опытом, которые с большим восхищением отзывались обо всём, что видели в ней.

Сохранились дневники Семёна Афанасьевича, которые он вёл во время работы в школе-колонии № 66. Они отразили многие факты его работы как педагога, приёмы воспитания коллектива и отдельных воспитанников.

Из архива С.А. Калабалина:

В 1931 г. я спросил разрешения у Антона Семёновича на испытание своих сил, опыта, а, главное, действия системы, которую имел возможность изучать, — системы Антона Семёновича, но в других условиях и не под его началом, и с этой целью уехал на работу в систему Ленинградского гороно. В первый раз вдали от своего воспитателя и учителя, с глазу на глаз с тысячами трудностей и неожиданностей, я дебютировал уже на самостоятельной работе — был заведующим Комаровской колонией и общежитием подростков, завучем Бурянской детской колонии.

Окажусь ли я достойным учеником своего учителя? Оправдаю ли его доверие и надежды?

В Ленгороно я просил предоставить мне место воспитателя в одном из худших по своей организации дет. домов. Такое учреждение под титулом «66-я школа-колония для трудновоспитуемых детей» нашлось. Положение было действительно трудное. В Ленгороно меня предупредили, что это учреждение подлежит расформированию, так оно неисправимо запущено. Если удастся наладить там работу, то Ленгороно готово ещё на год отсрочить ликвидацию школы-колонии. Я обещал уложиться в более короткие сроки.

Это была типичная малина-ночлежка, скопление воришек, которые день проводили в городе, занимаясь воровским промыслом, а к ночи сползались в колонию. Мои попытки собрать ребят для знакомства и беседы были безуспешными. Засады в столовой не приносили пользы, так как ребята просто не являлись туда, не нуждаясь в нашей пище.

Карауля у корпуса, я пытался помешать ребятам выходить в город, но они и мимо меня не проходили, и в корпусе их не оказывалось. Воспитатели сидели по своим квартирам-бастионам и не подавали никаких признаков жизни.

И вот на третий день своего безуспешного блуждания по колонии я натянул волейбольную сетку на столбы, надул мяч и стал играть в надежде, что кто-нибудь из ребят соблазнится и составит мне компанию. Это было около шести часов дня, когда, как правило, ребята начинали сползаться домой. Однако ко мне никто не подошёл. Вдруг где-то совсем близко задребезжал сигнал, как-то тревожно, взхлёб. Окна второго этажа спален распахнулись, и в них показались букеты мальчишеских голов. Все, кто был во дворе, стремглав бросились в дом. Со второго этажа хором закричали: «Бык! Бык! Убегай!» И я увидел во дворе огромного быка. Он шёл, горделиво останавливаясь, загребал передними

ногами землю и забрасывал её на свою могучую спину. Он шёл в мою сторону. «Бежать!» И вдруг я подумал, я побегу от этого зверя и... делать здесь мне больше нечего. Позор, слава труса взметнётся мне вслед стоголосым улюлюканием трусливо торчащих в окнах мальчишек.

А бык подошёл к сетке и стал играть рогами. Пока бык развлекался сеткой, намотав её на рога, я лихорадочно искал выхода. Бык развернулся ко мне задом, а я схватил его за хвост и стал ногами бить по его ногам и сдавленным голосом уговаривать вернуться на хозяйственный двор. Я решил, что только вместе с его хвостом оторвусь от быка. Через некоторое время мне удалось укротить его и погнать в стойло.

А когда я вернулся во двор, то ко мне подошли несколько ребят, и, не скрывая своего любопытства и восторга, заговорили:

— Вы в самом деле не испугались нашего быка?

— А здорово вы его!..

— А всё-таки испугались, да, испугались?

— Да как вам сказать... Вообще-то струхнул. А потом решил, что если таких телят бояться, то лучше и на свете не жить.

— Ого! Это телёнок называется! Ничего себе телёнок. Так он же лошадь запорол! Когда он вырывается, так дядя Гриша специальный знак даёт, чтобы люди убегали,— затараторил курносый мальчишка.

— Так я же не знал, что его надо обязательно бояться. Если бы знал, то вместе с вами побежал бы на чердак. Эффект был неожиданный, но нужный.

— Идёмте к нам в спальню,— баском проговорил угрюмый мальчик, в котором без труда угадывался «авторитет».

Я пошёл.

Но что-то похоже на общее собрание состоялось только через несколько дней. А до этого собрания я интриговал ребят, входил в их гущу, разламывал ледок отчуждения то шуткой-прибауткой, то трудовыми и игровыми вспышками разрушал «авторитет» вожаков, распознавая их, высматривал будущих командиров, влюблял в себя толпу.

А потом уже пошли настоящие собрания, заседания совета командиров, борьба за каждого члена коллектива и воспитание коллектива.

В апреле 1932 г. сводный отряд «РМ» (разведка моря) перекатывал через шоссе бревно. Перед стройным мальчиком с красным флажком в руке остановилась шикарная легковая автомашинка. Из машины вышел важный, приятного вида товарищ.

— Здравствуйте, ребята!

Дети на миг остановили работу и, вытянувшись, взметнули правую руку в салют, ответили:

— Здравствуйте, товарищ!

— Гм... Кто же вы будете? Кто из вас старший?

— Командир свободного отряда «РМ» — я. Мы — воспитанники школы-колонии 66. Наш свободный отряд «Разведка моря» подбирает на взморье брёвна. Перекатываем их в колонию. Другие ребята распиливают их на доски, а тре-

ты производят ремонт, строят военно-спортивный городок, лодки... Да мало ли что в хозяйстве надо.

— Гм... Не так давно мне докладывали, что у вас в колонии безобразия творятся. Так как же?

— Это верно. Были безобразия. Но это было давно. А вот уже три месяца, как этим безобразиям настал конец. Теперь всему голова совет командиров. Пусть кто попробует...

— Жаль, что я спешу, заехал бы. Но я приеду, обязательно приеду. Привет от меня ребятам и этому... Как ты сказал?

— Совету командиров.

— Вот. Совету командиров. До свидания!

Машина легко ушла в направлении города. Сводный отряд «РМ» продолжал тащить бревно во двор колонии.

А вечером на рапортах командир свободного отряда «РМ» докладывал: «Вытащено из воды семь брёвен и все они доставлены на склад. Видели товарища Кирова, и он всем передал привет и обещал обязательно заехать».

Может, это был не он. Но ребятам очень хотелось, чтобы это был именно Киров...

5 мая 1932 г. во двор колонии ворвались пять легковых автомобилей. Это была первая экскурсия иностранцев. Приехали педагоги Англии. Покидая колонию, они оставили следующую запись: «Мы чрезвычайно заинтересовались колонией и остались под большим впечатлением от организации дела воспитания детей и царящей атмосферы дружбы и доверия между заведующим и детьми и отсутствием суровой дисциплины и наказания...»

Затем колонию всё чаще стали посещать рабочие Ленинграда, студенты пединститутов, учителя, иностранные делегации. Представитель чеченского народа, работник народного образования, посетив колонию, писал: «Здесь знают, что делают, а делают настоящего человека. Систему воспитания этой колонии надо сделать достоянием широких кругов педагогов страны».

Что же случилось, что за такое время учреждение, являвшее собою дурную малину, где 150 ребят развлекались игрой в карты, пьянкой, воровством, преобразилось? И не только преобразилось, а было признано образцово-показательным?

А произошло то, что произошло с Иван Царевичем, когда он испил живой воды. Система организации детского коллектива А.С. Макаренко, возникшая на Украине, оказалась одинаково живительной и в детских учреждениях Ленгорно. Применил я эту систему в 66-й школе-колонии, как говорится, слово в слово. Результаты были воистину изумительными.

В 1934 г., в год самого убедительного успеха, в год моего предполагавшегося личного рапорта Антону Семёновичу, собравшемуся навестить мою колонию, мне был нанесён страшный удар. Мой трёхлетний сын стал жертвой садиста-подростка, присланного накануне убийства из приёмника. Сказалось, что он уже успел совершить не одно подобное преступление.

Какой-то угодник от педагогики тут же, у ещё открытой могилы моего первенца, посоветовал бросить это проклятое дело. Ничего, мол, хорошего из

этих беспризорников не получится, а вот так, как Вашего сына, всех нас поубивают. Им всё можно. Я так посмотрел на этого педагогического дьячка, что он не на шутку струсил и, не дожидаясь погребения, скрылся.

Нет, я не бросил поля брани, не отступил, не изменил педагогическому долгу. И не пищал. Антон Семёнович писал мне тогда: «Дорогие мои, я не пишу вам слова утешения, я с вами, чувствуйте меня рядом с собой, как чувствую я вас, ваши плечи, ваши сердца. Бывает иногда в жизни такая заваруха, что, кажись, выхода нет, хоть погибай, или отступай. То и ценно в нас, что мы отступать-то и не приучены. Верю тебе, Семён, найди в себе силы, перенеси это страшное горе, помоги Гале...»

Со всех концов я получил в эти дни письма от своих воспитанников по колонии имени Горького. Думаю, что этот поток доброй, товарищеской поддержки был результатом подсказки Антона Семёновича».

Однако в 66-й школе-колонии для трудновоспитуемых детей, где произошла трагедия, остаться было невыносимо. По ходатайству А.С. Макаренко, тогда помощника начальника отдела воспитательно-трудовых колоний при НКВД УССР, Калабалин назначается начальником учебно-воспитательной части Винницкой колонии.

«Мне было поручено открытие детской колонии для рецидива в Якушенцах. В этот период я часто общался с Антоном Семёновичем и был свидетелем, как он не просто руководил отделом, а создавал методику воспитания во всех её подробностях.

Каждое личное письмо Антона Семёновича ко мне было полно советов, подсказок, собрав которые, они явят собою сборник методической организации детского учреждения. Там предусмотрено решительно всё: дозировка света, воздуха, жилой площади, расстановка кроватей, пошив костюмов, встреча новичка, примерное содержание первой беседы с ним, методика привлечения подростков к общественной деятельности, нормы нагрузок, организация первого урока в школе и т. д.»

(С.А. Калабалин)

Из выступления А.С. Макаренко на встрече с педагогами Фрунзенского района г. Москвы, 8 февраля 1939 г.:

«Карабанов — начальник колонии. Замечательный человек. Если про себя я говорил, что мастер, а не талант, то Карабанов в первую очередь талант. Расскажу вам такой случай. В 1937 г. я руководил всеми колониями Украины. Вызвал из Ленинграда Карабанова: «Бери новую колонию, будешь работать там», — «Хорошо». Дал я ему старый совхоз (с. Якушенцы). Ничего там не было. Я решил: Карабанов человек сильный. Дал я ему «лучших ребят». Со всей Украины собрал... настоящих «жуков», которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14-15, но у него в кармане отмычка и водка. Месяц я продержал их в приёмнике. Окружив высоким забором, часовых поставил. Наконец, получаю телеграмму от Карабанова: «Можно привозить».

Ночью они прибыли в Винницу. Карабанов подал к станции два грузовика. Приехали. Накормили их, уложили спать. Утром проснулись — кругом степь пусто. И бараки.

...Карабанов ушёл на село. Ребята заявили: жить здесь не будем, пошли, братцы, на вокзал... Пошли пешком, целой ватагой. А чекисты за ними на автомобиле поехали, всё уговаривать продолжают.

Прибежал Карабанов: «Где хлопцы?» Схватил первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит—идут хлопцы по дороге. Он спрыгнул с коня. Поскользнулся и упал. Лежит. Те к нему: что такое? Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: «Снесите меня в колонию». Понесли в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожно опустили его, а он и говорит: «Ну, спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти». Ребята буквально обалдели. А он увидел самого курного и говорит: «Почему ты такой красивый?» Ребята ещё в большой восторг пришли. Карабанов говорит: «Ну что же, идите в Винницу». — «Ну, пойдём». — «А, может быть, позавтракаете, а потом пойдёте? — «Ладно, отчего не позавтракать».

...Через три месяца я приехал к нему туда с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина, что надо. Все очень вежливы, приветливые, все читали «Педагогическую поэму».

Я не стал расспрашивать Семёна, как он это сделал. А у ребят спросил: «Ну-ка, скажите, какое у вас главное достижение?» — «Наше главное достижение — Семён Афанасьевич!» (смех).

Вот это настоящий талант. Не мастер, а именно талант, которому подчиняются самые тяжёлые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылали ему самых трудных, а он делал с ними буквально чудеса.

Из дневника С.А. Калабалина:

«16.04.36 г.»

«Колонию посетил тов. Макаренко А.С. Колонией в целом и особенно детколлективом остался доволен. Ребята тепло встречали Антона Семёновича!..»

«18.08.36 г.»

«Невыносимо тяжело переживать догадки и предположения о состоянии дел в колонии. Теперь уже совершенно ясно, что ни плодотворная работа, ни отдых невозможны вне ребят и их ежеминутной болтовни, что влились в мой организм, как моя личная характерная черта. Иначе, чем объяснить такое явление, что в самом разгаре споров, разбора дел, тысячи вопросов, я могу быстро писать стихи, докладные записки, остроумно отвечать на вопросы ребят и исключительно метко реагировать на их проявления. И чем же объяснить мою исключительную тоску по ним...»

В декабре 1938 г. наркомпросом РСФСР был издан приказ № 170С «Об улучшении работы детских домов», в котором предлагались меры по укреплению руководства детскими домами.

В январе 1938 года С.А. Калабалин получает новое назначение — завучем в Соколовский детский дом Крыжопольского района Винницкой области.

Из воспоминаний воспитанника Соколовского детского дома Ивана Васильевича Рыбаченко:

«Опыт и его результаты по воспитанию детей в Соколовском детском доме был разительным, поучительным и очень нужным. Я мало верю, кто ещё так сегодня способен самозабвенно отдать свою жизнь детям и внедрять в жизнь самый передовой опыт по выращиванию Человека. С именем Семёна Афанасьевича связана вся моя жизнь. То, чему он учил детей, было символом моей жизни».

1 апреля 1939 г. умер Антон Семёнович Макаренко. В мае того же года в связи с необходимостью постоянной деятельности в комиссии по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко С.А. Калабалин переехал под Москву и принял детский дом № 3 Мосгороно на станции Барыбино. С момента переезда под Москву начинается новый этап жизни С.А. Калабалина — период самостоятельных поисков. Здесь развивалось и совершенствовалось его педагогическое мастерство.

Из воспоминаний воспитанника Барыбинского дома № 3 Мосгороно К. Петухова:

«Его появление в Барыбино было совершенно неожиданным и новым по сравнению с его предшественниками. Если те в первую очередь принимали друг от друга хозяйство, то Калабалин с этим делом не торопился. Прежде всего он стал знакомиться с детьми и принял их под свою ответственность не по спискам, как это делали другие директора, а лицом к лицу с каждым. А их было в детском доме около пятисот.

Всех нас очень удивило познание и молниеносное разоблачение всех наших мальчишеских «секретов». Он заглядывал в топку печек, приподнимал матрасы, раскрывал тумбочки и вскоре на полу образовалась большая куча, состоящая из самопалов, рогаток, острог, сухарей, самодельных игральные карт. К нашему удивлению, мы не услышали от него привычной ругани и упреков. Калабалин укоризненно покачал головой и с украинским акцентом горестно сказал: «Не добре у вас, хлопцы...» Он указал на кучу и с уверенностью приказал: «Сегодня же уничтожить. Исполните? Можно не проверять?... Ну, добре!» Когда за ним закрылась дверь, разгорелась словесная битва, чуть не дошедшая до настоящего боя. Но первый приказ нового директора был с честью выполнен, а сухари съедены в честь примирения.

Через несколько дней на лесистом пригорке у спуска к реке было организовано собрание-встреча, на котором присутствовали не только воспитанники и педагоги, но и все сотрудники детского дома. Семён Афанасьевич рассказал нам об Антоне Семёновиче Макаренко, о себе и познакомил всех с Галиной Константиновной — женой, педагогом и другом по работе.

Он говорил о нашей настоящей жизни с каким-то особым обаятельным юмором, вызывая аплодисменты и смех даже у скептиков. Но когда Семён Афанасьевич сказал, что на пустыре будут цвести красивые цветы, вырастут аллеи деревьев, большой фруктовый сад — заходи, рви, ешь сколько твоей душе угод-

но, — это показалась фантастикой. И в то же время нельзя было не поверить этому доброму, шутливому, с искрящимися глазами, человеку.

И он развеял сомнения: «Всё, о чём я вам говорил,— это не сказки — пояснил Калабалин,— нам придётся работать, много работать, самим для себя, и я выдвигаю лозунг: «Не пицать!» Кто за этот лозунг?

Все подняли руки. Одни с радостью, другие с неохотой. Вскоре жизнь в детском доме стала совершенно иной — радостной, бодрой, трудовой «по-макаренковски».

Работа в Барыбинском детском доме была налажена, и С.А. Калабалину предложили работать в детском доме № 60, в Сокольниках. Сюда направлялись мальчики, исключённые из московских школ. В этом детском доме Семён Афанасьевич проработал до начала Великой Отечественной войны. Из архива С.А. Калабалина:

Детский дом расположен в замечательных природных условиях. С запада, с севера и с востока покой детдома оберегают стройные сосны, ели и нарядные берёзы с тонкими побегами ветвей, как с распущенными косами. У подожвы пригорка, на котором разместились постройки детского мира, нежится река Северка. К югу, прямо к солнцу, из леса с 'Зелёными шапками крыш, как будто приготовился к маршу строй красивых зданий детского дома. В семь часов особенно звонко рвутся в утреннюю синь зовущие звуки сигнала на подъём. «Ночь прошла, вставать пора. Убирайся, ободряйся, будь готов к труду». Четыреста упругих мальчиков и девочек, улыбаясь весеннему солнцу, расчерчивают двор геометрическими линиями трудового радостного движения.

Сигнал на утренний обход. Дежурные по детскому дому в составе воспитателя тов. Д.И. Бородкиной, юркого, приземистого, улыбающегося командира 8 отряда Ротт и дежурного члена санитарной комиссии обходят спальни.

Отряд выстроен. Командир отряда № 1 Аносов встречает дежурного командира: «Товарищ дежурный командир, в первом отряде ночь прошла благополучно. Отряд готов к утреннему обходу». Дежурный Ротт отдаёт салют. Ему отвечают двадцать крепких голосов.

Ни пылинки, ни морщинки — дежурство не может упрекнуть детей в недобросовестной уборке.

Ротт подаёт команду: «Первый отряд может быть свободным».

Отряд отвечает: «Есть». И так все 22 отряда.

Сытный завтрак окончен, и сигналист играет сигналы на работу: «За лопату, за топор, во дворе гудит мотор, день учёбы и труда — н-а-ч-и-н-а-л-с-я».

Первая смена в школе — дисциплина отличная. Работают упорно. Ведь каждый класс — это боевая единица, которая на доске межотрядного соревнования ведёт упорные бои с противником: ленью, плохой учёбой, грубостью и т. д.

Остальная часть ребят работает в мастерских, готовит уроки, убирает территорию двора.

Черноволосый Горшков, исполняющий обязанности завхоза, юлою мечется по детскому дому. Его разыскивают: тому нужна лопата, другому — лошадь, а он скрылся. По его адресу мечут упреки, «бюрократом» называют. А Горшков

на конюшне конюха «пилит» за плохой уход за конём. Фёдоров Витя «ворочает» делами кирпичного завода. Шакальский и Сергеев Коля руководят посевной. Каждый занят своим делом, порученным ему коллективом во имя счастья коллектива.

А с 7 часов вечера работают кружки. Духовой (30 человек) готовит марши, кружок народных инструментов (30 человек) ведёт свои занятия. Хоровой, драматический, джаз... Остальные пишут газеты, читают книги, рисуют, пляшут...

В совете командиров разбираются вопросы жизни детдома: сколько тысяч сделано кирпича, почему плохо работает транспорт.

Совет командиров постановляет: принять участие в распространении билетов 14 лотереи Осоавиахима. Коллектив работников подписал на 1000 рублей, ребята — на 400.

21 час 30 минут. Сигнал: «Сдать рапорта». Весь детдом в сборе.

Командиры 22 отрядов докладывают о прожитом трудовом дне.

Всего нарушений по детдому — 12: получили плохие оценки по учёбе. Решили всем сбором не иметь плохих оценок. Это — позор!

День закончен. Сигнал — спать. После труда мир счастливого детства спит спокойно. Лес шумит. Северка тихо «говорит».

(Газета «Вперёд», 18 мая 1940 г.)

Уходя на фронт в июле 1941 г., С.А. Калабалин оставил воспитанникам детского дома № 60 письмо-наказ не осрамить начатого дела.

Из воспоминаний С.С. Булычева, полковника в отставке:

«Семён Афанасьевич в начале войны попросил послать его на фронт рядовым. Но известный герой «Педагогической поэмы» не мог быть незамеченным. Послать в скопы на передовой рубеж? Нет, надо было использовать его иначе. Тут учитывалось многое: ум, смелость, решительность, находчивость, артистизм, контактность, умение сохранить хладнокровие, принимать самостоятельные решения в непредсказуемых, экстремальных обстоятельствах, наконец — безграничная преданность Родине. Всеми этими качествами обладал Семён Афанасьевич Калабалин.

В период войны фашистская Германия на своей и на занятой территории имела большое количество разведывательных школ. Укомплектованные из числа советских военнопленных, отобранных в концлагерях, они готовили агентов для переброски в тыл Красной Армии для ведения разведывательной и диверсионной работы.

Семён Калабалин прошёл все муки ада в лагере для военнопленных, «завербовался» и после многократных допросов «с пристрастием», тщательнейших проверок и перепроверок гестапо оказался в разведшколе под Варшавой. Её филиал обосновался в Кенигсберге, где Калабалин потом проходил подготовку. Каждый курсант имел только псевдоним и номер. Экипировали всех в форму офицеров и солдат Советской Армии.

Семён Афанасьевич, как руководитель группы, имел звание капитана. Так со шпалой он и был заброшен. В разведшколе Калабалин сумел часть курсантов

перевербовать, сколотить надёжную группу для заброски в наш тыл. Группу направили в Горьковскую область, где были важные промышленные объекты. Все парашютисты после приземления явились в полной форме, с оружием, деньгами, рациями, шифрами, в местные органы власти. Семён Афанасьевич остался руководителем группы. Началась радиоигра. Семёну Афанасьевичу и его людям приготовили удобную квартиру в пригороде Горького. В определённые дни и часы строго по немецкому графику он со своими радистами выходил в эфир, передавал в абверовский радиоцентр материалы, собранные его «агентами», то есть дезинформацию, подготовленную нами...

За образцовое выполнение задания майор Калабалин был награждён орденом Отечественной войны первой степени».

Великая Отечественная война лишила С.А. Калабалина возможности отдавать всего себя детям, но мыслями он всегда был со своими воспитанниками, с нетерпением ждал того часа, когда вновь будет с ними, Об этом свидетельствуют его письма с фронта.

Из письма С.А. Калабалина, А.А. Порозовой
в г. Катав-Ивановск Челябинской области, 18 апреля 1943 года:

«... Всё это время судьба мною играла, как играют бурные весенние потоки воды — щепкой. Были моменты, когда эту щепку сжимало между двух глыб льда. Она, хрупкая, трещала, ломаясь, из неё выжимали соки, впитанные ею, когда она ещё была составной частью красавца-дуба. Затем она опять неслась по течению, опять попадала в беспощадные жернова, боролась с силой бушующих ЕСЛИ, превращаясь в крепкий осколок дуба и обрушивалась на мутные воды врага. Вся прелесть этой борьбы заключается в том, что щепка находится на движущихся гребнях волн, но придёт время и она выберется на сухой берег, а, вернее, могущественная сила нашего народа иссушит кроваво-мутную воду врага, а щепка, как в сказке, представьте себе, разовьётся курчавым дубом вечной жизни — прямо на том месте, где бушевали воды бед.

И заговорю я голосом человечьим... И многое Вам расскажу, мои милые, и многое Вам неясное станет ясным и даже дорогим.

Мораль тут такова: чем скорее мы разделаемся с Гитлером, тем скорее мы будем вместе, и в прекрасной музыке восстановленного творческого труда найдётся место и для воспоминаний о минувших днях.

Как убеждён я, так должны быть убеждены и Вы в том, что я буду жив. Нам умирать ни к чему. Мы должны жить, чтобы умер враг. Правда, ко мне смерть подкрадывалась, кокетничала со мной, но я так её принял, что вряд ли у неё будет охота повторить свой визит. Не посмеет!

Мы ещё поживём с Вами, мои славные друзья! Нам жить есть во имя чего — дети. Их миллионы и они ждут нас настоящих мастеров и настоящих отцов. У меня хватит силы, чтобы наполнить любое скопление детворы чувствами отца, обнять их любовью, оградить строгостью и сделать из них достойнейших сынов нашего великого Отечества...»

Советский Союз вступил в смертельную схватку с фашизмом. Сотни тысяч детей были эвакуированы на Южный Урал, вглубь страны. Сохранить детей, спасти их от голода, дать кров, одежду, окружить теплом и вниманием — такая задача стояла перед народом.

Ноябрьской ночью 1941 г. прибыл в г. Катав-Ивановск коллектив детдома особого режима Мосгороно. Это были воспитанники Семёна Афанасьевича, который, оставив пост директора детского дома, пошёл защищать Родину, жизнь своих питомцев.

Директором детского дома стала его жена, воспитатель Галина Константиновна Калабалина. Перед эвакуацией к детскому дому № 60 был присоединён ещё один, особого режима. Таким образом, под опекой Г.К. Калабалиной оказалось 230 детей с изломанными судьбами, трудными характерами, в свои 10-14 лет успевших совершить преступления.

Галина Константиновна вспоминает: «... Трудностей было много. Работниками детдома были только женщины. В эти трудные дни мы часто обращались к произведениям А.С. Макаренко, перечитывали его труды. В основу своей работы положили главный принцип Антона Семёновича: как можно больше требовательности к ребятам, как можно больше уважения к ним...»

Из отчёта детдома № 60 об итогах работы за 1943 год: «... Бригадой лесорубов под командой воспитанника комсомольца В. Дурманова было заготовлено дров 520 кубометров.

60 человек под руководством т.т. Сухининой и Демукшиной работали в колхозе «Путь к социализму», заработали 2500 трудодней, одновременно обслуживая колхозников культурно-массовыми мероприятиями. 100 человек работали в подсобных хозяйствах заводов района и жили в лагерях, оборудованных ими. За отличное выполнение работы коллектив воспитанников получил благодарность от руководителей заводов».

В 1943 г. детдом № 60 по итогам социалистического соревнования признали лучшим среди детских домов Челябинской области, а Г.К. Калабалина была награждена значком «Отличник народного образования». (Большую роль в воспитании ребят играла переписка с бывшими воспитанниками-фронтовиками с первых же дней войны).

Уходили на фронт повзрослевшие воспитанники, а с фронтов нередко приходили «похоронки»... Горе серебрило виски Галины Константиновны. Погиб воспитанник детдома, приёмный сын Калабалиных — Паша Прокопенко. В марте 1943 г. сгорел в истребителе любимец ребят Федя Крещук. Перед вылетом на задание он просил командование передать письмо его матери, если он не вернётся. Матерью он называл Галину Константиновну.

Из письма Фёдора Крещука:

«... Когда человек идёт в бой, он вспоминает самое родное и близкое... Я вспоминаю Вас, потому что всё самое святое, всё, что дороже жизни, сочетается у меня в Вашем образе.

Родная! Я всё помню и ничего не забыл. Я помню, как Вы читали нам Диккенса, как хлопотали, чтобы повкуснее накормить, как приходили ночью в

нашу спальню, чтобы поправить спустившееся одеяло, как радовались всякому «отлично» или «хорошо», которые ставили нам учителя.

Мы не были для Вас чужими, мы были для Вас свои, родные. Я не знал матери, этой матерью стали Вы. Сейчас знаю, у меня есть мать. От этого на душе тепло, так хочется биться за счастье, за Вас, за Родину, которая имеет таких женщин, как Вы.

Это письмо придёт к Вам, если я не вернусь. Через несколько минут я вылетаю. Я думаю только о жизни, я не думаю о смерти. Но, может быть, мне придётся повстречаться со смертью. Что ж, я не дрогну. Я не посрамлю Вас, милая женщина, воспитавшая меня. Как бы хотелось видеть Вас, вместе отпраздновать победу. Но надо смотреть правде в лицо: война есть война, война требует жертв...

Спасибо, родная, за всё. Прощайте!
Ваш сын Федя Крещук».

«Галине Константиновне от командования воинской части, в которой служил Фёдор Крещук:

Лейтенант Фёдор Крещук часто рассказывал о Вас. Посылаем Вам его документы для получения пенсии, как его матери. Мы знаем, что не Вы родили Федю, но он — Ваш сын и Вы — его мать».

В 1944 г., после завершения правительственного задания в тылу врага, Семён Афанасьевич возвращается к своему любимому занятию — работе с детьми. Но произошло это не сразу: месяцы проверки на «надёжность» были страшно мучительны и унижительны для него. Об этом свидетельствуют и письма Семёна Афанасьевича к Галине Константиновне.

«Москва. 17.04.44 г.

Дорогие, золотые мои!

Когда же, наконец, кончатся наши страдания? Я так истосковался, измучился от этого проклятого неопределённого положения, что буквально жить не хочется...

Как мне неловко, стыдно перед вами. Но, честное слово, я в данном случае ни в чём не виноват. Такова уж моя «удача» в устройстве личной жизни...»

Москва. 7.07.44 г.

«Дорогие мои!

Никогда мне не было так грустно, как сейчас. Даже в самые тяжёлые минуты моей жизни я был полон радостного задора. Передо мною стояла задача, которая всегда стояла перед глазами, владела мною, управляла мною.

Задача выполнена. Хорошо ли, плохо ли, но выполнена. Ну, а что же теперь? Сижусь... И это я, вечно хлопотавший, перед трудом преклонявшийся, как перед богом! Сижусь. Одна минута времени, проведённая в безделье, равна часу, прожитому в труде. Какой-то умник сказал, что гнев — начало существования. А мне кажется, что месяца безделья достаточно для того, чтобы быть зачисленным в общество тихопомешанных. Особенно тяжело переживаю, когда вспоминаю о том, что где-то есть дети, детские дома, есть счастливики, которые жи-

вут интересами ребятишек. Неужели я больше не увижу радости труда на благо моей Родины, выращивая новое, молодое, трудовое поколение? Как видишь, Галочка, и мой оптимизм дал трещину. Тебе просто завидую. Ты можешь ласкать свои материнские чувства, ощущая рядом с собой наших дорогих детей...

Я здесь упражняюсь в написании статей на воспитательные темы, планов — вариантов по организации детских колоний. Меня очень интересуют колонии в системе МВД. Люблю дух колоний, там меньше консерватизма, больше размаха для решения творческих идей...»

С августа 1944 г. по август 1946 г. Семён Афанасьевич руководит детским домом для испанских детей в г. Солнечногорске Московской области. Но... Но «сверхбдительное» бериевское начальство не доверяло даже таким своим работникам, как С.А. Калабалин, его героическая деятельность в годы войны оказалась не в счёт. Семёну Афанасьевичу было предложено поискать себе место в другом месте.

Из письма С.А. Калабалина инспектору по трудколониам МВД Грузинской ССР Месхи Е.В.

«... И всё же мне хочется работать у вас, и прежде всего потому, что хочется трудиться там, где можно быть максимально полезным...

В настоящее время я свободен, от испанцев меня убрали. Рискуйте, и Ваш риск увенчается великолепными делами...»

В октябре 1946 г. С.А. Калабалин с семьёй переезжает в Грузию. Его назначают заместителем начальника колонии по учебно-воспитательной части в городе Кутаиси. За короткий срок Семён Афанасьевич сумел наладить в колонии воспитательную работу, сплотить ребят, воспитать коллектив. В постоянных педагогических поисках оттачивалось его мастерство, накапливался опыт работы по воспитанию Человека.

В мае 1947 г. приказом министра МВД Грузии С.А. Калабалина переводят в Сталинирскую ТВК заместителем начальника по учебно-воспитательной работе. И здесь он добивается успехов в воспитании коллектива.

И ещё о творческой педагогике...

Из архива С.А. Калабалина:

...Сталинирская ТВК. В первый день пребывания в колонии я решил не делать с детьми официальной встречи. Ходил по колонии, заглядывал во все «щели», изучал «боевую» обстановку. Я говорил с работниками колонии, а ребят как бы не замечал. Они тоже держались на приличном расстоянии от меня, делали вид, что не интересуются мною. Но не выдержали. Разведчики стали кружить на близком расстоянии, их пути стали «невзначай» скрещиваться с моими зигзагами по двору.

Наконец, один из них метнул на ходу в меня вопросом:

— Вы будете у нас замначем?

— Тебе это лучше знать, буду или нет...

У пацана рот бубликом, а лицо скорчилось недоумённым вопросом.

— Да, это решать будете вы. И если станете очень просить меня, то может быть, я и останусь в этом хлеву. Но передай пославшим тебя, что замнач сердитый. Не люблю трусов, лентяев, воров, грязнух и дураков.

В тот день мне хотелось сделать ещё что-нибудь такое, чтобы дать ребятам пищу для разговора. В новом строящемся доме я услышал какое-то завывание. Мне объяснили, что это вопит сидящий в карцере воспитанник М., водворённый туда за неоднократные побеги из колонии. В помещении изолятора передо мною предстал подросток лет 16. Лицо в крови, грудь исцарапана стёклами.

— Зарежусь! Всё одно зарежусь! — вопил он.

— Ты чего тут истерику закатываешь?

— А что меня держат? Не хочу я жить в колонии!

— Так ты не хочешь жить здесь? А почему же ты в колонии?

— Забрали меня...

— Значит, пришли к тебе домой, ты сидел, читал книгу, а тебя забрали?

— Нет у меня дома. На базаре это было.

— Ты что же, работаешь на базаре?

— Я просто был на базаре...

— Значит, у тебя дома нет, и ты, такой большой и красивый парень, ещё не работаешь, а паразитничаешь? Выгоните его вон! Иди, хороший мальчик, куда хочешь. Ты не имеешь права даже на эту яму. Недостоин. Марш!

— Куда идти, в спальню или из колонии?

— Куда хочешь, туда и иди, истеричка!

Я был уверен, что он пойдёт в спальню и будет рассказывать, как новый замнач приказал ликвидировать карцер, а охраннику заняться более полезным делом. М. не ушёл из колонии. Сначала не ушёл потому, что ему был интересен странный начальник. Затем мне пришлось изрядно поработать над его характером. А спустя полтора года М., как хорошего ученика и производственника, приняли в комсомол.

На второй день я пришёл в спальню в 6 часов утра. Излишне описывать жуткое состояние спален, способное возмутить самого нетребовательного воспитателя. Я заглянул в лицо каждому спящему. Не было ни одного такого, кого можно было бы назвать дегенератом, идиотом, садистом. То были нормальные детские лица, но с тенями тревоги. А проснутся — и будет толпа, идеал которой «хватай» и «сопротивляйся», девиз которой — «каждый за себя, а прав тот, кто сильнее».

Организация коллектива! Самая решительная и немедленная организация коллектива нужна им более, чем еда, чем всё остальное!..

В самоотверженной борьбе за каждую человеческую личность, большой и грамотной педагогической работой, взрывами справедливого педагогического гнева, человеческой радостью побед, протестующим страданием происходит процесс становления, рождения и воспитания будущего детского коллектива.

— Рыбы в море идут косяками — есть вожак. Самолеты летят в воздухе — есть ведущий. На 12 тысяч пчелиного семейства есть матка в улье. В семье есть отец, на заводе — директор. Везде, тем паче в людской среде, есть назна-

ченные, или по опыту и разуму определившиеся, руководители. Первым вашим руководителем буду я. Но этого мало, мне нужны помощники. Есть среди вас командиры?

— А мы все командиры!..

— Хорошо. Тогда вы и командуйте, а я буду рядовым. Ведите меня, организуйте мою жизнь так, чтобы она мне нравилась. Но если она будет похожа на ту, которой вы живёте сейчас, я взбунтуюсь.

Я говорил долго, вырывал куски из личной жизни, из жизни колонии имени Горького, коммуны имени Дзержинского. К стогу подползали из дальних углов. Ужинали поздно, а после ужина снова потащили меня в спальню. Опять говорили задушевно. Говорили мне, что будут делать всё, но только без командиров, потому, что командирам всегда блат в жратве и в барахле.

— Это не командиры,— говорил я им,— а жулики. Командир, как я понимаю его,— это старший, вами же уполномоченный товарищ. Он не съест, пока не накормит вас, он не наденет штанов, пока все его подчинённые не будут в штанах...

В коллективе предусматриваются органы, целый институт органов, которые создаются для организационного удобства, и они, органы, отличают коллектив от толпы и случайного объединения людей.

Воспитать человека, который «обязан быть счастливым», у которого, по образному выражению А.С. Макаренко, «должна быть единственная специальность — он должен быть большим человеком, настоящим человеком» — можно только через коллектив!

Из воспоминаний воспитателя колонии Л. Бородиной:

«... В колонии был полный развал, нечто подобное Куряжу, описанному в «Педагогической поэме». Произошло убийство одного из воспитанников и готовилось второе. По просьбе комсомола колонии Калабалина прислало начальство из Тбилиси для наведения порядка.

Собрав всех колонистов во дворе, он провёл беседу с ними: «Как будем жить и что делать...»

Семён Афанасьевич — это воплощённая сила жизни и радость жизни. Сколько ума, сколько юмора! Какая прямота и сила духа! Какое человеческое очарование! И какая в нём непримиримость к порокам, к недостаткам тех же людей! Какая требовательность и любовь!

Семён Афанасьевич и Галина Константиновна — талантливые продолжатели великого дела А. С. Макаренко...»

Педагогическая деятельность С. А. Калабалина высоко оценивалась и руководителями Сталинирской ТВК.

Из характеристики Калабалина С.А.:

«... Высокая принципиальность, оперативная решительность, организаторская способность, постоянная трудовая и деятельная готовность, честность, любовь к детям и педагогическая грамотность — вот те качества, которыми располагает Семён Афанасьевич, и которые обеспечили быстрое педагогическое оздоровление колонии.

Калабалин умело сплотил педагогов, воспитателей, работников и самих воспитанников колонии и создал полноценный коллектив.

В педагогической работе и в организации воспитательного процесса Калабалин свободен от формализма. Формы и сами педагогические приёмы всегда новы и более совершенны, чем вчерашние...»

В августе 1950 г. С.А. Калабалин переезжает на Украину и принимает заведование специальным детским домом на станции Мотовиловка Фастовского района Киевской области.

И опять поиск новых форм воспитания и перевоспитания, и опять борьба с человеческими пороками, за детство счастливое, трудовое.

Из статьи «Светлые дороги» (журнал «Огонёк», 1952 г.):

«... Нет и трёх лет, как Семён Афанасьевич приехал в Мотовиловку, а сколько вокруг перемен! Поднялся над землей молодой сад, зазеленели высаженные ребятами четыре тысячи кустов акации, клёны и тополи. На дворе вырос спортивный городок. Есть тут футбольное поле, площадка для волейбола, беговые дорожки, гимнастические лестницы и трапеции, полоса препятствий, шесты и качели. Ребята роют пруд — зимой будет каток, а летом своя рыба.

... Сегодня Семён Афанасьевич едет в Киев. На узкой полоске бумаги длинный список дел. С утра — к студентам: будущие учителя просят его поделиться воспоминаниями о Макаренко. Потом покупки: два фотоаппарата, тридцать пар коньков, лыжи, грузовая машина, нефтяной движок для электростанции и киноаппарат, два седла.

А там, дома, жизнь идёт своим чередом. Склонившись над тетрадкой, Галина Константиновна объясняет девочкам непонятную задачу. Тот, кто приготовил уроки, устраивается с книгой, где светлей и тише. Двое сидят за шахматной доской. Сверху доносится песня...»

А.С. Макаренко учил: как бы ни было хорошо в благополучно обустроенной колонии, где быт и дисциплина налажены, не бойтесь расстаться со всем этим. Поезжайте туда, где всё гибнет в бездействии. Берите штурмом новое место и всё начинайте сначала.

В 1956 г. Калабалины переезжают под Москву и принимают Клемёновский детский дом в Егорьевском районе.

Клемёново — это новый калабалинский Куряж. А с чего всё начиналось? Вот выдержка из письма Семёна Афанасьевича к Галине Константиновне:

«29. XII — 1956 г.

Клемёново.

... А вообще живут же люди, будем жить и мы! Детали: потолки падают, полы проваливаются, вонище... Бухгалтер лежит в больнице, ни учёта, ни прихода. Есть вши, грязь, пустота. Нет человеческого тепла. Стульев нет. Всё разбито... Райком партии великодушно допустил: «На месячишко, а там мы посмотрим, как и что, а вообще, конечно, устраивайтесь».

Сидим сегодня весь день без дела. Мы в детский дом, а директор из детского дома. Куда ни кинусь — ничего нет.

Итак, жду вас, мои родненькие!...»

Помня заветы А.С. Макаренко, что «колони́стская коммуна представляет собой прочно сбитое по-товарищески и дисциплинированное рабочее сообщество, беспрерывно повышающее свой культурный уровень, в то же самое время всегда весёлое, с бойким настроением», Семён Афанасьевич (в который уже раз!) приступил к строительству новой жизни на новом месте.

Крепкий, сплочённый коллектив был для него мощным и тонким инструментом воздействия на воспитанников.

Организация детского коллектива: разбивка на отряды, выборы совета командиров, командиров отрядов, создание постоянно действующих комиссий, ежедневные дежурства воспитанников, проведение общих собраний, на которых совместными усилиями решаются важнейшие вопросы, обсуждение итогов прошедшего дня на вечерних рапортах. Чётко продуманная работа органов самоуправления была отличительной и определяющей жизнью чертой детского коллектива.

Из материалов рабочего плана Клемёновского детского дома на 1957-1958 учебный год:

«... Из детского дома должен выходить в большую жизнь такой подросток, который должен отличаться навыками коллективизма, высокой культурой поведения, скромностью, здоровьем, грамотностью, трудолюбием, смелостью и выдержкой, высоким чувством патриотизма. Детский дом располагает всеми средствами к тому, чтобы детям были сообщены все эти и многие другие общественно-полезные качества. Это наш гражданский долг».

Меньше чем за год запущенный детский дом изменил свой облик. Анализируя первые итоги работы педагогического коллектива, было отмечено, что «благодаря добросовестному, почти самоотверженному напряжению физических и духовных сил воспитателей, наладившейся живой и полезной связи со школой, созданию работоспособного института детского самоуправления, в конце концов, удалось учебный год закончить с благополучными результатами. Из 106 учащихся перешли в следующие класс 100 человек. Детский коллектив к концу учебного года представлял собой здоровую согласную семью».

И всё же это были первые успехи, обольщаться ими было ещё рано. Перед педагогами вставали всё новые задачи. Чтобы коллектив состоялся, он должен иметь поле деятельности или, если хотите, полигон для самоутверждения. Нужно было найти и увлечь детей конкретной целью.

На общем собрании воспитанники обсудили, что можно сделать своими силами в ближайшее время и решили:

1. Расширить жилплощадь спален путём пристройки к спальному корпусу дополнительных площадей для четырёх спален.

2. Увеличить объём столовой и кухни.

3. Провести подготовительные работы к подводке водопровода и установки центрально-водяного отопления в спальном корпусе.

4. Построить спортивный городок.

5. Заложить гектар сада.

6. Вырастить в своём подсобном хозяйстве картофель, капусту и другие овощи.

7. Помочь колхозу выращивать кукурузу на площади 5 га.

8. Вырастить 20 свиней.

Из выступления Г.К. Калабалиной:

«... Вовлекая детей в общественно-полезный и производственный труд, мы, разумеется, в первую очередь интересовались его педагогическими результатами.

Учитывая то, что контингент детей у нас особый (в основном нам присылают детей, исключённых из массовых школ, из других детских домов и школ-интернатов), нам важно было добиться, чтобы в трудовой деятельности воспитанников вырастал интерес к учению, формировался их нравственный облик, приобретались необходимые практические умения и навыки, воспитывалось чувство ответственности за порученное дело.

Были организованы сводные отряды, которые работали на порученных участках, соревновались между собой. При подведении итогов обязательно учитывалось не только количество выполненной работы, но и её качество, и отношение каждого члена отряда к работе».

Семён Афанасьевич учил жить по-макаренковски: в труде, в заботе, с верой в завтрашнюю радость. Неутомимый труженик, вечно ищущий, талантливый от природы, он всегда был не удовлетворен сделанным, горел желанием добиться большего. В своём дневнике он писал:

«... Хочу двигаться, жить хочу и видеть хочу разумное, выстраданное человеческое лицо — самого человека...

А и дорого же он достаётся, этот самый Человек! Но в нём и отдых мой, и утешенье...»

Из всех задач в области воспитания задача понимать детей остаётся самой важной. Можно сердиться на них, строго спрашивать за проступок, наказывать. Нельзя одного — быть равнодушным к ним.

«Учительская газета» от 10 октября 1974 г.:

«... В детский дом редко попадали ангелы. В пятый класс привезли Женю Мальцева. Директор долго и пристально разглядывал его, покуривая сигарету. Потом неожиданно весело сказал.

— А знаешь, Евгений, у тебя здорово оттопыриваются уши, что говорит о твоей расхлябанности и о тщедушной волюшке твоей... И минуту спустя добавил: «Придётся с тобой здорово поработать, чтобы ты стал настоящим гражданином, а не государственным прихлебателем».

«Шесть долгих лет Калабалины терпеливо вытравливали из меня блажь, достигая нужного,— вспоминает сам Е.А. Мальцев.— Как-то Семён Афанасьевич застал меня за игрой в карты (уважал я это занятие и в нём известных успехов добивался). Кончилась игра.— «Пойдём, говорит, Мальцев, поговорим по душам».— Предстал я перед комитетом комсомола.— «Решайте, ребята, как поступить с этим негодяем. Я за исключение его из детдома».

А я уже тогда знал, что его зажигательная речь кого угодно убедит.— «Ему нечего здесь делать,— продолжает Семён Афанасьевич, — он безо всякой пользы только пожирает государственный хлеб».

Сейчас, когда позади детский дом и армия, я, рабочий Московского автозавода имени Ленинского комсомола, знаю: спасла меня милая, добрая, спокойная Галина Константиновна. Она уговорила комитет взять меня на поруки. «Нет, так дело не пойдёт,— выговаривал жене Семён Афанасьевич.— Я буду ругать, а ты по головке гладить?»

Год спустя Семён Афанасьевич признался: «Женька! Если бы не комитет, я бы исключил тебя. Но сейчас вижу, что сделал бы непоправимую ошибку, так-то, брат!...»

Из армии я постоянно писал Калабалиным (нет у меня более родных людей). Как-то встал вопрос о моём досрочном увольнении из рядов Советской Армии. Пишу: как быть, Семён Афанасьевич? Военком ждал моего решения. Ответ пришёл быстрый и короткий: «Если ты искренне спрашиваешь моего совета о досрочном увольнении из армии, то я искренне тебе отвечаю: Не смей! Не смей! Не смей! Это безнравственно, это непатриотично, не по-граждански. Это, наконец, малодушно и подло. Женька, если сотворишь хитрость,— я решительно выжгу твоё имя из своей человеческой души».

Сомнений у меня не оставалось. Я написал, что продолжаю служить, что уже почти не получаю взысканий и совсем обхожусь без «губы».— «Очень тепло было на душе от твоих слов.— «У меня всё отлично, нарядов больше нет»,— читаю его письмо,— Спасибо, сынок что не собираешься подводить. Служи, дорогой, не отслуживай (не каторгу отбываешь). Служи, как гражданин... А слово «хочется» не терпит мягкого знака. Зачем ты его лепишь, куда не следует?»

Шесть лет рядом с Калабалиными. Шесть лет — пустяковый отрезок на жизненной прямой (да не такая уж она у меня и прямая), а праздник на всю жизнь!...»

В 70-годы «Комсомольская правда» обратилась к читателям со статьёй-призывом: «Перечитайте!» в ней говорилось:

«... Книги А.С. Макаренко — не только отличные пособия для всякого творческого педагога, это книги, умеющие устроить в душе человека «эмоциональный взрыв», раз и навсегда заразить его страстью к нелегкому и счастливому труду воспитателя. Кто знает, сколько талантливых молодых людей остались безучастными к педагогике лишь потому, что в детстве им не подложили вовремя под подушку «Педагогическую поэму».

На страницах книги встречи с Семёном Карабановым (Калабалиным) запоминаются надолго. Но сильнее ещё оставляет впечатление встреча с ним в жизни. Мне посчастливилось: я являюсь его воспитанником по Клемёновскому детскому дому.

Из разных мест, с разными судьбами приходили в детский дом ребята. Многие из нас носили клеймо «трудновоспитуемых». Сегодня мы признаём, что всем лучшим в себе мы обязаны людям, конкретным людям, которых повезло нам встретить на жизненном пути. Это были наши друзья: наши воспитатели

и учителя, наши сверстники и наши старшие товарищи. Я говорю о людях, которые учили нас жить разумно и полезно, учили примером своей личности, классом своего мышления, уровнем своего мастерства, размахом своей души. Большое счастье в жизни — найти желанную среду!

Из выступления С.А. Калабалина:

«... Основной принцип нашей жизни в детском доме — один за всех и все за одного. Мы хотим, чтобы человек учился отвечать не только за свои поступки, но и за поступки своих товарищей. Отношения в нашем коллективе строятся на полном доверии и уважении друг к другу. Настоящее доверие должно быть во всём».

Круг единомышленников не только ищется, он и образуется. Каждый из нас создаёт среду для окружающих, от каждого из нас зависит нравственный климат той или иной человеческой общности. Для нас Клемёново — наш Дом, наш уголок Родины. Здесь зародилось, здесь развивалось и крепло человеческое братство, рождён союз друзей, объединённых общим трудом и общей духовной жаждой.

Из воспоминаний воспитанников:

«... Сейчас я живу далеко от Москвы, в Норильске. Но даже и здесь я часто думаю о детском доме. Ведь он для меня был и остаётся родным домом...»

В. Михайлов.

«... Здесь всем хватало тепла и ласки. Никто не чувствовал себя одиноким и забытым».

Сёстры Пермяковы.

«У меня нет родителей, но было много воспитателей. Я их помню. Но больше всех в мою память и душу вошла семья педагогов Калабалиных. Нет, я не выбирал их, не отдавал особого предпочтения. Они вошли сами собой, как будто это было предрешено заранее, и вошли навсегда...»

Б. Савельев.

«... Заботы детского дома стали моими личными заботами. Так мы жили: нам доверяли, нас уважали, с нас крепко спрашивали, о нас постоянно заботились.

Я твёрдо решила: буду учителем, воспитателем. Как бы трудно ни было, у меня есть маяк — жизнь этих дорогих мне людей — Семёна Афанасьевича и Галины Константиновны».

М. Рыкова.

Каждый «трудный» подросток — это результат ошибок в воспитании; чей-то педагогический брак. Жизнь убеждает в том, что мастерство педагога — не врождённый дар, а прежде всего профессиональное качество, приобретённое в процессе практики и изучения педагогики. Без профессионализма воспитателю не реализовать прогрессивные идеи передовой педагогической науки, свои педагогические находки.

Краткой крылатой формулой выразил А.С. Макаренко гуманистический принцип нашего воспитания, который был сущностью и его опыта: «Как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему».

Необходимо заставить ребят поверить, что и им тоже верят. Вера в веру — вот чего добивался Макаренко, без чего не мог строить свою работу Семён Афанасьевич, вступив в борьбу с человеческими пороками.

Из выступления С.А. Калабалина:

«Я убеждён, что неисправимых людей нет. Только исправляются все поразному, разными путями идут. Но главное — сам воспитанник должен хотеть стать человеком. Надо очень захотеть стать хорошим человеком!

И вы будете им, должны, обязаны!».

Доверие к воспитаннику оказывало исключительно глубокое воздействие, будило в нём лучшие человеческие качества, поднимало на борьбу против всего наглого, пошлого, блатного.

С.А. Калабалин был настоящим бойцом педагогического фронта, профессионалом своего дела, равнодушным ко всему человеческому, эрудированным и деловым. Его безукоризненная честность и справедливость оказывали огромное влияние на воспитанников, вызвала желание быть похожим на него. В каждом из них заложена частица его огромного человеческого труда.

«Методика и система воспитания А.С. Макаренко положительны не лишь в период их применения, а положительны тем, что действуют на долгие годы и формируют нового человека.

Я не знаю срывов, как не знаю и брака в создании нового человека. На совести моей и моей жены, Галины Константиновны, нет ни одного пятна, которое помешало бы нам смотреть открытыми очами в глаза Родины, в глаза десяти тысячам воспитанных нами граждан».

С.А. Калабалин.

Вся жизнь Калабалиных и их трудовая деятельность связана с именем Антона Семёновича Макаренко. Работая по его системе, совершенствуя её применительно к новым условиям, они тем самым строили живой памятник своему великому учителю. Нам же предстоит ещё открыть миру имена их, Калабалиных, последователей Макаренко, замечательных педагогов.

Огромный жизненный опыт, педагогический талант, умелые взаимоотношения с воспитанниками, высокие организаторские качества, поразительная способность создавать коллективы единомышленников, атмосферу человеческого родства, природный дар психологов — всё это снискало им почёт и уважение не только в детской, но и во взрослой среде, будоражило сердца тех, кто искренне верил в систему творческой педагогики.

В 1962 г. группа сводного студенческого отряда обратилась с письмом-предложением в «Комсомольскую правду». Вот что они написали:

«... К сожалению, многие педагоги реально не представляют себе, как наиболее эффективно применять систему Макаренко на практике.

И тут, как нам кажется, не помощь должны придти те, кто глубоко впитал в себя эту систему, как метод воспитания молодого поколения.

Мы предлагаем организовать для широкой пропаганды педагогики Макаренко детскую колонию-интернат имени А.С. Макаренко.

Многих детей-подростков, страдающих нравственной неустойчивостью, совершивших умышленные либо случайные проступки, наказуемые судом, не

следует допускать на скамью подсудимых. Тут система Макаренко была бы наиболее эффективным педагогическим средством воздействия на подростков.

Отличительной чертой колонии будет то, что подростки будут находиться в ней то количество времени, которое сочтёт необходимым педагогический коллектив.

Это будет детское учреждение, в котором сотни учителей и студентов педагогических вузов смогут практически овладеть основами системы воспитания А.С. Макаренко. Чтобы наилучшим образом выполнять свою роль, колония-интернат должны быть расположены в удобном месте с точки зрения сообщения с центром, должна иметь хорошую материальную базу.

Мы уверены, что энтузиастов этого дела, которые будут работать творчески и с полной отдачей духовных и физических сил, найдётся немало».

Одним из таких энтузиастов является Семён Афанасьевич Калабалин, сам воспитанник и ученик Макаренко, отдавший более 30 лет делу воспитания детей в детдомах и колониях».

К сожалению, это письмо студентов так и не было принято во внимание, великолепная идея осталась не воплощённой. Но сегодняшняя наша жизнь подсказывает: у «Педагогической поэмы» должно быть продолжение... Уже сегодня в тех школах (школа Кубракова Г. М., школа Католикова А. А. и др.), где макаренковская система имеет первостепенное значение, есть успех. Советы ребятских коллективов берут в свои руки всю деятельность школьной жизни, становятся подлинными хозяевами своего дома, района.

Работая в Клемёнове, Семён Афанасьевич задумал книгу «Рассказы о воспитании». В ней он хотел повести разговор об отдельных эпизодах из жизни колонии им. М. Горького, которые не вошли в «Педагогическую поэму», рассказать о том, как воспринимали сами колонисты педагогику Макаренко. На живых поучительных примерах глубже раскрыть личность педагога-творца.

Поразмышлять о своей педагогической практике, об удачах и неудачах, о том, как накопленный опыт, возросшее умение всё чаще приводили к успехам, что система Макаренко не давала готовых рецептов, не обучала отработанным приёмам. Она только будила творческую мысль педагога, заставляла его всегда искать новое, а потому всегда неожиданное, эффективно действующее.

В книге С.А. Калабалин хотел ответить на вопрос: почему педагогу необходимо знать законы макаренковской науки — коллективологии? Как эти законы действуют, как применяются, почему извращаются. Думал поделиться с ним соображениями о том, какими педагогическими делами должна быть увековечена память А.С. Макаренко.

Всё рассказанное им должно было быть объединено единой темой: воспитание человека, воспитание коллектива.

В 1968 г. увидела свет его первая работа — «Бродячее детство». Больше не успел, огромный поток дел и забот о детях не давали работать над книгой. А потом неожиданная смерть Семёна Афанасьевича...

Сегодня по крупицам приходится собирать материалы, связанные с его педагогической деятельностью. Это его статьи, опубликованные в газетах и журналах, конспекты его выступлений перед различными аудиториями, не-

сколько фонограмм и многочисленные письма педагогам, учителям, своим питомцам, друзьям.

Хорошо изучить наследие А.С. Макаренко, настойчиво искать пути применения его учения в нашей сегодняшней педагогической практике — вот задача, которая стоит перед нашими учителями и воспитателями.

Педагог, стремящийся к совершенствованию воспитания, к созданию настоящего коллектива, к творчеству, найдёт в настоящей книге много для себя нужного и поучительного.

Сегодня как никогда актуально звучит призыв: «Откройте Макаренко!» Откройте его для себя, для других педагогов, для родителей, для детей. Никто не прогадает, никто не останется равнодушным, держа в своих руках великолепный источник педагогических знаний. А наша книга пусть поможет вам постичь смысл, представить подвиг и красоту труда педагога-мастера, приверженца макаренковского учения и талантливого его продолжателя Семёна Афанасьевича Калабалына.

В.В. Морозов, методист кабинета детских домов и школ-интернатов Московского областного института усовершенствования учителей.

ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Шёл беспокойный 1920 год. Ещё не умолкли громовые раскаты гражданской войны, когда у подножия педагогического Олимпа появился скромный педагог-революционер Антон Семёнович Макаренко. Ему суждено потом стать педагогическим мудрецом, творцом новой системы воспитания.

Настоящий интеллигент, Антон Семёнович приступил к решению педагогических задач не формально, не как кустарь-одиночка, а как творец-художник, как мыслитель, как мастер-новатор, а новые методы надо было создавать.

В течение семи лет Антон Семёнович создавал детскую коммуну им. Дзержинского, приобретшую впоследствии мировую известность. Вчерашние беспризорные девочки и мальчики сидели за партами средней школы, вычерчивали сложные узоры фотоаппарата «Лейка», работали на сложных зарубежных и отечественных станках. Созданный детский коллектив создавал ценности материальные и духовные — Человека. Коммуна имени Дзержинского описана Антоном Семёновичем в его повести «Флаги на башнях».

Многие из новаторских идей Макаренко не потеряли своей значимости и в наши дни, ведь что может быть в наше время важнее дела воспитания высокоидейного, здорового, примерной нравственности человека?

Антон Семёнович Макаренко воспитывал будущих граждан в труде, в мечте, перспективой, верой в коллектив, служением коллективу, воспитывал своим примером.

«У человека должна быть единственная специальность,— говорил А.С. Макаренко,— он должен быть большим человеком, настоящим человеком». И это дело наших рук, нашей чести, нашей совести.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПИСАТЕЛЬ-ПЕДАГОГ

Произведения выдающегося советского писателя-педагога А.С. Макаренко знает вся наша страна.

Выходец из семьи потомственного рабочего-железнодорожника, Антон Семёнович получил звание учителя и посвятил себя обучению и воспитанию детей железнодорожников.

Это было в годы царизма. Косное, тупое, реакционное школьное начальство невзлюбило молодого учителя-вольномдумца. За связь с революционными рабочими организациями Макаренко подвергается преследованиям и переводится в захолустную школу, вдали от рабочих центров.

Уже в первые годы своей педагогической деятельности Макаренко не только обучает детей, но прежде всего воспитывает их. Он создаёт кружки художественной самодеятельности, трудится с детьми на школьном огороде, организует походы, объединяет школьников в коллектив.

В своей известной книге «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко повествует с замечательным художественным мастерством о рождении коллективной системы воспитания,

В другой своей книге, «Флаги на башнях», он рассказывает о шедевре детского педагогического учреждения — коммуне имени Дзержинского в Харькове.

А.С. Макаренко поражал в своей деятельности редким сочетанием таланта блестящего педагога-практика, глубокого учёного, замечательного художника. Многим, даже из числа его помощников, подчас казалось невыполнимой, пустой затеей перевоспитания малолетних правонарушителей.

Антон Семёнович понял и оценил всю глубину и государственную важность поставленной партией и правительством задачи — перевоспитать, переделать характеры детей, выбитых из колеи обычной жизни. С неподражаемым родительским терпением, с тонким педагогическим тактом, с оптимистической верой в человека он растил таких людей. Человека надо выращивать, как садовник выращивает облюбванное дерево. Заботливо, терпеливо, мудро.

Антон Семёнович создал научно обоснованную систему воспитания, систему, проверенную рабочей практикой, одинаково доступную как родителям, так и специалистам-педагогам.

Многочисленные педагогические и чисто методические произведения и такие ценные работы, как «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях», «Книга для родителей», написанные талантливым педагогом, художником, учёным, должны быть настольными учебниками в педагогических вузах, наставниками для педагогов-воспитателей и родителей.

«Воспитание детей — важная область нашей жизни. Наши дети — это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети — это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отца-

ми и матерями, но и это не всё: наши дети — это наша старость. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — это наше будущее горе, это наши слёзы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной».

Так писал выдающийся писатель-педагог А.С. Макаренко, заслуживший своей беззаветной преданностью признательность советского народа.

Лучшим памятником Антону Семёновичу будет успешное решение задач, связанных с воспитанием детей.

С. Калабалин

(статья была написана к 10-летию смерти А. С. Макаренко).

КАК НАС ВОСПИТЫВАЛ А.С.МАКАРЕНКО

С Антоном Семёновичем Макаренко я встретился в декабре 1920 года в несколько необычной обстановке — в тюрьме, где я отбывал наказание за ошибки моего горького детства. С того времени прошло 34 года, но я хорошо помню все детали этой встречи.

А дело было так. Однажды вызвали меня к начальнику тюрьмы. Войдя в кабинет, я увидел, кроме начальника, незнакомого. Он сидел в кресле у стола, закинув ногу на ногу, в потёртой шинельке, на плечах башлык. У него крупная голова, высокий открытый лоб. Больше всего моё внимание привлёк большой нос и на нём пенсне, а за ними блеск живых, насмешливо-добрых, каких-то зовущих, умных глаз. Это был Антон Семёнович.

Он обратился ко мне:

— Это ты и будешь Семён Калабалин?

Я утвердительно кивнул головой.

— А ты согласился бы поехать со мной?

Я вопросительно посмотрел на него, а потом на начальника тюрьмы, так как моё "согласие" зависело от последнего. Антон Семёнович продолжал:

— Понимаю, с товарищем начальником я договорюсь сам. Теперь извини меня, пожалуйста, но так нужно, чтобы ты, Семён, вышел из кабинета на минутку... Можно, товарищ начальник?

— Да, да, можно. Выйди, — отозвался начальник.

Я вышел.

Правда, стоя за дверью в коридоре, в компании с надзирателем, я иронически размышлял: "выйди, пожалуйста", "извини, Семён", — какая-то чертовщина, для меня непонятная. Слова все такие, которых я почти и не знал. Странный какой-то этот человек.

Затем меня опять позвали в кабинет. Антон Семёнович уже стоял.

— Ну, Семён, у тебя есть вещи?

— Ничего у меня нет,

— Вот и добре, — сказал Антон Семёнович и обратился к начальнику; — Так мы можем прямо от вас и идти?

— Да, идите, — подтвердил начальник. — Ну, смотри мне, Калабалин, а то...

— Не надо, всё будет в порядке, — перебил начальника Макаренко.

— Прощайте!.. Идём, Семён, идём.

Двери тюрьмы широко открылись. Я в сопровождении Антона Семёновича вышел на самую радостную часть дороги своей жизни.

Только через десяток лет, когда я уже был сотрудником Антона Семёновича, он мне рассказал:

— А выставил я тебя из кабинета начальника тюрьмы затем, чтобы ты не видел, как я давал на тебя расписку: эта процедура могла оскорбить твоё человеческое достоинство.

Макаренко сумел заметить во мне достоинства человеческие, которых я тогда и не подозревал в себе. Это было его первое тёплое человеческое прикосновение ко мне.

По дороге из тюрьмы до губнаробраза я всё норовил идти впереди Антона Семёновича. Это для того, чтобы он видел меня, знал, что я не собираюсь бежать от него. А он — всё рядом со мной, развлекает меня разговором о колонии, о том, как тяжело организовывать её, и ещё о чём-то, только не о тюрьме, не обо мне и моём прошлом.

Придя во двор губнаробраза и предоставив мне колониистского коня по кличке Малыш, Антон Семёнович поразил меня своим поручением.

— Ты грамотный, Семён?

— Да, грамотный.

— Вот хорошо.

Тут он вынул из кармана бумажку и, вручая её мне, сказал:

— Получи, пожалуйста, продукты — хлеб, жиры, сахар. Самому мне нет времени, сегодня мне придётся побегать по канцеляриям. И, сознаюсь, не люблю я иметь дело с кладовщиками, весовщиками: как правило, они меня безбожно обвешивают и обсчитывают. А у тебя это получится хорошо.

И, не дав мне опомниться, хотя бы для приличия возразить,— быстро ушёл. Ну и дела! Интересно, чем всё это кончится? Я почесал себе затылок, очевидно, как раз то место, где рождаются ответы на самые трудные вопросы жизни, и продолжал размышлять: как же так? Прямо из тюрьмы и такое доверие — получить хлеб, сахар. А может, это испытание какое? Подвох? Я долго стоял с глазу на глаз со своими думами и пришёл к выводу, что Антон Семёнович просто ненормальный человек. Иначе как же доверить такое добро — и кому!

Когда я зашёл в склад, меня елейно-добренько спросили:

— Вы будете получать продукты? А вы кто?

— Потом узнаете, — и предъявил документы.

Всё, что полагалось, я получил, уложил в шарабан — сооружение, покоившееся на рессорах от товарного вагона. Через некоторое время пришёл Антон Семёнович и, удостоверившись, что я поручение его исполнил, предложил запрячь коня и ехать.

При помощи вожжей, кнута, криков и причмокивания подобие лошади с 36-летним опытом лени тронулось с места. Отъехав не более двухсот метров от губнаробраза, Антон Семёнович предложил остановиться и обратился ко мне с такими словами:

— Я и забыл. Там вышло какое-то недоразумение с получением продуктов. Нам передали лишних две буханки хлеба. Отнеси, пожалуйста, а то эти кладовщики подымут вой на всю Россию. Я подожду тебя.

Мои уши и лицо зажглись огнём стыда. Отчего бы это? Раньше этого со мной не бывало. Соскочив с шарабана, вытащил из-под сена две буханки хлеба и направился на склад. А в голове мысли: что же он за человек? Сам же сказал, что его обвешивали, а я думал, как лучше сделать, чтобы отомстить кладовщикам хоть парой буханок хлеба, но он говорит "отнеси, пожалуйста".

— От спасибочки, молодой товарищ, — такими словами встретили меня кладовщики. — Мы так и знали, что это недоразумение и всё выяснится. До свидания. Будем знакомы.

Я обжёг их ненавидящим взглядом и быстро вышел.

— Ты будешь грызть семечки с орешками? — предложил Антон Семёнович, когда я уселся в шарабан. — Я очень люблю.

Истории с хлебом как и не бывало. А мог бы Антон Семёнович рассудить и так: я тебе доверил, я рискнул своим благополучием, забрал тебя из тюрьмы, а ты соблазнился хлебом, опозорил меня. Эх ты...

Нет, он так не сделал... Не оттолкнул он меня такой бестактностью, боясь, видимо, обидеть меня, боясь помешать самому мне переоценить поступок, который казался мне актом справедливого возмездия. Если бы он стал меня упрекать, вряд ли мы доехали бы с ним вместе в колонию.

Так Антон Семёнович поступал и в других случаях: необыкновенно осторожно, тактично и непосредственно, то с неподражаемым юмором, развенчивающим "героя", то выражая суровый протест и беспощадное осуждение, — то гневно взрываясь и вызывая к жизни если пока и не сознание подростка, то, на первый раз хотя бы страх. И в каждом случае он действовал по-разному, по-новому, не повторяясь. Убедительно, совершенно искренне и не колеблясь.

Теперь мне припоминается, что в бригаду по борьбе с самогоном привлекались как раз такие ребята, которые любили выпить и не раз в этом уличались. В особый ночной отряд по борьбе с грабителями на дорогах привлекались воспитанники, которые в колонию были определены за участие в грабежах. Такие поручения изумляли нас. И только спустя много лет мы поняли, что это было большое доверие к нам умного и чуткого человека, что этим доверием Антон Семёнович пробуждал у нас к действию спавшие до этого лучшие человеческие качества. Забывая свои преступления, мы, далее как бы внешне не исправляясь, становились в позицию не просто критического отношения к преступлениям, совершаемым другими, — мы и протестовали, и активно боролись с ними, а во главе этой борьбы был наш старший друг и учитель. Он вместе с нами заседал по ночам, подчас рисковал своей жизнью. Нам было бы стыдно предстать перед столом Антона Семёновича, нашего боевого друга и учителя, в роли нарушителя даже за самый малый проступок после того, как с ним, быть может, рядом

лежали в кювете дороги, подстерегая бандитов. Какой простой и мудрый стиль воспитания! Какая тонкая, ажурная педагогическая роспись! И в то же время, какая прочная, стойкая, действующая без промаха, наверняка!

Бесконечно многообразны методы воспитательного воздействия Антона Семёновича Макаренко. Но главное заключается в том, что он воспитывал всех и каждого из нас в коллективе, для коллектива, в труде и самим собою — личным примером, словом и делом. Зная очень близко Антона Семёновича Макаренко, с 1920 по 1939 год, я не помню за ним ни единого промаха ни в общественной, ни в личной жизни. Ясно, что он был для нас постоянно действующим, самым живым и убеждающим примером. Нам хотелось, хотя чем-нибудь, быть похожими на него: голосом, почерком, походкой, отношением к труду, шуткой. Любили мы его настолько ревниво, что не допускали даже его права, допустим, на женитьбу. Мы готовы были считать это изменой. Каждый из нас имел право на сыновьи чувства к нему, ждал отцовской заботы, требовательной любви от него и изумительно умно ими одаривался.

Мне кажется, что А.С.Макаренко менее всего дрожал над тем, чтобы создать ежедневные благополучные условия и удобства для нас, подростков. Более всего Антон Семёнович трудился над нашим благополучием в будущем, над благополучием тех людей, в среде которых нам придётся жить. Какие умные и подвижные, удовлетворяющие юношеский задор формы общественной и организаторской деятельности придумывал Антон Семёнович!

Каждый колонист входил в отряд и участвовал в работе по хозяйству: на огороде, на заготовке дров, на скотном дворе, в мастерских и т.д. Должность командира была у нас сменной, но не строго выборной. Все мы получали навык организаторской деятельности, все учились оправдывать доверие своих товарищей, Антона Семёновича и всего педагогического коллектива. Именно поэтому мы все чувствовали себя хозяевами колонии, все болели душой за её судьбу, старались лучше работать. И когда к нам приходили новички, на них воздействовали не только Макаренко и другие воспитатели, но и сами колонисты. В такой обстановке ребята быстро избавлялись от дурных привычек и скоро находили нужный тон и стиль поведения.

В частной беседе со мной А.С.Макаренко говорил, что наказание, обязательное, доведённое до конца и убеждающее виноватого в его виновности, — одно из лучших средств тренировки сильной воли и характера. Всепрощение расшатывает волю.

Помню один эпизод, происшедший в 1921 году. Год был тяжёлый, голодный. Нашей колонии приходилось испытывать большие трудности и лишения. Особенно было тяжело с продовольствием. И вот в это время одна воинская часть подарила колонистам сто пятьдесят копчёных кур. Вдруг выяснилось, что одна курица пропала из погреба. Подозрение в хищении могло пасть на дожившего о пропаже колониста Ивана Колоса, заведовавшего погребами и складами колонии.

Антон Семёнович верил в честность Колоса и, чтобы выяснить, кто совершил воровство, приказал дать сигнал общего сбора. В течение трёх минут шестьдесят четыре колониста встали в строй развёрнутой линией. Антон Семё-

нович вышел к нам из своего кабинета. Ошпарил всех нас своим возмущённым взглядом и заговорил:

— Я думал, что у меня есть коллектив, коллектив товарищей, уважающих себя. Нет. Вы ещё не люди, вы микробы, способные пожирать друг друга. До какой подлости и низости мы дошли с вами, что сами же у себя тащим! Да ещё что — подарок воинов, самих впроголодь живущих и в бой идущих. Ну, не черви ли после этого мы с вами? Так нет же, — я-то ни вором, ни микробом не хочу быть. Я — человек! И моё презрение к воровству поможет мне найти вора. Слышите? Стоять так! Я буду подходить и каждому из вас, а вы смотрите мне прямо в глаза!

Антон Семёнович направился к правому флангу, и мне пришлось первому посмотреть ему в глаза. Примерно в середине шеренги он вдруг закричал:

— Выйди из строя! Мерзавец! Тебе больше всех есть хочется?! Ты более нас голоден?! — Разносил Антон Семёнович выхваченного из строя нашего товарища по кличке Химочка,

— Я не ел её, — закричал Химочка, — я спрятал курицу.

От этих слов Химочки мы оцепенели. В голове каждого из нас промелькнула мысль: как же Антон Семёнович узнал вора? "Гипнотизёр", — так умозаключили многие.

Тем временем Химочка принёс курицу, завернутую в лопухи.

— Так вот, — обратился Антон Семёнович к Химочке, — ешь!

Раз ты её уже взял, прятал её где-то, как хорёк, мы её отдадим тебе на полное растерзание.

Химочка не спешил выполнять распоряжение, медлил, отнекивался.

Антон Семёнович подал команду:

— Колония! Стоять смирно до тех пор, пока Химочка съест курицу!

И сам стал рядом со мной с правого фланга.

Думается мне, что эта минута стоила самого большого напряжения не Химочке, не нам всем, а самому А.С. Макаренко. Он этой командой включил и нас в острый конфликт. Активно включил. На чью же сторону станут эти "серые человеки"?! Разум, общественный интерес взял верх над частным. Мы глазами требовали от Химочки исполнения приказа Антона Семёновича. Химочка начал кушать, а мы все почувствовали облегчение и стали ласково, улыбками подбадривать неудачного воришку...

Во-время обеда кто-то из ребят подошёл к Химочке с насмешкой:

— Ты, наверно, наелся курятины, — отдай мне свой борщ!

Через минуту этот шутник уже был в кабинете, и Антон Семёнович журил его:

— Твой товарищ ради всех нас понёс тяжкое испытание. Немного найдётся среди нас готовых совершить такой подвиг, как съесть курицу перед строем своих товарищей — как наказание. Химочка вырос в моих глазах, а ты — слеп. Подумай, чудак-человек!

— Я уже подумал, Антон Семёнович. Грубо это у меня получилось. Как вы думаете, простит мне Химочка?

— Не знаю, попробуй. И зарекись!..

Какой хороший сгусток чувства, жизни!

Переписываясь с товарищами по колонии, я поддерживал связь и с Химочкой. В одном из писем, перед самым началом войны, в 1941 году, жена Химочки писала: "Всем хорош Ваня; и как муж, и как отец, и ответственный пост понимает, а вот, странное цело, курятины не ест..."»

Однажды утром в кабинет к Антону Семёновичу прибежали девочки и наперебой затараторили, что они больше во двор ни за что не выйдут.

— Будем всё время сидеть в спальне и в столовую ходить не будем.

— Это почему же? — спросил Антон Семёнович.

— А потому, что Вася Гуд ругается, как сапожник (А он и в самом деле был сапожник).

— Неужели ещё ругается, девочки?

— Какой же нам интерес наговаривать?

Присутствуя при этой сцене, я чувствовал себя неловко. Сколько раз я слышал ругань Гуда, а вот остановить ни разу не пытался.

— Хорошо, девочки, идите, — И, обращаясь ко мне, Антон Семёнович сказал: Василия надо просто перепугать, и перестанет ругаться. Позови его...

Вася Гуд робко переступил порог кабинета. Кстати, интересная деталь: если кого вызывали "к Антону", — значит, по делу вообще, а если "в кабинет", — значит, отдуваться.

Вызывая Гуда, я сказал:

— В кабинет!

— За что? — опросил Гуд.

— Там узнаешь...

Взъерошенного Гуда Антон Семёнович встретил зловещим шипящим голосом:

— Значит, ты ещё не перестал издеваться над славным русским языком? Ты дошёл до такого бесстыдства, что даже в присутствии девочек ругаешься? А что же дальше?! Меня, меня скоро будешь облаивать?! Нет! Нет! Не бывать атому! Как стоишь?! Пойдём! Пойдём со мной в лес, я тебе покажу, как ругаться! Ты надолго запомнишь, козьявка ты этакая! Идём!

— Куда, Антон Семёнович? — пропищал Вася Гуд.

— В лес! В лес!

И пошли они в лес, Антон Семёнович впереди, Вася за ним. Отойдя примерно на полкилометра от колонии, Антон Семёнович остановился на небольшой полянке:

— Вот здесь ругайся! Ругайся, как тебе вздумается!

— Антон Семёнович, я больше не буду, накажите как-нибудь иначе.

— Я тебя не наказываю, я условия тебе создаю. Ругайся!

Вот тебе часы мои. Сейчас двенадцать. До шести хватит тебе, чтобы наругаться вдоволь? Ругайся!

Антон Семёнович ушёл.

Ругался или не ругался Вася, сказать трудно. Может, Вася рискнул бы уйти совсем, но мешали часы: они, как бы на привязи, держали его.

Ровно в шесть часов Вася явился в кабинет:

— На сколько лет наругался? — спросил Антон Семёнович.

— На пятьдесят! — выпалил Гуд.

Удивительное дело: Гуд перестал ругаться, да и не только он...

В кабинете Антона Семёновича всегда было многолюдно. Колонисты шли сюда посоветоваться не только по вопросам жизни коллектива, но и по сугубо личным делам. И с каждым Антон Семёнович находил время поговорить. Иногда серьёзно, задушевно, а иногда ему было достаточно сказать какую-нибудь шутку, чтобы мгновенно убедить в чём-либо собеседника. Со мной, например, было так. В 1922 году я по-настоящему влюбился в одну девушку, звали её Ольга. Со своей трепетной тайной я пошёл к Антону Семёновичу, как к отцу. Выслушал он меня, потом встал из-за стола, взял меня за плечи и сказал тихо, с чувством:

— Спасибо тебе, Семён. Какую неизмеримую радость ты принёс мне. Спасибо!

— За что же, Антон Семёнович?

— Во-первых, за твоё доверие ко мне. Эта твоя любовь только тебе принадлежит. Всякие бывают люди: доверишь иному свою тайну, а он в хохот или пошёл звонить всем и вся. Я так не сделаю. Я сберегу твою тайну, как свою личную. (Тут уж я благодарно облучил его своими глазами, а он продолжал). Во-вторых, ты помог мне убедиться, что никакие вы не особенные, вы такие же, как все люди. Любви все возрасты и все люди покорны, в числе их и мои хлопцы. Значит, ты человек по всем статьям. А теперь о самом твоём чувстве: не расплескай его, не расточи его во лжи и блуде. Люби красиво, честно, бережливо, — по-рыцарски... Ну, ради такого дела, и я не хочу сейчас работать, пойдём ко мне поужинаем...

Не отпугнул меня Антон Семёнович, не загнал в подполье моё чувство. Не опошлил нотациями, упрёками, не оскорбил равнодушием или притворным участием.

И вот уже в 1924 году, когда я приехал в колонию на каникулы, мальчик Антон Соловьёв сказал мне, что Ольга изменила мне и вышла замуж. Я побежал за три километра в деревню, где жила Ольга. Оказалось, что это правда.

В колонию вернулся поздно вечером и зашёл к Антону Семёновичу. Вид у меня был самый несчастный.

— Что с тобой, Семён, ты болен?

— Не знаю, наверное, болен.

— Ты иди в спальню, а я пришлю к тебе Елизавету Фёдоровну,

— Не надо. Не поможет мне Елизавета Фёдоровна. Ольга мне изменила. Замуж выходит. В воскресенье свадьба... Не верят нам, колонистам.

— Ты что? Неужели правда?

— Правда, всё пропало. Я думал — на всю жизнь, а тут...

Я заплакал.

— Не понимаю, ты прости меня, Семён, я ведь месяца три тому назад был у Ольги, говорил с нею. Она тебя любит. Тут что-то не так.

— Что там не так, когда свадьба. А я, Антон Семёнович..., только не сердитесь и не подумайте, что я это так... Я повешусь!

— Тю! Ты что сдурел, Семён?

— Не сдурел, но жить мне больше незачем.

— Ну и вешайся, чёрт с тобой! Тряпка! Только об одном прошу тебя: вешайся где-нибудь подальше от колонии, чтобы не очень воняло твоим влюблённым трупом.

Антон Семёнович что-то передвинул на столе. Сказал же он это так, что мне и вешаться сразу расхотелось. А он подсел ко мне на диван и поплыл в моё сердце и разгорячённый мозг теплом и дружбой. Потом он предложил пойти во двор, посидеть под звёздным небом и помечтать о лучшем будущем, о лучших верных людях...

Антон Семёнович обладал прекрасными человеческими достоинствами, он был человеком большой души, у которого можно было многому научиться. В его знаменитой книге «Педагогическая поэма» показаны не вымышленные люди. Все персонажи этой книги действительно жили в колонии имени А.М. Горького. Автор изменил лишь некоторые имена. В конце книги Антон Семёнович говорит о дальнейшей судьбе своих воспитанников. Все они, бывшие беспризорники, правонарушители, встали на правильный путь. Они избрали профессии рабочих, инженеров, агрономов, врачей, лётчиков, педагогов.

Многие из них, уже будучи взрослыми, коммунистами, храбро сражались с врагами в годы Великой Отечественной войны и сейчас трудятся на благо Родины, каждый на своём посту. Например, Иван Григорьевич Колос, названный в "Педагогической поэме" Иваном Голосом, стал инженером, работает в Мончегорске, Николай Фролович Шершнёв /Вершнёв/ — ныне врач в Комсомольске-на-Амуре, Павел Петрович Архангельский /Задоров/ — инженер-подполковник, Василий Иванович Ключник /Ключнев/ — офицер Советской Армии. Многие погибли во время войны. Вследствие осложнений после тяжёлых ранений, в 1954 г. умер подполковник Григорий Иванович Супрун (Бурун).

И я, и все мои товарищи, бывшие колонисты с глубокой благодарностью вспоминаем нашего наставника Антона Семёновича. Это его заботами и вниманием был создан в колонии тот коллектив, который стал умной школой жизни всем его отдельным членам.

Антон Семёнович говорил: «У человека должна быть единственная специальность — он должен быть большим человеком, настоящим человеком». Сам Макаренко в совершенстве владел этой «специальностью» и делал всё, чтобы ею овладели и мы, его воспитанники.

«Воспоминания о Макаренко»

Сборник материалов

Лениздат. 1960 г.

ТРУДОВОЙ ДОЛГ

Концепции воспитания человека в Российской Федерации» утверждаю, что у детей и подростков надо решительно и требовательно воспитывать не

столько «любовь к труду», как это предусмотрено в планах воспитательной работы, а чувство долга по отношению к труду. Ребёнок должен и обязан трудиться, а любовь придёт не просто к труду, а уже к избранной специальности.

Мне вспоминается такой случай из трудовой жизни колонии имени М. Горького. Весной 1922 г. я возглавлял сводный отряд «ВН» — вывозка навоза.

— Ну и вонючий же этот граковский труд! — заметил я подошедшему к нам Антону Семёновичу Макаренко.— Стоишь по колено в этой гадости, а от вони аж ноздри лопаются. Только и радости, что ноги, как в печке, — тепло.

— Да, труд действительно не сладкий. Тяжкий труд. Наломашь спину, наглотаешься запахов и грязи помесишь, пока наконец насладишься ароматом хлеба, — отозвался Антон Семёнович.

— Как вспомнишь эту каторгу, так и пряника с мёдом не захочешь, — откликнулся Ваня Колос, вогнав вилы в сочную кучу навоза.

— Так, может, хлопцы, бросим это грязное дело, может, других ребят назначим? — предложил Антон Семёнович.

— А другие хлопцы, что, не люди? — вставил Вася Галатенко и продолжал: А что будем есть, где хлеба возьмём, если не будем копать в этом навозе.

Так вот и я думаю, Василь, — сказал Антон Семёнович, — придётся попачкаться, а уж когда вырастим пшеницу да уберём, да свезём в скирды, да смолотим, да смелем, да напечём пирогов, да сядем за столы — вот тогда и наедемся, и отдохнём, и не забудем, и не проклянём сегодняшней день, а торжественно поклонимся ему. И полюбите вы результат своего труда, а вас полюбят все жители колонии. Так-то, хлопчики, а пока — сколько уже возов? Норму выполните, а может и перевыполните?

И пошёл Антон Семёнович на зов с другого рабочего места.

В первые годы становления колонии мы, воспитанники, а вместе с нами и наши наставники очень много трудились. Заготовка дров в лесу, ремонт зданий, работа в мастерских, и особенно большая работа на огородах и полях. Мы понимали, что работа нужна для нашей жизни, для лучшей жизни нашей страны. Мы гордились результатами нашего труда, мы уже сознавали, что наш труд имел государственное значение. В колонии, кроме воспитателей-учителей, завхоза, повара, кастаньяши, одной прачки и специалиста-огородника, никого больше не было. Всё делали сами колонисты. Со временем, когда сельское хозяйство располагало уже 65 десятинами пахотной земли, обзавелись солидными поголовьем скота. Когда сельское хозяйство стало основным источником нашего материального благополучия и очагом профессионального обучения, в колонию был приглашён талантливый воспитатель и высокой культуры агроном-новатор Н.Э. Фере.

Столярной мастерской, в которой работало много воспитанников, руководил квалифицированный инструктор-белодеревщик. При обучении мы делали для своих нужд несложную мебель: табуретки, скамейки, столы.

В мастерской, в поле и на других объектах мы делали нужные вещи, мы не ждали, что нам их дадут. Мы не нахлебничали. Мы сознавали, что чем скорее сделаем то, в чём испытывали нужду, тем удобнее будет наша жизнь, уют-

нее, сытнее. И самая неприятная работа воспринималась прежде всего как необходимая, обязательная.

Результаты своего труда мы берегли, любовались и гордились ими.

Говоря о прошедших годах, невольно вспоминаешь о своих друзьях-колоницах. Некоторые из них успели полюбить кто специальность хлебороба, кто животновода, кто столярное дело, кто театральное.

Как-то после тяжелого трудового дня мы сидели усталые под только что сметанным стогом. С нами был и Антон Семёнович. Я почти дословно помню, как он в тот вечер сказал:

— Труд — это самое высокое назначение человека. Вызывая мускульное утомление, он активизирует работу мозга. Не добровольной любви он требует, а обязательного долга. Этого долга требуют от вас старшее поколение, так и поколение ваших детей. Труд, он как воинский долг. Не по любви идут под ружьё, а по долгу гражданскому. Одни несут этот воинский долг с патриотической преданностью, но мечтают по окончании службы вернуться к любимому гражданскому делу. Другие, за годы службы в армии, начинают любить воинское дело и посвящают ему жизнь. Скажу вам, хлопцы, что я не мечтал в детстве стать учителем, я глядел влюблёнными глазами на малярное ремесло отца и собирался стать маляром. А стал учителем. В свою профессию я влюбился только на пятом году работы и, как мне кажется, скорее всего влюбился в дело воспитания, и это уже на всю жизнь... Да, дело, которое ты признал своим, которое ты любил, становится смыслом твоей жизни, источником радости.

Как выглядел рабочий день в колонии имени М. Горького? Учёба — 4-5 часов; работа в поле, мастерских и прочих объектах — 4 часа, а в горячую пору полевых работ и по 6-8 часов, спортивно-подвижные игры — 2 часа; свободное время (мы называли это время «ленивцев») — 1,5-2 часа.

И в это время сидели группки мечтателей-сказочников, читали книги, играли в шахматы, любители театра готовили очередной спектакль.

И ещё одна прелесть рабочего напряжения, это уже чисто общественного плана, — частые ночные дозоры по борьбе с бандитизмом. К этой тревожной работе привлекались только общественно-трудовые активисты.

Группа готовившихся к поступлению на рабфак ежедневно, кроме трёх дней, когда шли спектакли, дополнительно занималась по 3-5 часов по специальной программе. И этими занятиями по всем предметам руководил сам Антон Семёнович.

Это напряжение не истощало нас, не убивало интереса к труду и учёбе, а, наоборот, отрабатывало постоянную рабочую готовность, закаляло упорство в доведении начатого дела до победного конца.

Бывало, сидишь до часу ночи и при тусклом свете «каганца» работаешь над заданием по дополнительной программе для поступления на рабфак. Заходит Антон Семёнович и спрашивает:

— Что не спишь, Семён, работаешь?

— Да, вечером «Сатина» зубрил — репетиция, а в свободное время с пацанами возился. А задание сделать надо. Да я и спать не хочу. Сейчас кончу.

— Не помешаю, если немного посижу с тобой? Глаза устали от писанины, лампа закоптила... А может, пойдём немного побродим, подышим сосною?

Кто же откажется от этих прогулок с человеком, умеющим так увлекательно и мудро ответить на все волнующие вопросы.

Позже, когда колония достаточно материально окрепла, разбогатела, педагогический совет и совет командиров нашли возможным и полезным выдавать воспитанникам карманные деньги для личных расходов. Именно — расходов, а не нужд. Главная цель — научить колонистов «управлять деньгами». Я не помню случая, чтобы эти деньги были поводом к каким-либо недоразумениям.

Деньги выдавались дифференцированно. Воспитанник, имевший звание «заслуженного колониста», получал 5 рублей, за звание «колонист» — 3 рубля, а просто воспитанник — 2 рубля.

Выдачи приурочивались к календарным праздникам или в связи с представленным отпуском. Всем было известно, что при нарушении установленных правил отряд, в котором случится происшествие, будет лишён права на получение карманных денег.

В детской трудовой коммуне имени Дзержинского эта денежная проблема разрешалась уже в другом плане. Коммуна была на самоокупаемости. Из начисляемой коммунару зарплаты удерживался определённый процент на содержание его и ещё не работающего на производстве товарища; 10% поступало в фонд совета командиров. Этот фонд расходовался на коммунарские летние походы и экскурсии, на единовременную помощь нуждающимся бывшим коммунарам и прочее. Остальная часть зарплаты коммунара переводилась на его личный счёт. Коммунар, с разрешения совета командиров, имел право брать со своего счёта небольшие суммы на карманные расходы. К моменту выхода из коммуны у коммунара накапливалось 2-5 тысяч рублей (Часто коммунару хватало его сбережений на всё время учёбы в институте).

А какие кипели страсти на совете командиров в колонии имени М. Горького, когда обсуждался вопрос, что приобрести на доходы от мастерских и сельского хозяйства: девочкам — шерстяные платья, а мальчикам — брюки или киноаппарат. По инициативе мальчиков постановили: приобрести киноаппарат, а девочкам — платья. «А брюки?» — Вот потрудимся месяц по-ударному, перевыполним план, тогда и купим мальчикам брюки, а может, хватит ещё и на ленты девочкам.

У нас есть родители, которые страдают трудобоязнью. Не сами боятся труда, а оберегают детей от труда, и это выдаётся за примерную заботу о детях. А ведь при этом забывается другая сторона — забота детей о родителях.

Я вспоминаю, как в 1913 г. мы, сельские мальчишки, в 10-12-летнем возрасте пололи и прореживали сахарную свеклу на плантациях помещика Старицкого. Работали от зари до зари. За утомительно длинный рабочий день нам платили по 20—30 копеек. Заработанные деньги не вызывали у меня какой-то частной радости. Мне просто было приятно от мысли, что мой заработок доставит радость матери. Она пожалеет меня и скажет: — Устал, сынок? — А я отвечу: «Нет, ни капельки. Вот немного побегаю, а завтра сам всю картошку промотыжу».

А на заработанные мною деньги мама купит обувь и одежду мне и младшей сестре для школы.

Условия нашей жизни и наши дети не похожи на колонистов 30-х годов, но макаренковские принципы и методы воспитания мы используем в своей работе и развиваем.

В Клемёновском детском доме широко внедрена заимствованная нами у Макаренко система и форма организации детского коллектива. Позаимствована и суть организации труда. Труд обязателен для всех по способности и возрасту, а благо — равно для всех.

Наблюдается, что те из воспитанников, кто больше загружен заботами трудовых обязанностей, кто активнее занят общественными поручениями, тот хорошо и учится, лучше других приспособлен к самостоятельной работе над учебником и заданием, у него хорошо развито чувство хозяйственной смекалки и бережливости.

В своём подсобном хозяйстве мы выращиваем на пяти гектарах картофель, на одном гектаре овощи, имеем большой сад. Можно прямо сказать, что не найти в нашем районе более чистого и ухоженного поля, как в детском доме.

На протяжении многих лет мы выращивали для совхоза на площади 5 га кукурузу. Заботливым уходом мы добивались получения высоких урожаев — 700-1000 ц/га. Тут было чем любоваться и гордиться.

В течение шести лет выходили воспитанники из детского дома на учёбу и на промышленные предприятия. Теперь они часто навещают нас и действительно влюблённо говорят о своей профессии. Они говорят о ней, как о чём-то живом и дорогом, что украшает их жизнь, даёт не только материальное благо, а и эстетическое наслаждение.

Чувствуешь, что благодаря полюбившейся специальности они приобретают самую главную специальность — становятся нестоящими людьми.

Семён Калабалин, 1963 г.

ПО СТОПАМ СВОЕГО УЧИТЕЛЯ

Отклик на статью тов. Кропачёвой «Неиспользованное наследство»
газета "Правда", 1940 г.

В «Правде» 17 марта была помещена статья тов. Кропачевой «Неиспользованное наследство». Я совершенно согласен с этой статьёй. Думаю, прочитав её, многие педагоги испытали чувство большой радости. Нельзя предавать забвению замечательное наследство Антона Семёновича Макаренко, нельзя игнорировать те успехи которых он добился, и незачем тратить время на поиски уже найденных методов коммунистического воспитания.

Я сам — воспитанник Антона Семёновича. Жизнь свою посвятил тому же делу, что и он. Когда в моей педагогической работе возникает какое-либо затруднение, я тотчас же стараюсь представить себе, как бы поступил в этом случае Антон Семёнович.

Я постарался перенять у него страсть, пыл, твёрдость, но вместе с этим пришлось унаследовать ещё и наркомпросовские передрыги. Постоянно я в своей работе наталкиваюсь на сильнейшее сопротивление. Каждую мелочь, как бы бесспорна она ни была, приходится брать с бою.

В 1928 году Антон Семёнович командировал меня в Ленинград. "Посмотри, — сказал он, — что делается в ленинградских детских домах". Я поехал. И посмотрел. Должен признаться, впечатление вынес я из этого осмотра не слишком благоприятное. И было решено, что возьмусь руководить колонией, работа в которой была совершенно развалена. Дети ненавидели педагогов, друг друга. Драки не прекращались, грязь всюду была страшнейшая.

Незадолго до моего прихода в колонию ребятишки — ни много, мало стали нападать на автомобили и опрокинули даже две машины.

«Вследствие полного развала воспитательной работы и совершенного отсутствия данных к восстановлению нормальной работы 66-ю школу-колонию закрыть», — гласил приказ заведующего Ленинградским отделом народного образования.

Я получил этот детский дом в феврале 1931 года, а через три месяца, в мае, ко мне приехали первые пять «линкольнов» с иностранными делегациями. И оставили восторженные отзывы.

«Объездив Европу, — писала группа английских педагогов, — мы нигде ничего подобного не встречали».

«В колонии, — писали американские учителя, — царит атмосфера дружбы и взаимного доверия между воспитателями и детьми. Наказания отсутствуют. Всюду чистота и порядок».

В таких же примерно словах выразили впечатление, которое на них произвела колония, и голландцы, и французы.

Наконец, приехал инспектор пригородного районного отдела народного образования. Посмотрел, посмотрел и написал так: «Система воспитания, проводимая тов.Калабалиным, находится в полном разрезе с положением от 1927 года. Тов.Калабалин навывдумывал отсебятины, муштрует ребят. Завёл отряды, салюты, командиров. Больше того, — даёт сигналы, а не звонки. Предлагаю эту палочную систему ликвидировать».

— Но дети-то, дети неузнаваемы! Чистые, весёлые, здоровые!

— А это я отношу за счёт личных качеств тов. Калабалина, — последовал ответ.

Антон Семёнович Макаренко был для своих воспитанников товарищем и в труде, и в игре, и в фантазии. Вот и в своей колонии я хотел применить всё это, потому что помнил, какое значение имеет хорошо организованная игра, игра серьёзная, исполненная глубочайшего содержания.

Да, в моей колонии тоже были сигналы, военный строй, знамя, барабан и неукоснительно строгий порядок.

«Теперь на это смотрят иначе. Ведь с тех пор прошло около 10 лет» — могут сказать мне.

Верно. Но многое ли изменилось? Я и теперь постоянно слышу одни и те же упрёки: «Вы макареновщину насаждаете. Вы командирскую систему заводите, порочную систему».

Так во всём.

Тов. Кропачёва писала в своей статье о том, что в коллективе на практической работе можно воспитать умение подчинять своё личное общественному, воспитать чувство долга, научить делать «неинтересное», если этого требуют интересы коллектива.

И я тоже стремлюсь, чтобы мои воспитанники умели делать чёрную, грязную работу. Я не хочу» чтобы они выросли белоручками.

С чем же я сталкиваюсь на практике? Детский дом, которым я руковожу, сейчас находится в 100 километрах от Москвы, в Малинском районе. Приезжая ко мне, представители различных организаций воздевают руки к небу и с ужасом говорят:

— Ах, у вас девочки моют полы, сажают картошку! Разве это допустимо?

А в районном комитете партии мне совершенно официально заявили: «Это дело надо прекратить».

Уточню: девочкам, которые моют полы, по 15-16 лет. В колхозах такие девочки и мальчики нередко зарабатывают по 400-500 трудодней. Мы, воспитатели, вставая рано утром, успеваем до школы приготовить обед, убрать в квартире, иной раз и постирать, и полы помыть. А наши учащиеся — почему они должны сидеть, сложа руки, почему бы и им не научиться сажать картошку, работать в огороде, поле, свинарнике?

Я считаю, что существующая в детских домах система воспитания способна растить только иждивенцев и бездельников.

Нельзя, нельзя всё воспитание основывать на интересе, нужно воспитывать закалённого, выносливого человека, который умел бы проделывать скучную, неприятную работу, если она нужна. И я убеждён: только труд, только работа помогает мне создавать из этого, казалось бы, непригодного материала настоящих людей.

И ещё. Нам, воспитателям, говорят: "Помните, вы имеете дело с детьми. На детей нельзя повышать голос, нужно говорить спокойно и ласково."

Есть у меня воспитанник Шумаков. Год тому назад он палкой загнал ко мне в кабинет молодую учительницу, приехавшую к нам на практику. По наркомпросовской логике я со слезой в голосе должен был прошептать: «Коля, разве так можно?» Нет, искренне возмущённый, я вскочил со стула и, ударив по столу кулаком, с негодованием крикнул! «Кто ты!» Дальнейший разговор протекал в том же, отнюдь не бесстрастном, и, наверное, «не педагогическом» тоне. И Шумаков ушёл, уничтоженный и раздавленный.

Как можно по-рыбьи спокойно и бесстрастно реагировать на возмутительные поступки, особенно если эти поступки совершаются достаточно взрослыми детьми лет 13-14?!

Макаренко с нами никогда не сюсюкал. Он говорил с нами, как с равными, уважая в нас будущих людей. И, если мы совершали что-нибудь скверное, он искренне возмущался.

Неверно, что строгий и требовательный тон запугивает. Вот Шумакову сейчас 13 лет. Он заведует в нашем детском доме свиноводческой фермой — хороший, энергичный работник, вежливый и культурный мальчик.

Последователей Макаренко часто винят в том, что они требуют рецептов, шаблонов. Неверно это. Макаренко к каждому подходил сугубо индивидуально. Чтобы раскрыть личность своего питомца, он далеко выходил за пределы установленных требований и правил. Он в каждом новом случае поступал по-новому, постоянно, непрерывно творил. И свой чудесный опыт он оставил тем, кто хочет работать с детьми, воспитывать и перевоспитывать их. И мне думается, бесспорно одно: до сих пор в нашей педагогической науке — беспорядок и неопределённость. В поисках нового почти всегда забывают о том, что много уже раскрыто и найдено и, в частности, им, замечательным педагогом и человеком — Антоном Семёновичем Макаренко.

С. Калабалин, заведующий детским домом № 3
Мосгороно, Малинский район, Московской области.

ЭТО РАЗВИВАЕТ НАСТОЯЩЕЕ ЧУВСТВО КОЛЛЕКТИВИЗМА

К педагогическим рекомендациям А.С. Макаренко нельзя подходить шаблонно. Мне не раз приходилось встречаться с вульгаризаторами методов Антона Семёновича, которые жаловались на то, что «Макаренко чего-то не додумал». Один директор школы сказал мне как-то «Ваш Макаренко рекомендует, чтобы провинившегося наказывал его коллектив. Я поверил, позволил одному моему классу осудить виновного. И что вы думаете? Этот ученик стал вести себя ещё хуже».

Пришлось мне объяснять директору, что в этом случае, возможно, нужно было как раз обратное: доверительно поговорить с учеником. Я много лет работал рядом с Макаренко и никогда не видел, чтобы он дважды наказывал виновного одинаковым образом. Он говорил: «Если они способны на два миллиона разных проступков, то мы должны быть способны на два миллиона разных порицаний и наказаний».

Антон Семёнович был очень требовательным человеком. Чем больше он уважал воспитанника, тем больше с него требовал. Я тоже неоднократно был наказан и получал от него взыскания. Несколько раз сидел в кабинете Антона Семёновича под знаменитым «арестом», читал на диване какую-нибудь книгу. Но приказ об «аресте» всегда звучал по-разному. То он произносил его как бы между прочим, даже вроде добродушно: «Отсиди-ка, Семён, сегодня пару часов», то строго, как чужому: «Отсидишь!» А в третий раз младший воспитанник приносил мне от него записку об аресте и вручал её с демонстративно ехидным видом.

Воспитатель — это удивительное по своей сложности явление, особенно в столкновении с воспитанником в момент совершения последним нарушения.

Он и судья, и следователь, и прокурор, и защитник, и выразитель общественного мнения, и совесть воспитанника,

Моя цель — обратить внимание работников детских домов и школ-интернатов на то, чтобы меры поощрения и меры наказания звучали у нас разнообразно, оперативно, чтобы они были максимально альтернативными: для одних имели бы значение предупреждения, а для других — воспитательная кара. Чтобы поощрение вызывало заслуженное состояние радости и стало бы радостью всего коллектива. А наказание действительно бы вызывало состояние переживания, страдания, а не было бы фарсом, игрой в наказание. Чтобы в отдельных случаях наказание вызывало "страдание" всего коллектива. Такая форма активно сообщает взаимозависимость в коллективе по принципу: один за всех, все за одного. Это развивает настоящее чувство коллективизма.

1921 год. Сентябрь. Колония выстроилась для похода в город за семь вёрст для просмотра кинофильма. Многие из воспитанников шли смотреть фильм первый раз в жизни.

Мы уже знали по примеру первого похода: выход в четыре десять, два часа похода с десятиминутным привалом и за пять минут до начала сеанса мы — у входа в театр.

Шли строем, с песнями, бодро, весело. Привал. Кто присел, кто повалился на траву, а большинство — в лес. После команды "становись" командиры отрядов докладывают, что все на месте, но, вдруг, командир 9-го отряда что-то замешкался;

— В чём дело?

— Да у меня нет двоих. Я побегу, покричу...

— Не смей. Сами придут. Подождём.

Прошло тревожных дополнительных десять минут. Наконец, выстрелились из лесу запоздавшие, неся перед собою в фуражках груши — дички.

— Разрешите стать в строй!

— Становитесь. Шагом марш!

И, кажется, шли быстро, но опоздали на десять минут. Администратор театра сам предложил тихонько войти в зал, но Антон Семёнович, поблагодарив, сказал, что этого делать не следует, зачем же мешать людям, которые пришли вовремя, пришли отдохнуть, получить удовольствие. Нет. Научимся беречь время и уважать товарищей, коллектив и его право на удовольствие.

— Колония! Слушай мою команду! Смирно! Домой шагом марш!

Администратор почесал в затылке, а кто-то из зевак сказал:

— Вот это да...

Шли пасмурные, поглядывали на Антона Семёновича, и видно было, что он очень расстроен. А тут ещё и дождь откуда ни возьмись... Совсем кисло стало.

— А ну, хлопцы,— предложил я, — гаркнем песню!

И я затынул на самых высоких октавах, задорно, как пощёчиной по неудаче: "Ой, при лужку, при лужку, при счастливой доле, при знакомом табуне, конь гулял на воле!"

Ребята дружно подхватили припев. Так, вслед за песней, не ломая рядов, вошли, во двор колонии.

— Поняли, хлопцы?

— Поняли, Антон Семёнович!

— И как?

— Один за всех, все за одного!

— Правильно. И в хорошем, и в плохом; Разойдитесь и отдыхайте!

— Есть разойтись и отдыхать! А здорово, Антон Семёнович!

— Здорово!

/ Из личного архива Г.К. Калабалиной /

САМАЯ ВАЖНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

К моему сожалению, я не учился в педагогическом вузе, а закончил инженерно-мелиоративный институт. Но я считаю, что при желании воспитателем может быть каждый человек, который овладеет педагогическими знаниями и умениями. Педагогику я очень люблю. Любовь эту я унаследовал от Антона Семёновича Макаренко. Некоторые считают, что Макаренко неприязненно относился к педагогике, но это неверно: он неприязненно относился не к педагогике, а к отдельным «толкователям» её, которые такую преподают «педагогику» и так подают её, что сразу же пропадает вкус, пропадает любовь к науке. Я как-то слушал одного оратора, который говорил о красоте украинского языка, о красоте русского языка, но говорил он так, как будто набрал полный рот немытой шерсти и жевал её. Вот так иногда подают педагогику.

Я очень хорошо знаю Антона Семёновича не только как воспитателя, но и как учителя.

Мы, первые воспитанники, вступили в колонию малограмотными и чудовищно невежественными подростками от 12 до 20 лет. Несмотря на это, Антон Семёнович ухитрился за два года подготовить нас к поступлению на рабфак. Это, несомненно, нужно отнести за счёт удивительного мастерства — его и двух воспитательниц — Лидии Николаевны и Елизаветы Фёдоровны,

Кроме четырёх-пяти часов работы в школе, такого же количества времени в мастерской или в поле, Антон Семёнович с группой воспитанников, которых готовил к поступлению на рабфак, занимался ещё по четыре часа в день дополнительно. Всё это — не считая большой работы по самообслуживанию в колонии.

И вот так, усталые, не всегда сытые, мы сидели вечерами на кроватях и при свете каганцев готовились к поступлению на рабфак. Знаете ли вы, что такое каганец? В разбитом черепке горело вонючее масло — вот и каганец. Не очень хорошее освещение, но Антон Семёнович умел так излагать предмет, так увлекал нас, выходя далеко за рамки учебника, что учёба не была для нас обузой, — это были чуть ли не спортивные, весьма увлекательные занятия. Все мы

были взрослые люди, и Антон Семёнович иногда не стеснялся говорить в таком тоне;

— Красивый ты, Семён, и стройный, но дурак невероятный.

И так он произносил эти слова, что я не обижался, и серьёзно спрашивал:

— А что нужно делать, чтобы не быть дураком?

— Нужно учиться.

— Так я же учусь.

— Нет, нужно не просто "учиться", а учиться буквально каждую минуту и на каждом метре нашей необъятной земли. Нужно уметь читать. Вот прочитай мне такую-то книгу и расскажи то, что прочитал.

Я рассказывал, но оказывалось, что я действительно не умею читать. Антон Семёнович не просто учил нас, а учил читать, видеть, понимать — учил учиться. Зажёг он в нас жажду к знаниям — спасибо ему за это великое!

Осилив поистине невероятную академическую нагрузку, мы подготовились к поступлению на рабфак. Мы понимали, что не одни мы испытываем тяжесть этой нагрузки, терпим лишения в смысле полного отсутствия свободного времени, но и Антон Семёнович был страшно перегружен и благодаря счастливому стечению обстоятельств, стали участниками его педагогического подвига, совершаемого изо дня в день без какой-либо рисовки или позы.

Макаренко в то время преподавал историю, русский язык, немецкий язык, рисование, черчение, математику и музыку. Он рисовал хорошо. Я помню прекрасный портрет девочки его работы, который в настоящее время находится в мемориальном музее. А теперь расскажу такой случай.

В 1935 году по заданию Макаренко я организовал в Виннице колонию рецидивистов—каждый из ребят имел не менее трёх-четырёх судимостей. К 1937 году колония уже отличалась исключительной организованностью, «мажором» макаренковского звучания, тона. Было своё производство, а работали в колонии три воспитателя, не считая учителей школы. Был у нас великолепный духовой оркестр на 64 инструмента, играли классические вещи.

Вышел я как-то во двор и слышу: со стороны парка плывут звуки похоронного марша. Должен сказать, что наш оркестр так хорошо себя зарекомендовал, что его часто приглашали на похороны. Я пошёл в том направлении, откуда слышалась музыка. Оркестранты настолько увлеклись, что даже не заметили моего появления. Я подошёл и увидел, что под большой ивой группа ребят что-то делает, а в центре, на возвышении, стоял воспитанник Лира. Этот Лира, на чисто лишённый ораторского дара, вдруг заговорил, да как!

— Дорогие ребята и вообще пацаны! Я как посмотрю на этот бездыханный труп, так вся душа дрожит, и аж сердце кровью обличается. Но вообще давайте скорее закапывать, чтобы не наскочил Семён.

Мне стало страшно: может быть, они ухлопали кого-то из ребят, закопают и скажут, что убежал. Я решил заявить о себе. Так тихо, грустно прошу:

— Товарищи, разрешите мне слово.

— Подошёл к пню, который служил трибуном Лире, и увидел такую картинку. Стоит гроб, сделанный по всем правилам гробостроительной техники, даже отделанный рюшем из марли. В гробу лежала собака. Посмотрел я на ре-

бят, а у них глаза, как у тоскующего быка, что хотите, то и делайте с ними. И тут я понял, что вся эта история затеяна ими потому, что они давно не играли по-настоящему. Они познали многое: что такое разврат, лишения, поножовщина, тюрьма, но они прошли мимо неповторимого творческого периода, когда дети сами выбирают для себя игры. А тут вдруг прорвало—они решили оформить в такую игру гибель любимой собаки. При каких-то обстоятельствах эта собака, неизвестно откуда попавшая к нам, погибла. Её все в колонии любили. Ребята выкопали яму и хотели её туда уложить, но потом решили, что так неинтересно. Сделали прекрасный гроб, всё приготовили, как полагается...

И вот со мной произошло такое странное «педагогическое замыкание». Отстранив Лиру, я вскочил на пень и произнёс речь:

— Как же мы—300 человек — не могли уберечь драгоценную для нас жизнь этого пёсика, нашего незабвенного Бобика! Давайте же все траурно гавкнем над его могилой.

Ни один не «гавкнул». И только один, удивительно у нас «способный» мальчик, около 20 лет, из которых большую половину он успешно провёл в первом классе, раскрыл было рот, но его остановили. Уже после похорон я решил несколько растормошить ребят:

— Любовь к животным очень хорошая черта, но даже помещики не хоронили так своих собак, не отпевали их траурными мелодиями Бетховена — это уже нехорошо. Ведь может так случиться, что я завтра умру, и вы будете этот похоронный марш играть на моей могиле?

Тогда этот «способный» мальчик из первого класса сказал:

— Нет, мы для вас другой марш сыграем.

Когда я рассказал этот эпизод Антону Семёновичу, он здорово хохотал и сказал, что всё прекрасно получилось.

Ребята ждали моего гнева, готовы были воспринять любой мой протест в форме какой-то кары, а я совершенно неожиданно для них включился в их игру. А чтобы включиться, надо и серьёзно относиться к игре, и иметь какое-то чувство юмора.

Макаренко считал, что если в природе можно насчитать миллион неожиданных ситуаций, то и мер воздействия, решения их должно быть два миллиона. И у него было два миллиона мер воздействия. За 19 лет жизни рядом с ним я не знаю случая, чтобы он повторился.

Самым эффективным средством передачи мастерства молодым было, как мне кажется, то, что Антон Семёнович каждое своё рабочее мгновение освещал ярким примером — призывом.

Иные же призывают, поучают жить красиво, общественно красиво, но не убеждают в этом своим личным примером. Это не наука, а ханжество. Макаренко всё делил с нами.

...В феврале 1921 года все наши воспитанники (30 человек) заболели тифозным сгустком (сыпной, брюшной, возвратный тиф). Не заболели только Антон Семёнович, завхоз Калина Иванович, воспитательница Елизавета Фёдоровна, я и конь. Малыши и хлопцы лежали в холодных спальнях, голодные. Мы с Антоном Семёновичем и Калиной Ивановичем пилили дрова, топили печи, по-

могали Елизавете Фёдоровне готовить пищу. Елизавета Фёдоровна и врачевала. Вечерами Антон Семёнович развлекал больных чтением, рассказами и мечтами.

Когда все здоровые расходились, Антон Семёнович подходил к каждому; кого ободрит словом, кому улыбнётся, на ком поправит одеяло, а к отдельным, застывшим в тифозном беспомоществе, ложился, чтобы своим телом отогреть, то же делал и я. С ним же возили наших тифозников в полтавские тифозные бараки, решительно требовали от врачей обязательного излечения. Антон Семёнович был уверен, что ни один колонист не умрёт. А все были уверены, что выздоровели только потому, что так очень хотел Антон Семёнович.

Это ли не передача опыта? Это ли не воспитание самим собою?

Таким он был, таким он оставался всю свою жизнь. Таким он остаётся и теперь — после своей физической смерти — в своих делах, думах и книгах. .

Он обладал самой нужной «специальностью» — он был настоящим человеком. Он был «человечищем, и как раз из таких, в каких Русь нуждается», — так говорил А.М. Горький о Макаренко.

«Марш тридцатого года».
Москва. "Просвещение", 1988 г.

КОГДА МАТЬ – РОДИНА

На моих глазах, моим поколением, при моём участии совершались удивительные дела: индустриализация, перестройка сельского хозяйства, ликвидация неграмотности и стремление людей к высшему и среднему образованию, электрификация страны, дворцы культуры, метро, корабли на подводных крыльях и человек в космосе!.. Словом, прыжок с воловьей арбы и конной телеги за штурвалы самых совершенных машин. Да, это подвиг — подвиг народа.

Я гляжу на окружающий меня мир, на события, происходящие на моей Родине через очки педагога. И как педагога и гражданина радуется меня ликвидация в стране такого горького и печального социального явления, как нищенство и беспризорность.

Нет больше этого бедствия. А ведь я не только видел — на себе испытал и то и другое.

С 1914 по 1917 год я был поводырём слепого. Сколько их, нищих, бродило по городам и сёлам России: слепые, погорельцы, инвалиды войны, старики и калеки, изгнанные с фабрик и заводов. А с ними — дети. Тысячи и тысячи их, обвешанных торбами, грязных, в чесотке и цыпках, босыми ногам месило грязь, ворошило пыль на дорогах задавленно дремавшей соломенной Руси.

В первые же годы Советской власти; по зову В.И. Ленина, на борьбу с беспризорностью, на спасение детей, были призваны лучшие люди. Спешно открывались детские дома и детские трудовые колонии. Молодое Советское государство из своих скудных запасов выделяло для них продукты. Обеспечение детей было наравне с обеспечением воинов Красной Армии.

Я был одним из тех, кто всей своей жизнью обязан материнской заботе Советской власти, к кому нежно и требовательно прикоснулась рука матери — Родины в лице таких людей, как А.С. Макаренко.

Рождённый в многодетной бедной крестьянской семье, я с детства был лишён права на жизнь, был задавлен жестоким капиталистическим мраком. Был батраком, нищим, беспризорником, озлобленным зверёньюшем–воришкой. И вот почти физически почувствовал, как стал трещать и разрушаться социальный панцирь, сковывавший мою душу, во мне признали человека, поверили в меня и научили верить в лучший,— завтрашний день, научили бороться за наступление этого дня.

В 1923 году, по путёвке комсомола, с правом, одинаковым с бывшими партизанами и красноармейцами, сел я за студенческую парту рабфака. Какая это поэзия! Поэзия права на жизнь! Поэзия на право быть человеком, с обязанностью быть коллективно счастливым!

В 1928 году своему другу и наставнику А.С. Макаренко я дал торжественную клятву посвятить свою жизнь борьбе с детской беспризорностью, нищетой, за предупреждение детской преступности, жить для тех, из среды которых вышел сам, чтобы жили они и жизнью своею землю украшали.

— Спасибо, Семён, от Родины спасибо. — сказал Антон Семёнович и поцеловал, благословляя на самое ответственное дело строительства новой жизни — строительство нового человека-коммуниста.

Война... Кровавым спрутом расплзлся фашизм по нашей земле. Мы были поглощены борьбой с ненавистным врагом, и сердца наши были полны справедливого гнева, жаждой священной мести. Но оставалось место в сердце советского человека и для любви к детям — самой трагической жертве войны. Сколько их было — обездоленных, осиротевших, познавших ужасы смертей и пожаров.

Нет, не бродили наши дети толпами по кроваво пылавшим дорогам войны, не протягивали руки свои за подаянием, не разъедали: их болезни и не леденели их сердца от холода людского равнодушия.

Всё для детей! Уютные детские дома, питание, почти такое же, как у воинов-отцов, а главное — наши прекрасные женщины-педагоги, ставшие матерями в самом полном значении этого святого слова.

И всё это — наша самая нежная, самая добрая мама — МАТЬ-РОДИНА. Она являлась ребёнку то в образе воспитательницы, то в образе просто тёти Даши, то во взятии Смоленска, то в салюте Победы, в букете лиц дядей и тётей — шефов из соседнего завода. Родина-мама, какая она многоликая, многосолнечная, нежная и самая любимая!

В текущем году из нашего детского дома уйдут на дороги жизни более десяти девушек и юношей. Они прожили в детском доме по одиннадцать лет. Они не знают своих отцов, но хорошо знают, что такое война. И они знают, что делать, как жить, чтобы их дети знали матерей и отцов, но не знали войны.

Наши выпускники — образованные, интеллигентные люди. Они не были сиротами, у них всегда была и ещё более есть — Родина-Мать. Из детского

дома они уйдут в институты, в техникумы, в рабочие коллективы предприятий и совхозов, а некоторые в армию.

Они станут рядом со своими старшими братьями и сестрами, вышедшими из детского дома в прошлом году, и вместе с ними будут навещать свой детский дом, как свой родительский дом. Они станут зримой радостью, уверенностью в завтрашнем дне для своих младших братьев и сестёр, находящихся ещё в детском доме.

Наши «старички» много сил отдали на благо детского дома. Саша Прокофичев, Миша Лисицын, Гена Веремеев, Тамара Токарева, Таня Хоботова, Галина Логинова активно участвовали в органах детского самоуправления, руководили пионерской и комсомольской организациями, подменяли воспитателей. Саша Прокофичев является чемпионом области по лёгкой атлетике среди воспитанников детских домов и школ-интернатов. Миша Лисицын, Саша Прокофичев, Вова Петров и Людмила Шагавдинова в течение трёх лет были командой-победительницей в областном турнире на кубок по шахматам.

Приросли мы к этим детям и, кажется, отламывается от сердца ломоть трепетно-родного. И так каждый год. Радоваться бы родительской радостью, а мы печалимся. Но печаль эта – счастливая.

Но пока наши «старички» дома. Они в серьёзной тревоге — ведь предстоят государственные экзамены. В детском доме это предстоящее событие переживают все: ходят тихо, говорят шёпотом. Или вот такая сценка:

— Сашка? Да не получит, золотую медаль?!

— Так я ж не сказал, что Сашка не получит золотую медаль...

— Я сказал, что и Мишка получит, а ты... — Так двое малышей выражают своё отношение к академическим успехам своих старших братьев.

В этом и наша отчётливая уверенность, что мы не останемся «одиночками» родителями. Мы вдруг ясно увидели, что к избаловавшей нас гвардии старших вплотную подошли новые похорошевшие лица. У них нет ещё той уверенности и хватки, как у старших, но они уже — ощутимая смена. К ним, конечно, придёт и уверенность, и хватка организаторов.

Вот Коля Х. Каким он был полгода назад — мы уже забыли. Да мы просто не желаем помнить и делаем всё, чтобы забыл и сам Коля. Отец его пьяница, хулиган и этому разрушительному ремеслу учил и своих сыновей. Отца посадили, старшего сына тоже, и Коля стал промышлять воровством в компании с более старшими подростками. И вот суд. Сначала был «суд» над равнодушием, над теми, кто своим равнодушием не остановил, а подталкивал ребят к безобразным поступкам, в их движении к уголовным преступлениям.

Суд... Мы приятно ошиблись, думая, что судьи — это люди, мыслящие и поступающие только согласно статьям уголовного кодекса. Судьи, славные люди, рискнули и отдали Колю нам.

Поруганная отцом, забрызганная грязью Колина душа в нашем коллективе стала оживать. К мальчику вернулся утерянный игровой период. Коля стал щедр на детский смех и радость, тянется к полезным дедам, он счастливо честен.

— Обидно, — как-то при мне сказал Коля, — и есть вроде отец у меня, и нет его... Он же обворовал меня — украл детскую радость. Не знаю, сумею ли я называть его отцом. Но всё равно я счастлив — у меня две мамы...

— То есть?

— Мама родная, ну, кровная, и мама наироднейшая — Родина!

— Умница, — сказал я. — Но сыновьего чувства к отцу не убивай. Может он ещё опомнится. Знаешь, всякое в жизни бывает.

— А у меня; и сейчас есть отец, да ещё какой, ого!

— ?

— А вы, Семён Афанасьевич!

И Коля, радостный, возбуждённый, убежал, плюхнулся в гущу детворы.

И сколько их таких, разных, но очень похожих друг на друга в уверенности, что у них есть хорошая мать — Родина, всегда верная им святой материнской верностью.

Коля повторит Сашу, Машу, Гену, он продолжит их, но останется самим собою — Колей. И он с болью когда-то оставит детский дом, а мы с родительской печалью, — печалью радости, — одарим его куском своего сердца. Уходят наши дети, но в сердце нашем все они остаются. Ведь наши сердца педагогические — это уполномоченные вселюбящего и требовательного сердца нашей МАТЕРИ-РОДИНЫ.

1964 год.

/ Из личного архива Г.К. Калабалиной /

ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ ШИМБИРЕВУ И НАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

За дискуссией в «Учительской газете» я слежу с неослабным интересом. Бывший воспитанник А.С. Макаренко, я хорошо знаю, какой изумительной силой обладали разработанные им методы.

Тов. Лялин и некоторые авторы последующих статей, в частности тов. Козлов (см. «Учит. газ.» от 27 июня 1940 г.), верно раскрыли существо этих методов. Пестуя колонистов, А. С. Макаренко заботился не только о воспитании высокого сознания, но и о соответствующем ему этическом поведении. Каждый из нас учился подчинять воле большинства (если оно право) свою волю, учился также направлять работу своих товарищей.

Разработка проблем методики воспитания в коллективе является большой заслугой Макаренко перед теорией педагогики. Антон Семёнович неоднократно писал о том, что педагогическая литература не даёт конкретных указаний, как воспитать человека. И здесь он был вполне прав, когда настаивал на том, что мы обязаны, опираясь на прогрессивные педагогические идеи о воспитании, создать методику гуманистического воспитания.

С большим недоумением прочел я поэтому статью профессора Шимбирева («Учит. газ.» от 2 июня 1940 г.), автор которой считает ошибкой Макаренко «поиски какой-то особой техники воспитания». Он обвиняет Макаренко также в том, что Антон Семёнович рассматривал воспитание независимо и изолирован-

но от обучения. Автор подкрепляет это и другие обвинения ссылками на недостатки, пороки и ошибки в деятельности колонии им. М. Горького. Должен сказать, однако, что представления профессора Шимбирева о колонии не соответствуют действительности. А.С. Макаренко, по понятным соображениям, не все вопросы осветил в «Педагогической поэме». Как же расценивает это естественное, неизбежное ограничение профессор Шимбирев?

В книге не описана, например, работа школы. Отсюда профессор Шимбирев заключает, что в колонии школа не играла «заметной роли в деле воспитания». В «Педагогической поэме» мало сказано о заседаниях педагогического совета, и профессор Шимбирев делает вывод: в колонии не было коллектива педагогов. В «Педагогической поэме» не рассмотрен вопрос о связи обучения с производственным трудом, и профессор Шимбирев заключает: «Труд в колонии Макаренко был изолирован, не имел связи с обучением».

Как бывший колонист, я могу сообщить профессору, что в колонии систематически и настойчиво развёртывалось и школьное обучение, которое педагоги всемерно использовали для того, чтобы воспитывать нас по высоким меркам педагогических возможностей.

Так, ссылаясь на ошибки Макаренко, не имевшие в действительности места, профессор Шимбирев приходит к решающему выводу: «Оказывается, и системы педагогических взглядов в Макаренко не было».

Отмечу ещё одно обстоятельство. Профессор Шимбирев видит в педагогическом опыте Макаренко столь существенные пороки, что, казалось бы, его следует раскритиковать, как нечто чуждое советской педагогике и во всяком случае архаическое.

Выступления подавляющего большинства учителей — участников дискуссии показывают, что педагогическое наследие Макаренко вызывает большой интерес в среде передового советского учительства.

А.С. Макаренко стремился превратить доверенное ему учреждение в единый коллектив и организовать его деятельность так, чтобы участие в ней воспитывало по-человечески достойных людей. Эта основная установка Макаренко выражает стремления многих передовых учителей. Точно также находят признание и поддержку такие важные принципы, как сочетание волеизъявления с принуждением, широкая самодеятельность воспитанников, воспитание привычки к труду и др. Однако разработанные Макаренко формы и методы организации коллектива используются в школе слабо. На этом вопросе я и хочу остановиться.

Есть сторонники, есть и противники строя, приказов, рапортов и прочих «ритуалов», но большей частью приходится слышать такое мнение, что дело, мол, не в форме, что вопросы формы — вопросы третьестепенные. Это мнение при всей его кажущейся убедительности на самом деле ложно. Если мы хотим действительно создать в школе коллектив, то обязаны найти необходимые формы организации.

В 1938 г. я предложил директору и педагогическому коллективу обычной неполной средней школы (с. Соколовка Крыжопольского района Винницкой области) ряд организационных мер, чтобы устранить наблюдавшуюся в школе не-

дисциплинированность и расхлябанность учащихся. В каждом классе из среды учащихся был выделен ответственный организатор класса. Он приходил до занятий, проверял состояние кабинета, исправлял недочёты. Организатор отмечал также явку учащихся (пропуски и опоздания). Он знал, кого нет, а часто даже успевал узнать причину отсутствия ученика.

При входе учителя в класс организатор отдавал учителю устный рапорт, то есть, в нескольких словах докладывал о готовности класса к занятиям. Во время рапорта соблюдалась некоторая торжественность (класс выслушивает рапорт стоя, организатор сдаёт, а преподаватель здоровается с классом). По окончании занятий классный руководитель и организатор письменно докладывали об учащихся, получивших отличные отметки, а также о тех, кто допустил нарушение дисциплины или получил отметку «плохо». Организатор класса доставлял этот рапорт директору или завучу. Если организатор класса и классный руководитель находили нужным, директор тут же вызывал провинившихся к себе.

В школе была обычная «доска соревнований», на которой передвигались фигурки автомобилей (по числу классов). Мы приняли условие: если в классе хоть один человек допустил какое-нибудь нарушение, автомобильчик в этот день стоит. Нарушений нет — передвигается на одну клетку. Таким образом мы сделали буквально осязаемой связь между поведением одного учащегося и интересами всего класса.

Эти на первый взгляд чисто организационные меры многое изменили в жизни школы по существу. Письменный рапорт занимает всего несколько строк, но это не простая формальность. Благодаря этой мере каждый организатор класса ежедневно общается с директором, директор всегда знает состояние каждого класса, ни одно нарушение не проходит незамеченным, воздействие на нарушителей оказывается безотлагательно. Изменения в учёте соревнования сразу помогло учащимся почувствовать, что они объединены общими для всех интересами. Результаты сказались очень быстро. Дисциплина в школе резко улучшилась, заметно повысилась успеваемость.

К сожалению, в массовой школе о «технике воспитания» мало заботятся, единого стиля нет, в решении важных для школы вопросов ученические организации не участвуют. Подростки, юноши и девушки являются сейчас в школу на всё готовое и действуют, так сказать, в роли «потребителей». Такое положение решительно никуда не годится. Чтобы изменить его, нужно прежде всего создать в школе гибкую и жизнеспособную систему ученических организаций. Мне эта система представляется следующим образом.

Во главе каждого класса стоит выборный командир (кстати сказать, командир носит отличительный нарукавный знак), все командиры классов образуют совет командиров (СК) во главе с секретарём. Членами советов командиров являются также директор школы, завуч, секретарь комитета ВЛКСМ, старший пионервожатый. Совет командиров должен быть в курсе всей жизни школы, причём заботы об учёбе и дисциплине будут, естественно, занимать центральное место. Совет командиров имеет право представлять к исключению из школы нарушителей, отбирать знаки отличия, присуждать награды.

Для того чтобы совет командиров мог не только обсуждать и решать, но также проводить свои решения в жизнь, он должен иметь определённые рабочие органы. Возможно, например, организация в совете командиров постоянных комиссий (например, академической, санитарной, военно-спортивной, редакционной). Председатели этих комиссий также являются членами советов. Такая структура значительно расширяет масштабы деятельности ученических организаций.

Разумеется, хорошая структура ученических организаций — ещё полдела. Необходимо наладить их работу так, чтобы они ежедневно участвовали во всей сложной деятельности школьного коллектива, нужно правильно организовать и, если можно так выразиться, оформить школьный день (в особенности его начало). Как показывает мой опыт, целесообразнее всего начинать каждый день зачитыванием очередного приказа по школе (на данный день). В приказе могут сообщаться распоряжения директора, военного руководителя, постановления СК, объявляются благодарности и выговоры. В приказе же устанавливаются некоторые фронтальные задания на день, определяется состав дежурных на день (дежурный педагог, дежурный командир, дежурные члены комиссий). Приказ отдаётся по совету командиров за подписями директора и секретаря СК. Чтение приказов должно проводиться в торжественной обстановке.

Нужно подчеркнуть, что ежедневное зачитывание очередного приказа имеет не формальное, а принципиальное значение. Эта мера даёт возможность информировать всех учащихся о жизни всей школы и ставить перед всей школой определённые задачи. Здесь не от случая к случаю, а систематически становятся предметом внимания коллектива успехи и поражения его членов, все учащиеся объединяются вокруг выполнения поставленных задач. Совершенно обязательно, я считаю, также подведение итогов в конце каждого дня. Лучше всего, чтобы командиры классов докладывали в нескольких словах о том, как прошёл день (смена) в их классах секретарю СК в присутствии директора или завуча, а дежурные представляли столь же краткий письменный рапорт директору о дежурстве по школе в целом.

Могу заранее предполагать, что моё предложение всерьёз расширить права детских организаций вызовет немало нареканий.

Некоторые товарищи опасаются, что это снизило бы роль педагогов и директора. Приходится подчеркнуть, что чем активнее члены коллектива, тем сильнее должен быть его руководитель. Авторитет директора должен достигаться не за счёт бессилия всех школьных организаций, а за счёт собственной силы директора. Эта сила в безусловном умении направлять все школьные организации по нужному пути.

Очень важно создать в школе продуманную систему поощрений и наград. И здесь во многом может быть использован опыт А.С. Макаренко. Почему бы не ввести, например, звание школьника? Серьёзных доводов против мне слышать не приходилось. Конкретные формы реализации моего предложения могут быть, разумеется, различными. Так, например, можно установить, что учащиеся первых классов числятся только кандидатами на звание школьника. По окончании первого класса (если учащийся удостоен перевода во второй класс) ему в

торжественной обстановке это звание присваивается. При переходе в третий класс (с оценками по основным предметам не ниже чем «хорошо» и по поведению «отлично») учащемуся вручается отличительный знак школьника. Мыслим и другой путь, когда присвоение звания и знака школьника не связано с переходом из класса в класс. Но дело не в этих деталях. Решающее значение имеет здесь то, что коллектив определяет достойных, торжественно награждает их, что каждый может рассчитывать на это поощрение со стороны коллектива, каждый будет стремиться его заслужить. Я думаю, что отличника следует во всех случаях награждать грамотой, вносить в книгу отличников школы, нужно также выдавать благодарственную грамоту родителям. По окончании школы следует отмечать достойных серебряными и золотыми медалями.

Нужно сказать, что если награда символизирует признание коллективом заслуг его членов, если она выражает уважение коллектива к труду, то имеет большой педагогический смысл и сближает награждённого с коллективом. Возможны и более смелые, значительные и действенные методы. На мой взгляд, целесообразно ввести такую традицию, чтобы при переходе в пятый класс учащиеся приносили присягу, как люди, сознательно приобщающиеся к важнейшему государственному делу. Коли этот акт будет совершаться после необходимой подготовительной работы, с полным сознанием его ответственности, в достаточной торжественной обстановке, он сослужит службу нашей школе.

Многие товарищи, выступая в связи с дискуссией, правильно требовали покончить с безответственностью детей. Уместно дополнить это пожеланием: всемерно повысить ответственность родителей. Я думаю, что было бы вполне целесообразно при приёме ребёнка в школу знакомить родителей с правилами школьного распорядка, причём так, чтобы родители расписывались в признании этих условий и знали, что учащиеся, нарушающие нормы поведения, могут быть исключены из школы.

Думаю также, что во многих случаях за обучение учащегося, оставленного на второй год, нужно взимать известную плату сообразно с достатком родителей. Конечно, это суровая мера, но суровые меры вполне уместны по отношению к тем, кто упорно не желает заботиться о воспитании детей.

«Учительская газета», 1940 г.

ТАК КАКИМ ЖЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДЕТСКИЙ ДОМ?

Если рассуждать с точки зрения государственной полезности, оперативно-организационного и, конечно, воспитательного эффекта, а не с точки зрения личного для директора удобства, то детдом должен быть с контингентом детей в 200—300 человек. Безусловно, для этого нужны соответствующие бытовые и другие условия.

Я сохраняю в себе самые завидные воспоминания о разумном и полезном уюте в колонии имени М. Горького. А там было 120—400 воспитанников, а в коммуне имени Дзержинского и того более — 150—600 человек.

Руководил и я большими детскими коллективами — детдом № 3 Мосгороно — 400, детдом № 60—250 человек. И было чисто, уютно, строго, красиво.

Я не совсем понимаю, какой уют называется семейным, а какой — несемейным, или антисемейным. Если, как непереносимое условие семейного уюта, в детдоме должно быть 50—60 детей и к ним коврики, сувенирчики, кошечки, открыточки, бантики, шёпот и халатики, пижамки и диванные подушечки, то так можно договориться до того, чтобы в детдоме было 5—10 человек. Но это уже семейные детские дома.

Можно ли руководителям детдома в 200—300 человек знать всех детей, общаться с ними? Можно. Всё зависит от организации воспитательного процесса, от рабочей позировки руководителя детдома, от его добросовестного или недобросовестного отношения к делу.

Спору нет, полезного рабочего напряжения будет расходоваться больше там, где больше детей. А может, и не так. Можно и маленький детдом довести до такого состояния, что самая большая энергия неумельца будет пустым усилием. Есть же в природе плохие семьи! А плохо там не потому, что много или мало детей, а потому, что плохие организаторы семьи.

В нашем детдоме 170 человек. По величине это — средний детдом. Я, как руководитель детдома, без особого напряжения общаюсь в течение дня почти со всеми детьми, с одним больше, с другим меньше. Знаю всех детей по имени, отчеству, знаю особенности каждого ребёнка, произвожу не менее как на 5-10 человек в день записи своих наблюдений над ними. Успеваю поработать и поиграть с детьми, посоветоваться с учителями, побывать в школе и просто посидеть в спальне детей.

Что затрудняет работу детдома, собственно, работу директора, так это куцые права. Надумано бесчисленное количество всяких затруднений по ведению хозяйства, исполнению финансового режима и прочих, которые безуспешно директором переживаются.

Директору доверяется жизнь и воспитание сотен детей, а подбор педагогических работников — не доверяется. Можно с уверенностью заявить, что, доверив директору наём и увольнение воспитателей, благополучие детского дома много выиграет. Коллектив будет дружнее, работоспособнее. В случае наличия нерадивого работника, от него можно проще и скорее освободиться. Сами работники будут чувствовать больше ответственности непосредственно перед директором. А в нынешних условиях директор фактически без всякого прямого права по отношению к воспитателю.

Облоно и районо назначают и увольняют педагогических работников, и бывает так, и очень часто, что назначенный работник проявляет себя с самой дурной стороны, а попробуйте от него избавиться! И сколько он натворит бед, пока, наконец, уволится.

И далее, о так называемом финансовом режиме. Всякие хозяйственные, финансовые, производственные и прочие явления в детском доме должны служить делу воспитания детей. А вот попробуйте, допустим, наиболее полезно исполнить смету! Не исполните. Директор — не хозяин сметы, а свидетель и хранитель её. Директора являются жертвами всяких лимитов, безличных рас-

чѐтов, запретных групп товаров, отсутствия наличного расчѐта и т. д. и т.п. А пусть кто-нибудь осмелится сказать, что всё это не имеет прямого влияния на организацию воспитательного процесса.

Теперь по вопросу трудового обучения детей в детских домах.

Товарищ Райшкин предлагает соблазнительное, но неосуществимое. Иметь мастерские при детдомах нужно, и пусть они будут учебно-бытовыми или производственными, и пусть при помощи их сообщается детям трудолюбие, рабочая хватка. Но без обязательного присуждения воспитаннику высоких квалификационных разрядов. При существующих нагрузках воспитанника в детдоме планомерное и квалифицированное трудовое обучение, на мой взгляд, невозможно.

Статья предназначалась для участия в дискуссии:
«Каким должен быть детский дом?»,
организованной «Комсомольской правдой» в 1955 г.

ЭТО НАШЕ, РОДИТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО

Неудачно воспитанный ребёнок — это прежде всего сам человек несчастный и несчастные родители. Это — горе, а правильное воспитание — это организация счастья.

А.С. Макаренко

Антон Семёнович Макаренко говорил, что воспитание подрастающего поколения детей должно происходить на каждом квадратном метре нашей земли. Как это надо понимать? Кто должен воспитывать и, конечно, как воспитывать?

Главную ответственность за воспитание детей должны нести родители. Только родители ответственны за сообщение детям хотя бы начальных признаков этики и морали.

На известном периоде жизни ребёнка в процессе воспитания активно и грамотно включается школа. Школа подводит ребёнка к развёрнутой книге познаний. Маленький гражданин приступает к познанию жизни не только на вере. Он начинает познавать её уже на основе науки. Эта трудная работа — удел школы, и она будет успешной, если в школе будут так же воспитывать, как и обучать.

Допустим, что воспитание в семье и в школьном возрасте, уже в содружестве со школой, проходит нормально. Ребёнок являет собой лучший пример родительского и педагогического утешения. И, вдруг, родители и школа разводят руками от нетерпимого поведения того же ребёнка. Что же произошло? Когда, где ребёнок был поражён аморальными микробами?

Как-то, ещё в 30-х годах, Антон Семёнович в беседе сказал: «Улица, промежутки между школой и домом, кинотеатры, стадион, парки и другие места, где располагаются дети,— это самая подходящая арена для воспитания детей.

Собственно, может и не воспитания, а скорее просто физического торможения ребят в моменты их дурных поступков. Это самые подходящие места для активной деятельности родительской солидарности и родительской педагогической заботы о детях и предупреждения их от моральных травм». Я не совсем понял Антона Семёновича, и он продолжал: «Видишь ли, Семён, часто бывает так, что мальчик или группа мальчиков даже и тех, что дома или в школе отличаются примерным поведением и послушанием, попав в места, которые находятся вне контроля родителей и школы, начинают вести себя скверно — курить, задевать прохожих, одним словом, нарушать нормы порядочного поведения. Первый раз это делается, несмело, а дальше смелее, вульгарнее, и это просто опасно. Опасно, прежде всего, для будущего самого начинающего нарушителя. Остановить, принять немедленно конкретные меры в таком случае — это значит вовремя подать руку утопающему. Кто это должен делать? Как ты думаешь?»

На свой вопрос Макаренко ответил сам: «Это должны делать граждане Советского Союза, миллионы родителей, на глазах у которых совершаются недопустимые уродливые действия ребят, а мы, видя это, отворачиваемся, пассивно покрутим головой, кого-то упрекнём и утешаемся тем, что не мой ребёнок. А может быть, как раз в это время на другом квадратном метре земли именно мой сын творит ещё худшее, и это наблюдает мой коллега-родитель и точно также поступает, как поступил и я. Преступно поступил».

Кто и когда освободил нас от родительского и гражданского чувства ответственности за благополучную нравственность наших детей, наших будущих граждан, будущих родителей своих детей, будущих строителей начатого нами дела? Кто снял с нас ответственность перед Родиной за человеческий брак, за тех молодых людей, которые сидят на скамье подсудимых и караются годами лишения свободы, а родители корчатся в муках родительского горя?

А много ли таких родителей, которые, в моменты посыпания головы пеплом, не проклинаят школу, а с чувством угрызения совести молвят: «Что я сделал для того, чтобы помешать падению моего сына, кого из его сверстников я остановил, предупредил, задержал, довёл в школу и в дом к родным? Никого».

Макаренко говорит, что всякое дурное поведение подростка — это, прежде всего, покушение на благополучие и покой коллектива — школы, семьи, детского дома, улицы и т. д. Почему же мы, хотя бы даже в порядке самозащиты, не проявляем никаких признаков отпора малышам, посягающим на наш покой?

А средств для отпора в нашем распоряжении неисчислимо множество. Конечно, плана чисто родительского, педагогического. Но эти меры родительского воздействия действительно в самом начале дурных проявлений и могут быть полезны профилактически. А вот когда дурные детские поступки — преступления, тогда наши родительские усилия могут оказаться бесполезными, и нас заменит суд.

Когда-то Антон Семёнович мечтал о возможности решительного вмешательства любого родителя и учителя и каждого гражданина в поведение любого ребёнка на улице, о создании при каждом домоуправлении, клубе, школе и т. д. родительского постоянного комитета, или, может быть, актива с широкими пол-

номочиями пресечения всяких отрицательных проявлений и наблюдения за поддержанием незыблемости высокой нравственности детей. И прежде всего надо установить такой режим на улице, чтобы не было возможности детям совершать дурные поступки.

Можно придумать множество разумных и эффективных способов организации родительской общественности в целях профилактического предупреждения пороков. Не мешало бы пересмотреть и стиль взаимоотношений родителей и детей. Я наблюдал много случаев фамильярно-панибратского взаимоотношения.

Следует подумать и о том, какими средствами общественного порицания, а может, и материального ущемления, влиять на тех родителей, которые потеряли чувство родительской ответственности за воспитание своих детей, а в случае их беспомощности — помочь им, вплоть до того, что, хотя бы и на время, забирать детей и содержать в здоровом коллективе за счёт родителей.

Стоит всячески пропагандировать солидарные действия родителей в общественных местах. Если один родитель сделал замечание нарушителям, чтобы с ним встал другой, третий и т. д. Следует из лучших общественников по районам организовывать подвижные бригады наблюдения за благополучием поведения и безопасности детей. Надо только захотеть, и захотеть так, как всегда хотел и делал Макаренко, и можно с уверенностью сказать, что мы наведём в школах и дома, на улицах и в общественных местах высокой нравственный порядок и предупредим в среде детей всякие аморальные проявления. Это наше родительское дело.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Совершенно неправильно мнение, что А.С. Макаренко был специалистом по исправлению беспризорников и малолетних преступников. Вот что он сам говорил по этому поводу:

«... Моя работа с беспризорниками отнюдь не была специальной работой с беспризорными детьми. Во-первых, в качестве рабочей гипотезы я с первых дней своей работы с беспризорными установил, что никаких особых методов по отношению к беспризорным употреблять не нужно; во-вторых, мне удалось в очень короткое время довести беспризорных до состояния нормы и дальнейшую работу с ними вести как с нормальными детьми».

А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 106.

Изд-во АПН РСФСР, 1951.

Раз это так, то стоит рассмотреть его теоретические разработки. Макаренко умел делать из того социального слоя, который считался человеческими отбросами, великолепный сорт людей. Не получается ли у нас иногда не скажу обратный, но, во всяком случае, далеко не такой блестящий эффект? И в одном ли таланте тут дело? Попытаемся разобраться. О проблемах воспитания в ста-

тьё говорится не дифференцированно, не в зависимости от типа учебного заведения (такая конкретизация требует специальной педагогической разработки), а в плане обобщённом. Педагог есть педагог, работает он в школе-интернате, просто в школе или в детском доме. Схожи «проклятые» воспитательные вопросы, потому что едина цель и применяемые средства однородны.

Ещё не так далеко то время, когда наша школа была чистой «школой учёбы». Чинное разделение на мальчиков и девочек, беспредельное царство зубрежки и погоня за отметками, непререкаемость учительского «Олимпа», иссушающий душу формализм — эти черты, к сожалению, были типичными. И хотя в деле воспитания труднее всего проконтролировать качество продукции, налицо были некоторые несимпатичные производные. Человеческая личность просто-напросто теряет свои ценности, если ей свойственна неумелость и одновременное презрение к физическому труду, далеко заходящая инфантильность, тревожный разрыв между словом и делом. Нельзя не видеть связь «милых» качеств подобного рода с «гимназической» системой воспитания. Да и сам запас знаний, бывший фактически единственной заботой учителей, обладал существенным изъяном. До сих пор жалуются преподаватели вузов, восприимчивики педагогов школы, на пассивность и несамостоятельность мышления, бескрылую всеядность и неосновательность знаний, неумение связать теорию с практикой юношей и девушек, окончивших школу и поступающих в вузы.

За последние годы облик школы существенно изменился: теснее стала её связь с жизнью. Но мы только в начале пути — поиски продолжаются. Недаром столь характерно внимание общественности к школе, в газетах часто появляются статьи на педагогические темы. Не случаен интерес к морально-этическим проблемам: передать детям какую-то сумму знаний сравнительно просто, хотя и это не всегда как следует удаётся. Но главная цель — подготовить к жизни настоящих людей. И хотя процент брака не учитывается никакими ОТК, кроме совести педагога, ей подчас должно быть очень тревожно. Именно в детские и юношеские, стало быть, в школьные годы закладывается фундамент человеческой личности, но не всегда получается она такой, какой бы нам хотелось.

Часто осечка видна сразу. Почти в каждой школе есть хулиганы, двоечники, которые, как известно, «тянут назад» всех. А иной воспитательский просчёт не сразу бросается в глаза. Он даёт о себе знать гораздо позднее. И если все выпускники хорошие, откуда же потом берутся обыватели, циники, карьеристы, негодяи, мошенники всех сортов и преступники?

Ответственность за воспитание молодого поколения разделяют с педагогами и семьи, и общественность. Диапазон влияния на структуру души очень велик и, в конечном счёте, определяется строем общественной жизни. Но есть такое понятие, как квалифицированная педагогическая забота о воспитании, и упование на то, что в нашей жизни больше хорошего, чем плохого, и жизнь сама поправит огрехи, может оказаться пагубным.

Наши учебники по педагогике толкуют вопросы воспитания довольно-таки невразумительно, за что их не раз справедливо критиковали на страницах печати. Весьма туманной назвал бы я концепцию отождествления обучения и воспитания, «Обучение неотделимо от воспитания, а воспитание от обучения,

— уверяют нас,— обучая, учитель в то же время воспитывает, а воспитывая, обучает... Советский учитель является не только преподавателем, передатчиком знаний, но и воспитателем детей, подростков, юношества».

Прямо-таки железобетонная установка; не на бумаге, а на камне, кажется, высечены эти фразы. Конечно, в формировании личности что-то даёт и сам процесс обучения, познания окружающего мира, развитие мышления и прочее. Но далеко не всё, что нам требуется. Об этом и у Макаренко в его статье «Воля, мужество, целеустремлённость»:

«Воспитание? А зачем? Учитель — он же преподаёт, вот в это самое время он и воспитывает. История! Вы знаете, одна история сколько может воспитать, вы себе представить не можете!..»

История, конечно, воспитывает. Воспитывает и литература, и математика. Но никакого права ограничивать воспитательный процесс классной работой, конечно, никто не имел, как не имеет права инженер-строитель утверждать, что при постройке дома достаточно заняться только вопросами центрального отопления и конструкции крыши». (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 389).

Постойте,— нам скажут,— но никто и не ограничивается классной работой. Есть и внеклассная. О мужестве, о силе воли проводятся беседы, лекции, диспуты. Но если школьники скучают, плохо усваивают материал, невнимательно слушают наши сентенции на тему: «что такое хорошо и что такое плохо», следовательно, недостаточно разработана наша методика преподавания, следовательно, никуда не годно объяснение, надо лучше, живее, интереснее. Этот короткий бросок очень соблазнителен, в нём есть своя, пусть ограниченная, правда, но такая логика незаметно вводит нас в замкнутый круг.

Нет более диалектической науки, чем педагогика. Если нажимать бесконечно на один и тот же метод, то он может дать и противоположный результат. Нет более высокой действенной силы, чем сила искреннего и весомого слова, и нет более страшной отвращающей силы, чем сила водопада словес, демагогического штампа. Вот что говорил по этому поводу Антон Семёнович:

«Мужество! Попробуйте серьёзно, искренно, горячо задаться целью воспитать мужественного человека. Ведь в таком случае уже нельзя будет ограничиться душеспасительными разговорами. Нельзя будет закрыть форточки, обложить ребёнка ватой и рассказывать ему о подвиге Папанина. Нельзя будет потому, что результат для вашей чуткой совести в этом случае ясен: вы воспитываете циничного наблюдателя, для которого чужой подвиг — только объект для глазения, развлекательный момент.

Нельзя воспитывать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда он бы мог проявить мужество,— всё равно в чём,— в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости и смелости» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с.390).

Очевидно, в области практического создания «таких условий» и лежит, главным образом, специфика воспитательной работы, в отличие от учебной. Здесь мы приближаемся к извечному «как?», исследованием которого никогда не занимаются жонглёры терминами «воспитывающее обучение», «учебно-воспитательная работа», «воспитывая обучать», «обучая воспитывать». Надо же

по-деловому провести водораздел между собственно воспитанием и образованием, раскрыть единство там, где оно есть, и разность, потому что «методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно независимую от логики образовательной. И то и другое — методика воспитания и методика образования, по моему мнению, составляют два отдела, более или менее самостоятельных отдела педагогической науки» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 109).

Так считал А.С. Макаренко, который, будучи прекрасным преподавателем, днём своего рождения, как педагога, считал основание колонии им. М. Горького, в которой им были заложены основы методики воспитания.

Конечно, и воспитание, и образование теснейшим образом связаны между собой, и совершенствовать методику преподавания нужно — надеемся, что никто не додумается обвинить автора статьи в защите мракобесия и невежества. Но права особой науки о воспитании суверенны. Пусть не общепризнано, что должна существовать сравнительно независимая от обучения рабочая методика, техника воспитания, скорее воспринимаемая втихомолку так: тут больше «от лукавого» или, напротив, от «дара божьего». Так или иначе, искали, ищут и впредь будут искать воспитательные средства и педагоги, и общественность, особенно в связи с учреждением школ-интернатов. Во-первых, потому, что в учебном заведении должен быть порядок и культура дисциплины. Во-вторых, потому, что существующая сетка (учёба, трудовые навыки, мероприятия) не удовлетворяет. Ускользает неуловимое и значительное — душа. Не случайно ударились в другую крайность — стали рекламировать «испытанное средство» — индивидуальный подход. Откроешь неудачу «Учительскую газету», бросается в глаза заметка «Индивидуальный подход». Она типична... Всякий раз, приступая к работе, спрашиваю себя: хорошо ли я знаю каждого своего питомца, его способности, склонности, интересы, его домашнюю жизнь, родителей?»

Задачей досконального изучения особенностей и применения различных мерок к детям в зависимости от индивидуальных особенностей каждого исчерпывается для учителя содержание воспитательной работы, — таков смысл этой и многих других статей и корреспонденции на темы индивидуального подхода. Образная формулировка — «найти ключ к сердцу каждого ребёнка». Это идеал, к которому надо стремиться. Практически-то «воспитательному воздействию» подвергаются дети, «выламывающиеся» из общей массы, главным образом, в худшую сторону. С ними много говорят «по душам», вызывают родителей. А на остальных просто не хватает ни времени, ни пороку.

Очень показательна напечатанная как-то в «Известиях» статья. Она выдержана в общем русле, но доведена до логического предела. Статья называется «Миллион проблем».

Не может быть написана универсальная книжка о воспитании детей, потому что надо было бы написать «миллион методик» — по числу детей — так рассуждают многие педагоги. В соответствии с этой аксиомой воспитатели описываемой в статье школы-интерната бредут вслепую, действуют наощупь и становятся в тупик перед простейшими, старыми, как мир, педагогическими случаями. Они всегда один на один с ребёнком, должны его убеждать быть па-

инькой. (Метод принуждения практически отпал). Драчуны, хулиганишки вырастают в «истинное воплощение зла».

Заключение статьи весьма оптимистическое: «Миллион проблем стоит перед человеком, взявшимся за титанический труд воспитания детей. И если труд этот ему по сердцу, то он непременно решит их — весь миллион. А понадобится — и больше».

Подумает-подумает иной педагог, и скажет: «Я ведь не гений, и даже не талант. Куда уж мне на миллион замахиваться». И сбежит из школы. Или махнёт на все рукой, «пусть идёт, как идёт».

Требование чуткого внимания к человеческой, детской душе вполне справедливо и разумно. Но нельзя же единственным видом такого внимания считать индивидуальный подход, нельзя возвращаться вспять, к уже пройденным этапам, к «парной педагогике», к классической формуле «ученик — любимый учитель». Может, не столько изучать детскую душу, сколько конструировать её надо? Ну, а что же делать? — возразят: человек не машина. Да, человек не машина, его организация гораздо выше. Надо иметь какой-то точный инструмент в руках, и такие детали человеческого характера, как воля, честность, организованность можно и нужно вырабатывать поточным методом. Ведь этими качествами должны обладать все без исключения.

«Я сам стал учителем с семнадцати лет,— пишет А.С. Макаренко,— и сам долго думал, что лучше всего организовать ученика, воспитать его, воспитать второго, третьего, десятого, и когда все будут воспитаны, то будет хороший коллектив. А потом я пришёл к выводу, что нужно иногда не говорить с отдельным учеником, а сказать всем, построить такие формы, чтобы каждый был вынужден находиться в общем движении» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 230).

Создать такие условия, такие формы — это и есть организация их бытия в школе, с тем, чтобы оно определяло создание, чтобы дурное влияние и «плохая компания» не были бы в состоянии сбить его с пути. Если мы будем спрашивать с ученика лишь правильного ответа на все вопросы, он и в дальнейшем будет хорошо рассуждать, но ему и в голову не придёт соотнести свои слова с действиями. Надо, чтобы он привык поступать правильно, постоянно тренировать его в этой привычке. И сделать это можно только в коллективе, через коллектив. Вот тот самый инструмент конструирования личности,

«... волю, мужество, целеустремлённость нельзя воспитать без специальных упражнений в коллективе. Не метод парного влияния от случая к случаю, не метод благополучного непротивления, не метод умеренности и машины, а организация коллектива, организация требования к человеку, организация реальных, живых, целевых устремлений человека вместе с коллективом — вот что должно составить содержание нашей воспитательной работы...» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 391). Формула «коллективного воспитания» небезызвестна. И всё-таки надо «засиять её заставить заново». Потому что у нас массовое воспитание миллионов детей, и только воспитание через настоящий коллектив даёт гарантию его высокого качества.

Мы не имеем права рассчитывать лишь на талант и призвание педагога. У нас ведь многотысячная армия педагогов, а таланты всегда редкость. Да и само по себе «парное влияние» — фактор узкий и ограниченный.

Наконец, человек — не самодовлеющая, замкнутая в себе личность, её ценность, определяется гражданским, общественным стержнем и попросту даже глубоким человеческим интересом к другим людям.

Как бы ни была разносторонне подкована личность (спортсмен, любитель искусства), если психология её узко индивидуальна, моральное опустошение идёт с опасной быстротой. Доброта, честность, благородство — не просто абстрактные нравственные категории, украшающие человека, а социальные качества, отсутствие которых больно бьёт по интересам других людей, поэтому этические категории играют особую роль. Разве не страдаем мы порой от бюрократизма, формализма, грубого администрирования и неумелости руководства, от безответственности в общественной и личной жизни?

Мало только желания быть коллективистом, надобно ещё и умение. А это умение приобретается человеком с детства путём упражнения в коллективе. Наука руководить и подчиняться товарищу очень мудра во взрослом обществе, и быть борцом-коллективистом можно научить человека с детства, начиная с простейших правил и всё усложняя их. Ребёнок учится сначала арифметике, потом алгебре и геометрии, и это даёт ему возможность познать премудрости высшей математики. В нашей педагогике злоупотребляют словом «коллектив», оно истёрто, как медный пятак. А слово это гордое и требует осторожного обращения.

Инспектируя одну из школ-интернатов, комиссия уже при подходе к дому была поражена контрастом между импозантным видом светлого большого здания и открывшейся картиной бесхозности и запустения. Неопрятные подростки гоняли мяч среди хрупких сеянцев, молодого сада, в доме зияли чёрные дыры выбитых стёкол, стены были заляпаны и исписаны. Первое впечатление не обмануло. Основательное обследование никаких следов организационных форм детского коллектива не обнаружило: среди учителей — разброд, ребята в воспитательном отношении были предоставлены самим себе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Между тем директор разглагольствовал о «коллективе» школы, хотя назвать коллективом столь аморфное собрание ребят никак нельзя было.

А вот в соседнюю школу-интернат приятно войти. Спальни и классы аккуратно прибраны, в коридорах нет бестолковой беготни и глупого вороньего шума. Во всём чувствуется хорошо налаженный порядок, эстетика сильного коллектива. Эстетика умелой организации привлекает и в Бирюсинском детском доме Иркутской области. Здесь было достигнуто самое важное — деловое самоуправление со всеми признаками активности и общественной ответственности. Ребята сознают себя хозяевами, озабоченно и разумно устраивая свою жизнь, конечно, под руководством единого педагогического коллектива. Солиден размах культурной и трудовой деятельности: детский дом имеет свою мясомолочную ферму, выращивает на 250 га хлеб, имеет свой клуб. Коллектив не знает угрожающего застоя, он всё время в творческом и трудовом движении.

Классический пример коллективов высокой степени совершенства — колония им. М. Горького и коммуна им. Ф. Дзержинского, как бы отсвечивавшие духовным величием своих шефов. Там становились материальной силой такие понятия, как тон, стиль, эстетика активной дисциплины. Как создать настоящий, хороший, живой коллектив? Прежде всего необходимо отрешиться от мысли, что может помочь случайный набор патентованных средств. Такой-то уединённый метод хорош, такой-то плох во всех моментах жизни — это не диалектический, это метафизический подход к делу. Пожалуй, наиболее подходящим и точным по смыслу был бы совет настроиться на создание коллектива.

Коллектив создаётся и растёт в движении к цели. «Если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способы его организации. Перед каждым коллективом должна быть поставлена общая цель, не перед отдельным классом, а обязательно перед целой школой. Какова же эта цель?»

Ответ у «теоретиков» готов: высокая успеваемость и дисциплина. Ну-ка, попробуйте воодушевить такой чрезвычайно живой и интересной задачей группу ребят? Трудно, а часто и невозможно. Как правило, добиться разрешения этой, действительно очень важной проблемы, можно в коллективе, уже сложившемся на какой-то другой заботе.

Есть и другие предложения — спланировать ребят с помощью разного рода мероприятий: утренников, походов, экскурсий, диспутов и т. д. Подготовка к ним служит хорошей перспективной линией стремления к завтрашней радости, без которой человеку скучно живётся. Но ведь рабочие будни — фундамент жизни. Не прерывистый позыв к развлечениям и словопрениям, а постоянная трудовая забота являются нормальным основанием коллектива.

А.С. Макаренко ставил целью коллектива организацию своего развивающегося хозяйства — сельского или промышленного.

«...Я сейчас могу отбросить другие положения и считать, пожалуй, их негативными положениями трудового воспитания. Это такие положения, когда нет производства, когда нет коллективного труда, а когда есть отдельные усилия, т. е. трудовой процесс, имеющий целью якобы трудовое воспитание» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 189).

Не «труд-работа», а «труд-забота» обладал, по мнению Макаренко, воспитательным влиянием. «...Процесс обучения в школе и производство продукции крепко определяют личность потому, что они уничтожают ту грань, которая лежит между физическим и умственным трудом».

Бытует убеждение, что полезнее всего для ребёнка самому сделать какую-нибудь вещь (плохой стул, к примеру) и представить её на выставку. Тут приобретаются «навыки» и воспитывается «любовь к труду». Производство же продукции неблагородно, квалифицируется как слишком узкий практицизм и скука. Помилуйте заставлять ребёнка делать всё время одну ножку к стулу, да он умрёт от однообразия и тоски! Но мальчик, сотворяющий плохой стул, прекрасно понимает, что он только портит материал, что на его стуле никто сидеть не будет, что на фабриках производят стулья не кустарным способом, и в общем, этот труд (понарошку) — игрушечный, и стараться особенно не будет.

В производстве же, пусть самом нехитром, есть общая серьёзная задача — контроль за качеством (если плохо сделал ножку, стул выйдет колченогим). Следовательно, возникает придающее самому неинтересному труду благородный характер чувство коллективной ответственности, что важнее всяких ступеней.

В развитом производстве, каким было производство ФЭДов в коммуне им. Дзержинского, ребята получали несколько производственных специальностей высокой квалификации, руководили участками и цехами, могли найти себе занятие по вкусу в любом месте завода и в конструкторском бюро. В последствии токарь и лекальщик кончали юридический или медицинский вузы.

Система Макаренко не искусственное, умозрительное построение, а организация детской жизни в формах самой жизни, тренировка к взрослой организации. Богатая инструментовка упражнений в хозяйствовании, постоянный общий интерес, рождающий крепкую спайку, видимый рост благосостояния и такой же осязаемый расцвет личности, успевающей овладеть несколькими специальностями, плюс образование, культура, эстетика — всё это давало искомый нравственный опыт, определяющий поведение человека и в будущем. А вот пример из нынешней педагогической практики. В одной из московских школ не удавалось скрепить разладившуюся дисциплину, кривая успеваемости была хронически низкой. По договоренности с заводом-шефом в учебном заведении был создан малый завод-спутник, поставляющий детали для большого производства. Появились все атрибуты производственного процесса: строгий план, борьба за качество, производственные бригады и комитет управления. В скором времени облик школы стал меняться, как по волшебству. Возник чёткий трудовой ритм постоянного наполнения, дружный тон, гордость своим коллективом. Ребята, одухотворённые большой целью, работали не за страх, а за совесть, держались с достоинством и уверенно.

На общем собрании денежные накопления от выпуска продукции было решено использовать для школьных нужд, летних походов, материальной помощи младшим и плохо обеспеченным ученикам, вплоть до организации рабочего места на дому. С ленивцами, двоечниками и шалунами разговаривали просто: предупреждаем, снимем с работы. Это действовало сильнее всех угроз. Процент успеваемости подскочил вверх, дисциплина стала прочной. Учителя наслаждались: от них требовалась не нервная энергия, а целиком духовная отдача. Это пример удачного педагогического эксперимента.

Очень важный момент. Выбор завода электроинструментов в коммуне им. Дзержинского был подсказан интересами развития собственной индустрии в молодой Советской республике. Так же и школа, описанная выше, включилась вместе с заводом-шефом в борьбу всей страны за технический прогресс.

Цепь взаимозависимостей в борьбе ребят за новое в самих себе, в своём коллективе и во вне его нерасторжимо, считает А.С. Макаренко. Вершина этой борьбы в его работе — взятие Куряжа. 120 вчерашних беспризорников и правонарушителей штурмовали духовную и бытовую одичалость в четыре раза превосходящей их по количеству массы беспризорников сегодняшних. Какое упражнение в воле, мужестве, целеустремлённости может быть более действи-

тельным? Какая связь интересов коллектива с интересами общества в целом более кровной и человеческой?

Антон Семёнович придавал большое значение устройству межколлективных связей. У колонии и коммуны всегда были шефы, масса друзей и гостей. Ребята ходили на экскурсии в другие предприятия, посещение их входило в план каждого марша по стране. И всё-таки первичной заботой Макаренко было создание целостного коллектива. Сизифовым трудом было бы распыление усилий в необъятном житейском море дел. Ведь практически трудовая жизнь человека проходит, прежде всего, в контактном объединении с другими людьми, в производственном коллективе.

Интересы правильно организованного коллектива гармонично сливаются с интересами правильно организованного общества, так же, как не противоречат они интересам личности. В случае конфликта безусловно предпочтение организации более высокой. И потом человеческая личность, ребёнка особенно, в своём развитии проходит разные стадии. Некоторые этапы нельзя перепрыгнуть, их надо пройти. Конкретный характер социальным перспективам придаёт постепенное их расширение через коллективные до перспектив государства.

Процесс выкристаллизовывания нестройной массы в коллектив начинается почти всегда со взрыва. Он превращает накопления старых дурных привычек в груды обломков и очищает место для наращивания новых разумных привычек. Взрыв одновременно есть требование к ребятам и выражает уважение к их силам и возможностям. «Не может быть, конечно, ни создан коллектив, ни создана дисциплина коллектива, если не будет требований к личности. Я являюсь сторонником требования последовательного, крайнего, определённого, без поправок и без смягчений», — так писал А.С. Макаренко.

Педагогический взрыв может быть разным по качеству. Как-то у Антона Семёновича спросили: «С чего бы вы начали работу в школе?» Он ответил: «С хорошего общего собрания, на котором от души сказал бы детям: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, в-третьих, сказал бы им, что у них будет через два года». Это был бы, конечно, «тихий» но глубокий по содержанию взрыв.

Начальная стадия деятельности воспитателя среди педагогически запущенных ребят требует взрывчатого заряда большой эмоциональной силы. Нужны творческий подход, риск, ухватка и, если хотите, игра. Трафареты, повторения нетерпимы, но сделать вывод из опыта можно.

Бывают разные виды начальных этапов организации коллектива, история деятельности А.С. Макаренко показывает это.

1920 год. По мере постепенного поступления первых воспитанников, в самоотверженной борьбе за каждую человеческую личность, большой и грамотной педагогической заботой, взрывами справедливого педагогического гнева, человеческой радостью побед, протестующим страданием происходит процесс становления, рождения и воспитания коллектива будущих горьковцев. Создаётся нового типа детское, собственно подростковое, учреждение: новые социально-политические идеи — его основа.

Здесь происходит прямое действие воспитателя — «диктатора», покорение воли и сознания отдельных лиц и целенаправленное сплочение их вокруг неожиданно новых передовых политических и экономических идей, а также предметно-ощутимых интересов перво жителей колонии.

Это один из видов объединения в коллектив, постепенный и уверенный. Тут можно сплотить ядро единомышленников, которое способно распространять своё организующее влияние на вновь поступающих, лучше одиночек. Ядро находилось в постоянной педагогической атаке требовательного наставника.

1926 год. Четыреста подростков в Куряже пребывают в состоянии морального распада. И вот в колонии появляются сто двадцать подростков, как будто из другого мира, людей, эстетически дисциплинированных. Они знают, во имя чего пришли, они исполняют общественный подвиг. Горьковцы являли собой лучший пример активного коллектива, к которому в порядке требования и организованного размещения по отрядам и устремились отдельные личности куряжан. В этом случае переход к состоянию организованного коллектива произошёл под воздействием внешних сил — уже скомпонованного другого коллектива.

1927 год. Из состава коллектива колонии им.М. Горького на общем собрании были выделены пятьдесят лучших горьковцев в коммуну им.Ф. Дзержинского. Самым простым путём «отпочкования» и образовалась коммуна, а пополнение шло постепенно, в одиночку и группами.

В практике автора этих строк чаще всего встречалась прямая атака воспитателя на группу педагогически запущенных подростков. В 1931 г. в школе-колонии для трудновоспитуемых подростков в Ленинградской области переворот в отношении ребят к новому директору произошёл после усмирения быка, специально выпущенного на него для «проверки». Ещё раньше, в Одесской колонии, удалось утихомирить разбушевавшихся ребят широким к ним доверием: была снята всякая охрана, и воспитатель остался один на один с толпой.

В 1956 г. было тяжёлое положение в Клемёновском детском доме Московской области. Обилие хулиганствующих подростков, грубость ребят приводили воспитателей в полную растерянность. После завершения акта приёма детдома был создан педагогический совет, где обсуждался план реорганизации. На общем собрании директор сказал твёрдо и прямо: жить такой оскорбительной для вашего человеческого достоинства жизнью дальше нельзя и так жить мы не будем. Я буду решительно беспощаден в борьбе за новую счастливую жизнь и верю, что рядом со мною станут смелые ребята, способные с улыбкой на лице пережить некоторые лишения и трудности в предстоящей борьбе.

Уже с этого собрания мы разойдёмся организованными по отрядам, а все командиры отрядов в своём составе и будут являть собою исполнительный орган — Совет командиров. Пусть же наш Совет поведёт борьбу за то, чтобы мы построили центральное отопление в корпусе, сделали пристройку для новых спален, провели водопровод, добились бы выделения детскому дому земельного участка для подсобного хозяйства, чтобы для наших будущих походов по стране приобрели автобус, чтобы заняли первые места в областных спартакиадах воспитанников детских домов по лёгкой атлетике и по шахматам, построили ста-

дион и заложили сад. Задачи большие, трудные и, конечно, придётся попотеть — попотеть можно, а пицать нельзя. Пошла повседневная работа по двум взаимосвязанным каналам-признакам: «коллективное самовоспитание» по организационным формам и передача духовных, этических импульсов воспитанникам.

Через три года все поставленные задачи были выполнены. Круг обязанностей полномочных органов коллектива должен быть строго конкретно очерчен. Нет ничего более вредного, чем существование органов недействующих: детского совета, который никем не руководит, а умеет лишь скучно и торжественно заседать, или устраивать такие же скучные мероприятия; санкомиссии или хозкомиссии, члены которых и не вспоминают о своих обязанностях. Атрофирующийся орган лучше ликвидировать совсем, чем дискредитировать бездеятельностью само понятие коллективного руководства.

С командира отряда спрашивается за состояние спальни и классной комнаты, он распределяет ребят на работу, следит за выполнением ими своих обязанностей. Без наблюдения командира не может производиться даже смена белья в отряде. Командир отряда — организатор жизни группы своих товарищей и уполномочен представлять их интересы в органах коллектива, он же выражает требования этих органов отряду. Он не может забыть или нерадиво выполнять свои обязанности, потому что это сразу ударило бы по интересам ребят, сбило бы наладку общей жизни и вызвало протест коллектива. Иногда отряд ставит вопрос о замене командира по одной причине: неинициативный.

Совет командиров управляет жизнью детского учреждения. В него, кроме командиров, входят председатели комиссий (санитарной, хозяйственной, пищевой, культурной, спортивной), главный редактор стенной газеты, заведующий учебной частью, старший пионервожатый, председатель совета дружины и директор. Руководит работой Совета командиров выбранный председатель СК, а секретарь ведёт документацию.

Совет командиров тренируется в управлении. Поначалу руководить ребята не умеют. Педагоги, старшие товарищи умелой постановкой вопроса, советом, предложением стараются вызвать в ребятах активность, направить на верное решение. На одном, например, выясняется конкретный деловой вопрос: оставлять ли на зиму порослят в подсобном хозяйстве или нет. Директор считает, что не нужно. Посовещавшись, постановили: парочку на ремонт молодняка всё же оставить. По-хозяйски решили. В другой раз обсуждался маршрут летнего похода. Педагоги предлагали послать три группы, победившие в соревновании, в Крым, в Ленинград и в Горький. Скрестили мнения и обнаружили, что в этом случае коллектив не справится с летними работами в подсобном хозяйстве. Решено было отложить поездку в Ленинград и в Горький на зиму.

Был случай, когда ребята загорелись энтузиазмом вырыть лопатами траншею трёхметровой глубины для труб водопровода. Педагоги удержали ребят, вызвали экскаватор.

Деятельность органов руководства должна быть направлена к тому, чтобы принимать на себя всё более ответственный груз организаторских обязанностей с тем, чтобы ребята могли обходиться без ежеминутной воспитательной опеки.

Ни с чем несравнима роль общего собрания в коллективе. Его тоже надо воспитывать с тем, чтобы мнение собрания всех членов коллектива стало верховным судьёй в трудных жизненных задачах. Это тренировка всех в руководстве, в овладении силой коллектива. Выносятся на обсуждение вопросы всё более усложняющиеся, но обязательно конкретные, затрагивающие либо коллективную пользу, либо защиту интересов коллектива. Исключение из коллектива, тяжёлые проступки, сомнительные случаи, к примеру, взять ли в Клемёновский детдом воспитанником Николая И., совершившего уголовное преступление, и если взять, то какой отряд возьмёт его на поруки, не должны проходить мимо внимания ребят.

В коммуне им. Ф. Дзержинского общие собрания проводились ежедневно. Взрослые и сильные люди бледнели, когда им приходилось выходить «на середину» и «отдуваться» за свои проступки, давать объяснения «как и что». Решения собрания, так же как и решения Совета командиров, ни воспитателями, ни директором отмене не подлежали. Спорные вопросы выносились на обсуждение общего собрания. Гарантией правильности заключений коллективных органов было влияние сильного ядра единомышленников заведующего коммуной, его актива.

«Сила общественного мнения в детском коллективе — совершенно материальный, реально осязаемый фактор воспитания» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 378).

Когда в коллективе нет единства, когда воспитатели только руководят, а ученики только подчиняются, ещё хуже того, поворачиваются спиной к педагогам, в тайне творя какие-нибудь некрасивые дела, первым делом надо добиться общего доверия и ликвидации опасного разрыва. А. С. Макаренко подчёркивал:

«Коллектив учителей и коллектив детей — это не два коллектива, а один коллектив, и, кроме того, коллектив педагогический» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 230).

В колонии им. М. Горького (в коммуне им. Дзержинского воспитателей не было) воспитатели жили, работали вместе с воспитанниками, никогда не принимая тона прямого администрирования, а влияли на ребят авторитетом культуры, ума, ответственности за порученное дело. Было даже звание «колонист» для лучших воспитанников и воспитателей. Это создавало единый дружный тон, не было пропасти между ребятами и взрослыми.

Чёткий ритм постоянного наполнения определяет эффективность органов самоуправления, а не работает в форме приливов и отливов. В частности, ежедневно в Клемёновском детском доме дежурит так называемая коллегия в составе воспитателя, командира отряда, членов санитарной и пищевой комиссий. Дежурная коллегия «ведёт день» и отвечает за точность всего распорядка дня, наблюдает за чистотой, организует работу дневного наряда по самообслуживанию, присутствует при получении продуктов со склада на следующий день, контролирует расход продуктов на кухне. Подъём, зарядка, туалет, уборка помещений, питание, подготовка уроков уже не требуют присутствия всех или значительной части воспитателей. Дежурный воспитатель — это оперативный директор детского дома.

Полезны для ребят такие общественные привычки, как утренний санитарный обход и общие или командирские рапорта.

Само собой разумеется, что нормальная деятельность органов самоуправления и вообще вся жизнь воспитательного учреждения не могут протекать без процесса дисциплинирования. Задача заключается в том, чтобы «каждый ученик был убеждён, что дисциплина является формой для наилучшего достижения цели коллектива» и поступал соответствующим образом. Значит, ему должен быть разъяснён теоретический смысл красивой дисциплины. Но необходимо и неукоснительное, последовательное требование, и принуждение.

Вот пример стройной сознательной дисциплины: идут коммунары великолепным строем, все любят. Дана команда— стой. Разойдись! Через два часа всем быть на том месте, где будет находиться знаменная группа!

В назначенное время колонна в сборе и если бы не было такой дисциплины, всем пришлось бы томиться два часа на месте, а воспитателям «пасти» ребят.

В первом периоде становления коллектива воспитатели, как правило, работают по десять-двенадцать часов и неделями не пользуются выходными днями. Когда коллектив организационно определяется, воспитатели работают меньше, но ещё с перенапряжением; когда коллектив уже определился лучшими нравственными признаками, а дисциплина имеет уже и явные эстетические признаки — воспитатель излучает душевную без всякого мускульного напряжения энергию. И не временем уже измеряется его пребывание в коллективе, а качеством и рабочим наслаждением.

Всё, о чём говорилось выше, вся эта терминология: «командиры», «рапорта», «обход», «дежурная коллегия», «отряд» и т. д. есть не что иное, как педагогическая инструментовка в руках воспитателя и директора детского учреждения, как главного и самого ответственного тренера и организатора коллектива.

Как бы ни были сложны или просты организационные формы, как бы ни были просты или сложны взаимоотношения членов коллектива и его органов, суть вопроса в постоянных и напряжённых упражнениях в руководстве коллективом, в сообщении ему новых форм, интересов и перспектив, ощущений и переживаний.

Думается, что об этических принципах построения коллектива надо говорить особо, хотя они, конечно, тесно связаны с организационно-хозяйственными. И те и другие являются мотивом воспитательных учреждений. Если есть желание придать коллективу какие-то качества, то самому нужно обладать ими. Сила примера велика.

«Пригнать» ребят на работу, распорядиться и стоять в позе надзирателя, или, в лучшем случае, уйти в кабинет — это одно, а самому поработать наравне с ними — совсем другое дело.

Чувствовать себя действительными членами детского коллектива, искренне переживать его радости и боли, стараться быть образцом в честном отправлении служебных и внеслужебных обязанностей, сколотить из воспитателей крепкий коллектив единомышленников с общими требованиями к ребятам —

вот предпосылки успешной работы организаторов коллектива. Но не стоит пугаться собственных слабостей и перечислять по пальцам недостатки (какой из меня воспитатель?!). Нельзя впадать и в другую крайность, исчерпывающуюся понятием «море по колено». Трезвая самооценка, трудолюбие, принципиальность, оптимизм и всепроникающая уверенность в необходимости создания коллектива служат порукой победы. Мастерство придёт. Можно оставить открытыми вопросы о призвании и любви к детям. Первый потому, что, наверное, в педагогику идут люди, имеющие к ней склонность. Хотя сам Макаренко попал в учителя почти случайно и не считал себя талантливым педагогом. Он был большим человеком и захотел стать и стал мастером своего дела. Да и нацеливаться только на талант в массовом воспитании мы не можем. Расплывчатому понятию «любви к детям» лучше предпочесть уважение и доверие к маленькому человеку. Настоящая забота — требовательная.

И ясно, что в деле создания коллектива недопустимы фальшь и демагогия. Или есть действительное стремление коллектива, или его нет. Разглагольствование или моральная проповедь, не подкреплённая трудом по созданию нравственного опыта, по созданию коллектива, приводят к очень печальным последствиям. Иногда ребёнок, принявший их за чистую монету, становится одиночкой, отчаянно идущим против течения, или жалобщиком, ябедником. Ребёнок, воспринявший моральные принципы умом, но поступающий соответственно негласным законам круговой поруки, интеллектуально развращен.

Ещё вопрос не менее острый. О самостоятельности коллектива. «Я связан по рукам и ногам путами опеки,— жалуется директор школы-интерната,— шлют сотнями инструкции и методические указания. Чуть ли не каждый день комиссии и отчёты. Если мне до такой степени не доверяют, пусть не назначают». Это ещё бытующее недоверие и какая-то педагогическая «водобоязнь», выдаваемая за любовь и заботу о детях, вызывает у воспитателя скованность и неуверенность в своих силах. Мы хотим, чтобы наши ребята были закалёнными, смелыми — прекрасно! Но попробуйте сделать в детском доме или в школе «опасные» качели, или послать старших ребят в Финском заливе вылавливать брёвна—заноют. Не ребята, конечно, а классные дамы: «опасно, ради бога никакого риска!.. «А если рядом пожар? В порядке человеческой взаимопомощи в беде люди бегут, в борьбе со стихией рискуют жизнью. А как поступить воспитателю, сдерживать ребят (старших) — пусть пассивно глазят на чужую беду? Ясно, что и воспитатель, и ребята должны быть там, где нуждаются в их помощи. Ведь нет иного способа закалки, кроме закалки. Результатом бесконечно уступчивых нерискованных действий может быть только равнодушие, полная житейская неприспособленность, обретение полнейшего краха при первом же резком ударе.

Надо разработать теоретически вопрос о педагогическом риске, но не замалчивать его. Есть какой-то риск и в доверии (а вдруг обманет?), и в требовании (а вдруг личность «запищит» и побежит вешаться?). Но если действовать по принципу, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, то может получиться такая психически разболтанная и никчёмная личность, что в самом деле на неё в

критические моменты жизни положиться будет нельзя. Действительно, и обмен, и побежит вешаться.

Мера справедливого требования и доверия не безгранична (всё-таки речь идёт о подготовке к будущей взрослой самостоятельности), но должна постоянно расти. На строительстве дома в Клемёново ребята производили закладку фундамента и кирпичную кладку под руководством специалиста, в дальнейшем работали совершенно самостоятельно. Отвечал за работу командир, и даже проверки не требовалось.

Никогда не надо детализировать задание, назойливо напоминать о каждой мелочи, лучше дать простор инициативе и воображению. Пусть они чувствуют себя не подручными педагогов, а хозяевами положения. Это замечательное ощущение, и заботливо возвращённое оно способно творить чудеса.

В колонии им. М. Горького Антон Семёнович, как он сам признаётся, был во многом диктатором, но всё его «диктаторство» было направлено к тому, чтобы приучить ребят к самостоятельности. Потом коллектив так разогнал, что постанавливал, к примеру: «Антон Семёнович, вы имеете совершенно справедливее право накладывать взыскание, но не имеете права прощать». Однажды в совершенно исключительном случае Антона Семёновича лишили слова на общем собрании. И педагог подчинился, что только подняло его авторитет ещё выше в глазах коммунаров. Иногда он устраивал специальные упражнения в самостоятельности решения совета командиров: все хотели пойти в поход в Крым, Антон Семёнович стоял за Ленинград, хотя сам был тоже за Крым. Ребята были довольны, когда их вариант был принят на общем собрании.

Проблема самостоятельности неразделима с проблемой ответственности. Вот после отбоя приходит к директору детского дома командир восьмого отряда и просит разрешения для отряда начистить к завтрашнему дню картошки. «Почему не выполнили задание раньше?» — спрашиваю. Командир мнётся: «Не успели...» — «Нет. После отбоя полагается спать». Председатель Совета командиров поддержал директора: «Будем есть на завтрак огурцы, сельддку, хлеб, кофе». На следующее утро после завтрака ребята благодарили отряд с нескрываемой иронией: «Спасибо, восьмой, за вкусную картошку». Те готовы были от стыда провалиться сквозь землю. С тех пор все командиры ещё накануне узнавали о наряде.

Так начинается чувство ответственности перед коллективом.

При каждодневной требовательной заботе первоначальные формы вырастают до больших понятий гражданской совести, до ощущения исторической ответственности за себя и за общество перед самим собой и перед будущим.

Человек, привыкший отвечать за порученное дело, за содеянное им, не растеряет на дороге обыденности моральные ценности, даже если результат его действий отделён временем от самого поступка. Совесть у него скребётся на дне души пугливым мышонком, а говорит в полный голос.

Командиры в коллективе обладают большой властью. Их приказание должны выполняться беспрекословно. В коммуне им. Дзержинского была традиция: рапорт дежурного командира не проверяется. Если он и ошибся, не

вступай в спор, проглоти обиду. Иначе будет сплошное препирательство и никакой точности в работе.

У некоторых такое полномочие вызывает сомнение. Но вся суть в том, что никто не переводил группу ребят на положение касты командиров, ибо это было бы гибельным... Мы втягиваем всех в работу организаторскую, и касты командиров появиться не может. Если взять командира коммуны им. Дзержинского, то увидите, что командиры имеют максимальный командирский стаж три месяца, т. е. один командир уступает своё место другому. Причём, я могу доказать, что с командирством не связаны никакие привилегии, и каждого командира может заменить в любую минуту другой. Бывало даже так, что на советах командиров, где мог присутствовать каждый желающий, голосовали не командиры, а любой представитель отряда. Твёрдый актив был, но он всегда сохранял тенденцию втянуть в себя всю массу.

Особую гибкость системе управления придавали сводные отряды по самообслуживанию и хозяйственным работам. Жизнь такого отряда измерялась временем выполненной работы, но само существование сводотрядов значило буквально поголовное участие в командирстве всех воспитанников. Общественная значимость тренировки в управлении неоценима.

Мало того, что командир не пользуется никакими привилегиями (только дежурный командир освобождался от обычных своих обязанностей), функции рабочего и организатора у него неделимы, но и спрос с руководителей особый.

В Клемёновском детском доме кроме первичных отрядов есть ещё и группы, объединяющие несколько разновозрастных отрядов мальчиков и девочек. Придуман этот институт для более широкого упражнения детей в организаторской и общественной деятельности. Командиры отрядов и групп всегда стараются лучше других выполнить свою работу, потому что выступают с требованиями к воспитанникам. Если есть срочная и трудная работа, даже ночью будут командиры, и они выполняют её.

Или такая интересная психология. Судят на общем собрании в коммуне новенького за воровство. И вдруг Алёша по прозвищу Робеспьер (он за любой проступок предлагал выгнать из коммуны) говорит: «Чего его наказывать? Он ещё сырой, он ещё два раза украдёт и больше не будет». Так и вышло. А если командир опоздал на две минуты на совет командиров, ему дают два наряда (два часа работы). «Вопрос о наказании решается по-новому, потому что по-новому решается вопрос об ответственности. Тут ты сырой, у тебя нет социального опыта, а здесь ты командир, тебя 27 коммунаров ждали две минуты, ты сознательно нарушил интересы коллектива, которые коллектив поручил тебе охранять — ты будешь наказан», — объясняет А.С. Макаренко.

В постоянной смене руководства и подчинения, в требовательном уважении друг другу вырабатывается стиль мажорный, точный, дисциплина преодоления, борьбы, тон равенства и истинной гуманности. «Человека надо не лепить, а ковать» — таков был девиз коммунаров-дзержинцев.

Некоторые педагоги до сих пор «пожимают плечами»: не переборщил ли Макаренко, безусловно опираясь на коллектив? Ведь в конечном счёте нам надо воспитать личность.

Коллектив не цель, а всего лишь средство. Тут кроется хитрая диалектика. Для организатора воспитательного процесса коллектив и цель, особенно на первой стадии его развития, и средство на втором этапе. Для самих же участников воспитательного процесса, т. е. для ребят, он должен выступать, как цель.

«Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Я исходил из тех соображений, что человек 12-15 лет живёт, он живёт, наслаждается жизнью, получает какую-то радость жизни, у него есть какие-то жизненные впечатления.

Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек и убеждать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 166).

Макаренко считал, что лучший способ прикосновения к личности — через первичный коллектив. Инструментовка его достаточно разнообразна, некоторые приёмы стоит показать.

Кто-то написал девочке в тетрадке обидные слова. Директор вызывает командира группы: «Выясните, кто это сделал». Командир выясняет. Грубияну велено написать извинительное письмо всем девочкам.

Один мальчик за найденную им авторучку товарища вымогал у него деньги. Немедленно собирается группа вместе с педагогом, идёт откровенный и взволнованный разговор о чести и честности. Вымогатель сначала держится вызывающе, потом лицо покрывается красными пятнами, он низко опускает голову.

Девочка не возвратилась вовремя в детдом из отпуска на летние каникулы. Совет командиров постановляет: «Ввиду того, что Надя Н. не уважает порядков коллектива, поручить второму отряду разъяснить ей значение дисциплины. Отряд на зимние каникулы оставить без отпуска». Потом девочка ходила и умоляла, чтобы её наказали как угодно, только пусть не расплачиваются товарищи. С того времени ребята возвращаются из отпуска точно в срок.

Очень хорошо использовалось в коммуне «авансирование» личности через отряд. Коллектив занял первое место в соревновании за неделю. Он награждается походом в театр. В отряде есть один лентяй, он тоже идёт, но чувствует себя неловко: понимает, что не заслужил. Затем старается подтянуться.

Воздействие «личности» живого и сложного социального организма, высокоразвитого коллектива на человеческую личность разносторонне и эффективно, хотя, конечно, не исключается и прямое воздействие воспитателя.

Получается любопытная картина: над ребятами фактически нет довлеющей, «специально воспитывающей» силы, они обтёсываются в общем движении, стираются индивидуалистические (не индивидуальные, а именно индивидуалистические) замашки. Найдена мера свободы и дисциплины — получается истинный коллективизм и расцвет всех возможностей личности.

Поистине, личность, являющаяся лишь объектом воспитания, часто страдает пассивностью, вялостью, стёртостью душевных нарезок. Личность, выступающая в роли и субъекта воспитания, разворачивается свободней: она ярче, определённое, самостоятельней. Даже знания усваиваются не в пример быстрее

и легче, и подход к предмету изучения активный, творческий. Особый нажим не требуется, а если и нужен, на выручку и тут приходит сильно действующий коллективный нажим.

У Макаренко в коммуне, где точность и быстрота были законом жизни, самообслуживание занимало полчаса, ребята учились в полной десятилетке, работали по 4 часа в день на заводе ФЕДов, были первоклассными спортсменами, любителями искусства и отдыхали превосходно.

Благовоспитанность, принципиальность, честность, мужество, организаторское умение в работе вырабатываются в общем порядке. Зато педагогу остаётся время для индивидуальной ювелирной обработки личности, для более глубокого проникновения в её сущность. Воспитатель может сделать открытие, сделанное в своё время Антоном Семёновичем, что «...наиболее опасным элементом в моей работе является не тот, который обращает на себя внимание, а тот, кто от меня прячется». Не пройдут мимо его внимания и такие распространённые типы характеров, как «тихони», «иисусики», накопители, приспособленцы, шляпы, разини, кокеты, приживалы, мизантропы, мечтатели, зубрилы... Именно эти характеры вырастают в людей вредоносных, а вовсе не шалуны и дезорганизаторы.

Стоит, например, подумать о таких тонкостях, как определённые грани активности и торможения в индивидуальности (почему дети обязательно должны кричать и бегать по школе, надо научить их сдерживать себя, внушить привычку к действию целесообразному), шлифовка деталей тона и стиля в коллективе (атрибуты, традиции, игра), выработка ориентировки (связные ищут кого-то по поручению).

Хороши специальные упражнения на подавление в личности линии наименьшего сопротивления (смотрят любимую кинокартину, вдруг срочный вызов). Так закрепляются индивидуальные качества и достигается идеальное: рождение безошибочной интуиции в личности, умения самостоятельно и точно ориентироваться, найти выход, быстрое решение. Тогда педагог уверен в результативности своей работы. При этих условиях твёрдо обозначается цель воспитательной работы не в том, чтобы привести в порядок двух-трёх воров и хулиганов, а положительная цель в том, чтобы воспитать определённый тип граждан, выпустить трудовой, активный жизненный характер.

Интересы коллектива и личности обычно гармоничны. Но если личность всё-таки выпадает из общего движения, может ли она попасть при развёрнутом требовании коллектива в тяжёлое катастрофическое положение и гуманность обернуться антигуманностью? Тем более при отсутствии коллективного движения искусственным было бы выделение и суровые требования к одинокой индивидуальности. Этот вопрос требует чрезвычайно осторожного подхода. Самые суровые наказания в колонии и в коммуне накладывались за проступки отвратительные: бойкот Ужикова из-за кражи им стипендии у рабфаковцев, изгнание из коммуны Иванова за цинизм в коллективе (украл радиоприёмник и ещё высказывал предположение, кто бы это мог сделать) — тот единственный случай, когда Антона Семёновича, выступавшего в защиту Иванова, лишили слова. Коллектив был совершенно прав, отстаивая свою чистоту и твёрдость.

Для виновных наказание послужило хорошей встряской, перевернувшей всю их натуру, комом на всю жизнь.

Однако наказание не было физически беспощадным. В коммуне считалось неприличным, если после наложенного взыскания человеку напоминали о его проступке. Никакого учёта прошлых грехов не велось. Больше того, сама форма наказания менялась, становилась символической. Арест коммунара означал, что он сам выбирал время и сидел в кабинете Антона Семёновича, разговаривал с ним, читал книги. Но сила общественного мнения была такова, что человек сильно переживал наказание.

1962 г.

НАКАЗАНИЕ ... ПОЦЕЛУЕМ

Обращаясь к нам, учителям, Антон Семёнович Макаренко говорил, что мы не имеем морального права делать бракованных людей. Чтобы не допускать брака, только одними угрозами, сомнительными выговорами по школе, которые никакого впечатления не производят, ничего не добьёшься. Нужны эффективные педагогические меры, особенно, когда дело касается наказания. Антон Семёнович наказывал строго, но наказывал и шуткой. Это была всегда неожиданная выдумка.

Вспоминается такая история. У нас ребята страдали склонностью к частым дракам. Драки принимали угрожающие размеры. Антон Семёнович покончил с ними быстро, остроумно и красиво.

Как-то наш воспитанник, 19-летний Вася Галатенко, пахал в поле с воспитанником Приходько. Галатенко водил лошадей за поводья, Приходько ходил за плугом. Кони были так же голодны, как и пахари, и хватали из-под ног траву на рабочем ходу. Вася дёргал, дёргал за повод, надоело ему это упражнение, и он обратился к коню с таким предупреждением: «Рыжий, не хватай! Если ты ещё разхватишь, так я тебя так хвачу, что со всех четырёх конских ног и упадёшь!» До коня его слова не дошли, и он продолжал хватать. И Вася его так толкнул, что конь встал на передние колени. В защиту Рыжего вышел из борозды Приходько и огрел Васю по его широкой спине палкой, которой чистил плуг от налипшей земли. Вася развернулся... Словом, началось то самое. Откуда ни возьмись — Калина Иванович, завхоз. Он поглядел на эту гимнастику и изрёк: «Ей-богу, дерутся, паразиты! Как же вам не стыдно заниматься таким безобразием в присутствии скотины? Идите сейчас же к Антону Семёновичу!» И они пошли. Встали у порога.

- В чём дело? Вы, кажется, должны пахать?
- Мы пахали, а Калина Иванович послал к вам.
- Зачем?
- Сказал, что мы дрались.
- Но вы же не дрались?
- Ну, да, Антон Семёнович, не дрались.

— Семён, позови мне Калину Ивановича. Я его поставлю на место. Это безобразие — срывать людей с работы, наговаривать на них!

— Не надо звать Калину Ивановича, сказал Приходько.

— Почему?

— Да было дело...

— Какое?

— Понадавали мы друг другу...

— Значит, было... Эх, вы! Кто вы такие? Кто? .

— Колонисты...

— Нет, не колонисты.

— Ну, он — Васька, я — Ванька...

— Нет. Кто на самом деле?

Тут мы уже ничего не понимали.

— Раз мы пахали, так мы — пахари,— догадался Приходько.

— Вы живёте под одной крышей, сидите за одним столом и один кусок хлеба едите. Кто же вы?

— Братья,— подсказал кто-то из колонистов.

— Антон Семёнович, мы — братья.

— А как братья должны жить?

— Уважать друг друга, любить. Ну мы...

— Что вы?

— Мы любим друг друга.

— Вот это хорошо. По-настоящему любите?

— Да, конечно. Васька, правда?

— Честное слово, я тебя, Ванька, люблю.

— Тогда целуйтесь и уходите.

— Антон Семёнович! Накажите как-нибудь иначе...

— Как? Братский поцелуй — это наказание? Если я вечером поцелую любимую маму — это разве наказание? Любимую девушку поцеловать — наказание?

— Да нет... Конечно, не наказание.

— Целуйтесь, иначе я вас начну целовать.

Галатенко первым развернулся и вlepил в правое ухо Приходько поцелуй. А у него было чем целовать: губы такие мясистые, похожие на вывернутые детские галоши. Приходько ответил хладным поцелуем. А мы хохочем.

— Теперь, братья, идите.

После этого, как только кто-нибудь хватал другого за грудки, третий ехидно говорил: «Наверно, целоваться захотели!» И их, как ветром, разбрасывало.

Месяц через полтора Калина Иванович зашёл к Антону Семёновичу и сказал:

— Ты бы пожалел их, паразитов. Ходят они какие-то скучные. То, бывало, понабивают друг другу морды, поразвлекаются...

Антон Семёнович собрал нас и... разрешил нам драться.

— В колонии неудобно, учреждение всё-таки,— сказал он.— Я облюбовал местечко... Дикое место, в северо-западном направлении, вёрстах в пятнадцати от колонии. Как кому захочется драться, скажите воспитателю. Вам разрешат и идите, пожалуйста, деритесь.

Но никто ни разу этим разрешением не воспользовался.

Спокойно стало.

1970 г.

ПОДУШКА

Как-то в погожее октябрьское утро 1922 г. меня вызвал к себе Антон Семёнович и предложил:

— Собирайся, Семён, поедешь в банк.

— Есть! — отсалютовал я и поспешил из кабинета.

Переодеваясь во всё возможно лучшее, натягивая чьи-то сапоги, я как бы расшифровывал всю многосложность лаконического задания Антона Семёновича. Он никогда не баловал нас многословной детализацией задания, не давил нашей способности мыслить и принимать решения, как удачнее выполнить поручение. Мои сборы были предельно краткими, и уже через десять минут осёдланная Мери стояла у крыльца.

— Я готов, Антон Семёнович,— доложил я, войдя в кабинет.

Антон Семёнович заполнял чек. Я стоял у стола и ждал. Вдруг мой взгляд выхватил из-под руки Антона Семёновича выведенное им каллиграфическим почерком: «двадцать пять тысяч рублей». Глаза мои расширились, мне сделалось как-то чудно и жарко. Эта цифра как бы прошуршала своим бумажным языком: «Какой ты значительный, Семён!» И я позволил себе то, что называлось у нас разгильдяйством. Я нарушил позу приличия. Я облокотился локтями на стол, будучи зачарованным волшебной цифрой — двадцать пять тысяч! Раньше я ездил за деньгами в город, но более десяти тысяч ещё не привозил.

Не отрываясь от заполнения чека, как будто вдруг вспомнив что-то, Антон Семёнович обратился ко мне:

— Будь добр, Семён, пойдя, пожалуйста, в спальню и принеси мне подушку.

— Есть! А чью подушку принести Вам?..

— Да всё равно. Но лучше свою,— ответил Антон Семёнович.

Уже в дверях мною овладело какое-то чувство тревоги. И очень тихо я спросил:

— А зачем Вам подушка, Антон Семёнович?

Он спокойно ответил:

— Да, собственно, не мне нужна она, а тебе. Я положу её вот здесь, на столе, с краю. И когда ты в следующий раз облокотишься, то чтобы не очень муляло твоим локоточкам.

Я сторел...

Наконец, чек у меня. Я прямо с порога кабинета взлетел в седло, и встревоженная Мери с места понеслась галопом. А в такт подскокам в седле меня колотила мысль: подушка, подушка... После этого случая не помню, чтобы когда-нибудь я наваливался на стол.

1953 г.

СВИСТ

Как-то в субботу в кабинет ко мне вошла молоденькая девушка. На ней — ещё без первых помятин костюм, свеженький треугольник нелепо-белой блузки, приятная белизна шеи, на которой как-то встревожено вертелась красивая голова. В руке портфель.

— Наверно, выпускница педучилища, — догадываюсь я.

— Вы — Семён Афанасьевич?

— Я. Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо.

— Я слушаю вас.

— Вы меня не знаете, а я вас знаю. Вы выступали у нас во втором педучилище.

— Очень приятно. Значит, и я вас знаю, так, немножечко.

— Меня зовут Валя. Я к вам пришла... Я должна вам всё рассказать... Вы только не смейтесь. Вы нам говорили у нас, что к вам можно придти посоветоваться...

— Вот и хорошо сделали, что пришли. Обещаю не смеяться, даже если смешное расскажете. Итак, слушаю.

— Ну вот. После окончания училища меня направили в 3-й класс в мужскую школу. И мне сказали, что этот класс трудный, там есть, знаете, переростки, и что там уже несколько учителей поменяли. Страшно мне сделалось. Но согласилась. А теперь, наверное, если узнают, так из школы выгонят.

— А что, если узнают?

— А что я свистнула в классе.

— Интересно. Рассказывайте.

— Пошла я, значит, на первый урок. Очень хорошо подготовилась к уроку. Ну, конечно, во всё лучшее оделась, как сейчас. Вошла в класс. Ребята встали. Я поздоровалась, ребята довольно дружно ответили. Сделали перекличку, и я начала урок. Сидели довольно нормально. А потом стало как-то очень тихо. Я как раз выписывала столбик упражнений на доске и стояла к классу спиной. И вдруг — резкий свист. Я обмерла, еле-еле повернулась. А они все сидят, невинно глядят на меня... А меня, между прочим, предупреждали, что какой-то хулиган в классе свистит, и никак не узнают — кто.

Учителя предупреждали класс, что пока не узнаем, кто свистит, к вам никто из учителей не пойдёт. Вот и я подумала, а не заявить ли мне им, что пока не скажете, кто свистел, урока продолжать не буду, или уйду...

Я же их ещё не знаю. А, может быть, кто свистит, делает это с общего согласия класса. И знаете, Семён Афанасьевич, я как-то неожиданно для себя вдруг сказала: "Тут кто-то свистнул. Но разве это свист, писк какой-то. Я, ребята, прежде чем стать учительницей, жила в селе. Приходилось пасти корову. Вместе с ребятами гоняли скотину в лес. И коровы плутали, и мы плутали. А лес наполнялся прямо богатырским призывным свистом. Здорово у нас в селе ребята свистели. И меня научили. Если уж свистеть, так вот так надо... И я заложила четыре пальца в рот и так свистнула, что они все как-то вытянулись.

А потом я продолжала урок. И сейчас переживаю, всё думаю, что же теперь делать, Семён Афанасьевич?

— Мне кажется, что больше ничего делать не надо. Как ребята, свистят?

— Да нет. Вот неделя прошла, и, знаете, ни единого замечания. А сегодня, когда шла в школу, ко мне на улице подбежал мальчик из класса, схватил, меня за руку и сквозь слёзы, не то сердито, не то с какой-то мольбой, стал быстро-быстро говорить: "Вот, честное слово, никогда больше не буду свистеть. Это же я свистнул на уроке, простите меня." "Да ты что? Вот и хорошо, что не будешь, то есть, в классе не будешь. Успокойся. Я же свистнула, и вы все должны простить меня". «Э-е, так это вы...» — только и сказал.

И, знаете, Семён Афанасьевич, ребята как-то особенно внимательны ко мне стали, я бы сказала — нежны со мною.

Спасибо вам, Валечка! Славный, умный, честный человек, учительница. Разрешите поцеловать вас, так, по-отцовски. Думаю, что свистеть вам больше не придётся.

(рукопись, архив Мешкова А.Н.)

САМЫЙ СЛАДКИЙ СТАКАН СОЛЁНОГО ЧАЯ

После утомительной репетиции пьесы А. Толстого «Бунт машин», где я играл Адама, никак не лезли в голову заданные по школе уроки. А школы-то у нас в детской трудовой колонии им. М. Горького было две: одна для всех общая и другая — для подготовки на рабфак. В этой, другой, занимались десять колонистов, программа была составлена самим Макаренко, и по всем предметам занятия проводил только он.

Все хлопцы уже спали на деревянных топчанах с туго набитыми соломой матрацами. Я сидел на услончике за одним из дощатых столов, которых в спальне было несколько, так как она одновременно была и столовой. На столе мигала плошка — не столько светила, сколько коптила и воняла. Дьявольски хотелось спать. Чтобы отогнать косматого соблазнителя, я вышел во двор. Тишина. Над миром висел бархатный полог неба, густо утыканный звёздами.

Окно в кабинете Антона Семёновича светилось ярким квадратом, и на земле тоже лежало мягкое окно света. Это горела восьмилинейная керосиновая лампа — гордость колонии и завхоза Калины Ивановича, который относился к этой лампе, как к чему-то живому, интеллигентному. Калина Иванович никому не позволял не только стёкла почистить, но и керосином её заправить. Он гово-

рил: «Вам, паразиты, ничего не стоит раскокать такую красавицу», хотя повода к таким грустным предположениям просто не было. А лампа действительно была чудесная — хорошо освещала кабинет и придавала ему уют и даже тепло. Я решил зайти к Антону Семёновичу: может, согласится в шахматы поиграть. Постучал.

— Заходи, заходи, Адам!

Я остолбенел, как он узнал, что это я?

— Добрый вечер, Антон Семёнович!

— Здорово, Семён, чего не спишь?

— Так я спал бы... так уроки надо выучить. А оно не учится, ничего не лезет в голову, и очи так слипаются. А как Вы узнали, что это я стучу?

— По голосу.

— Так я же молчал!

— Молчал, а кто сопел, как буйвол?

Я и дышать перестал, как бы прислушиваясь, не соплю ли я действительно.

— Ладно, Семён, шучу. Я просто догадался, что это ты. Говоришь, никак не лезет в голову, так ты решил соблазнить меня в шахматы. Так?

— Правильно, Антон Семёнович, так и подумал.

— Согласен, голубе, проветриться надо. Но в шахматы играть не будем, да и поздно уже. И скажу по правде, что-то и мне не лезет в голову, как ты говоришь. Или устал, или от недоедания, шут его знает, но не лезет. Пойдём побродим по двору вместе.

— Вот здорово! — воскликнул я радостно. — Идёмте, Антон Семёнович!

Антон Семёнович погасил восьмилитровую лампу, и мы пошли по двору колонии, нежась в густой и тёплой темени ночи. Антон Семёнович как-то мечтательно заговорил:

— Пройдёт десяток-другой лет, ты будешь выдающимся инженером, отцом большого семейства, а я — старичком.

На моё какое-то протестующее движение он махнул рукой и продолжал:

— Не мешай, Семён, помечтать. Да, ты будешь инженером... Ладно, может, не очень выдающимся, но честным гражданином и отцом. Я приеду к тебе, а вот куда? Ну, допустим, на Дальний Восток или в созданный тобою оазис Средней Азии? Нет, лучше в Крым — люблю Крым и кем-то здорово придуманную там природу. Нет, сначала ты приедешь ко мне, так сказать, навестишь старичка.

— Да я с Вами никогда не расстанусь! Ну, поучусь там и вернусь в колонию.

— Это невозможно, Семён. Учиться надо, многому учиться — всей России надо учиться. Город завертит, окружит тебя спортом, общественными делами, только гляди, чтобы не упал.

— Не... Не упаду. Точно не упаду.

— И не торопись жениться, парень ты видный...

— Та что вы всё про женитьбу! Я никогда не женюсь. Совсем не женюсь.

— Ну это ты брось. Женишься. Семён, и жениться надо, только по-серьёзному — не на год-два, а на всю жизнь. Да в женихах надо походить годика два-три. Ну, не дуйся, не буду об этом, ты прав — рано ещё об этом. А вот относительного твоего будущего инженерства и прочего, что-то мне кажется, что оно и будет и не будет.

— Я не понял Вас, Антон Семёнович.

— И рабфак будет, и институт будет, извиняюсь, и женат будешь, а вот инженером, кажется, не будешь.

А кем же я буду? Может, помните, как тогда, как везли меня в колонию из тюрьмы? Я точно помню — вы тогда, здорово расхохотались и сказали: «Чёрт знает, как мне сейчас торжественно хорошо от сознания, что рядом со мной сидит будущий заведующий колониями». Я стал головою вертеть во все стороны, чтобы увидеть этого будущего заведующего колониями, но, кроме Вас, меня и коня, живой души не было. Вы ещё сказали: «Не верти головою, никого не увидишь, ты будешь заведовать колониями». Тут уж я со смеху чуть с воза не упал. Так кем же я буду, Антон Семёнович?

— Заведующим колониями, дорогой мой друг.

— Ого! Теперь уже без смеха?

— Да. И тогда было без смеха.

— Так я же иду на рабфак сельскохозяйственного института. Вот Лапоть—у него путёвка в педагогический институт, ему и быть заведующим колониями,

— Я прошу тебя, Семён, разговор этот между нами и, пожалуйста, не считай меня каким-то хиромантом-предсказателем, судьёй, но скажу и про Кольку — не будет он педагогом, а вот Николай Вершнёв врачом будет. Боюсь только, что будет здорово выпивать.

— Та вы что, Антон Семёнович, он же капли в рот не берёт! Другие, ну, знаете, бывало, а он прямо брезгует, и на хлопцев, знаете, как напирает, что его больше остерегаются, чем Вас.

— Спасибо за откровенность.

Мне показалось, что Антон Семёнович улыбнулся.

Я поспешил успокоить его, что, мол, это когда-то было, а теперь всё в порядке. Через некоторое время— Антон Семёнович заговорил снова:

— Я тоже думал, что всю жизнь буду учителем в школе с указочкой, с тетрадочками под мышкой. Каждый день, тысячи дней входить в класс: «Здравствуйте дети!» А кончил урок: «До свидания, дети!» Ну, может, в перемены или по воскресеньям буду организовывать ребятишек рабочего класса — оборванных, босых, полуголых... Но такие дела начальством осуждались, а учителя считались неблагонадёжными.

— Антон Семёнович, а разве вы теперь — не учитель?

— Учитель, Семён, но организатор, хозяйственник и воспитатель больше, чем учитель. И особенно «учитель» в том оскорбительном положении, как было до семнадцатого года, до Октября. Теперь я чувствую, понимаю, что в период становления нового общества я должен быть новым учителем, понимаешь, воспитателем и учителем.

Он умолк, задумался. Я, конечно, тогда больше не понимал, чем понимал,

— Ну, Семён, спасибо за приятное общество. Наверное, мама заждалась.

— Спасибо Вам. Спокойной ночи, Антон Семёнович. Теперь, кажется, полезут в голову уроки.

— Подожди, Семён. Зайдём ко мне и поможешь мне поужинать.

— Так я же не голодный. Спасибо, не пойду.

— Ну, я прошу, зайдём. Я уверен, что мама придумала какую-нибудь кашу. А насчёт того, что ты не голодный, то прошу не брехать. Все мы пока голодные. Только какой-нибудь скупердяга в каше время может отказаться от дружеского приглашения на ложку каши.

— Тю! Та какой же я скупердяга?

— Ладно, ладно, пошли.

— А у нас гость, мама!—сказал Антон Семёнович, поцеловав Татьяну Михайловну.— Чем будем потчевать Семёна?

— Кашей. "Твоя, Тося, любимая, пшённая, только без масла,— ласково, мягко ответила Татьяна Михайловна.

— Чудесно, мамочка. И хорошо, что без масла. Пшённая с маслом такая скучная...

— А гречка тоже без масла лучше? — спросил я, подстраиваясь под весёлый тон Антона Семёновича.

— Да, голубе, теперь идёт без масла и гречка. Ладно, садись, Семён.

Татьяна Михайловна поставила перед нами две черепяные миски с горячей рассыпчатой кашей. В нарушение всех правил этикета, я быстро и жадно расправился со своей долей каши, собрав с миски до единой крупинки. Татьяна Михайловна подала два стакана чая, заваренного шиповником и, на розеточках, крохотные дольки воскоподобного сахара.

— Мама, ты же знаешь, что я на ночь не пью сладкого чая. Дай, пожалуйста, сольцы.

Мне показалось, что Татьяна Михайловна недоумённо шевельнула плечами. А я от удивления даже забыл ложку облизать.

На столе появилась деревянная солонка с довольно крупными кусочками соли, кажется, называется — лизунец. Антон Семёнович положил себе в стакан кусочек соли и воскликнул:

— Вот это да! Бери, Семён, больше бери. Это настоящее мужское пойло.

Я взял, да, сдуру, большой кусок. Еле растворил в стакане.

— Вот это я понимаю—чаище! А сладкий — прихоти дамские,— приговаривал Антон Семёнович и, как мне показалось, с неподдельным наслаждением смаковал солёный чай. С первым же глотком у меня где-то что-то ёкнуло в смысле догадки. С каждым глотком солёного чая, от которого вкось и вкривь сводило рот, в памяти во всех подробностях воскресал недавний случай. Я пил и боялся, чтобы не брызнуть смехом и чаем. Торопился, а Антон Семёнович, как будто ничего особенного не происходит, неторопливо продолжал чаёвничать.

Я раньше покончил со своим «чаем». Сидел, скованный обручами, сдерживающими бурлящий во мне смех. Только язык по своей инициативе высовывался на мгновение, чтобы смахнуть с губ выступивший солёный налёт.

— Всё. Спасибо, мама, за королевский ужин. А тебе, Семён, за компанию. А теперь — по хатам. Антон Семёнович поднялся, вскочил и я.

— Спасибо, Татьяна Михайловна, спасибо, Антон Семёнович, за кашу, за чаёк, за сегодняшний вечер. Спасибо! Никогда не забуду, как мне было хорошо!

— На здоровье, друже,— ответил Антон Семёнович.— Спокойной ночи! Я еле успел перенести через порог распирающий меня смех, а во дворе повалялся, катался и хохотал.

В спальне я стал тормошить колониста Пряничникова.

— Пряничек! Пряничек! Проснись! Да проснись же!

— А? Что? Ты, Семён? Куда? Зачем?

— Та никуда. Это я, я. Ну ты уже проснулся?

— А что, надо куда идти?

— Не, лежи. Слушай. Я прошу у тебя прощения. Извини, пожалуйста. Извинишь, миленький?

— Та за что извинять?

Пряничников смотрел на меня выпученно и, конечно, ничего не понимал.

— Ты помнишь, как в столовой, за завтраком, может, дней десять тому назад, ты спросил у меня: сладкий ли у меня чай, а я сказал, что нет, не сладкий, а вроде бы солёный.

А у меня был сладкий. А ты сказал, что у тебя тоже солёный... И выпил. Это я бросил тебе в кружку соли. Я!

— Ну и что?

— Что, что! Понимаешь, прощения прошу. А хочешь, когда будет сахар, то я всегда буду отдавать тебе свою порцию?

— Та иди ты к чертям! Я уже и забыл. А ты вспомнил и и разбудил, чёрт! Иди спать и мне не мешай.

— Хорошо, мой милый Пряничек, я-то лягу спать, а вот моя разбуженная совесть теперь уже никогда не уснёт!

— Кто же её разбудил, не Антон ли?

— Неважно, Пряничек, кто разбудил. Важно, что она проклятая, долго дремала и вот, наконец, проснулась. Проснулась навсегда! Можно, Витя, я с тобой лягу?

— Та ложись. Только говори со своей совестью шёпотом, не мешай мне спать.

Сорок лет тружусь воспитателем. Руководил детскими домами для «трудных» и колониями для правонарушителей. Иногда рассказываю ребятам об этом случае со мной. Выслушают иотреагируют многозначительным:

— М-да-а...

1968 г.

Юра сменил десяток детских домов. В его личном деле есть решение комиссии по делам несовершеннолетних о направлении в колонию.

Каких только грехов нет у Юрия: и ворует, особенно велосипеды, и уходит по ночам самовольно из детского дома, и курит, и ругается, и дерётся, обижает малышей и отнимает у них сладости, умышленно портит мебель и учебники, водится с плохими парнями из города и т. д. и т. п. Из школы исключён за хулиганство.

Читаю протокол заседания педагогического совета Московского детского дома и от его значительной части прихожу в восторг. Вот дословная выписка из «Постановили»: «Ввиду того, что воспитанник Юрий У. систематически нарушает режим детского дома, его исключили из школы (!), что на Юру не действуют педагогические меры, что он не может находиться в коллективе нормальных детей и что с ним не могут работать нормальные воспитатели — просить Мособлоно о направлении Юрия У. в другой детский дом, к тов. Калабалину». — Нарочно не придумаешь.

Однажды в зимний день ко мне в кабинет с извиняющимися ужимками явилась дама. Короткая, квадратно-толстая, лицо какое-то неустроенное, неуютное, как запущенная площадь в захолустном городке, губы мясистые и неопрятные — нижняя отвисшая, а верхняя с усиками всё время шевелится, глазки маленькие, как зёрна сои в собственном масле. В руках у неё пухлый и очень потрёпанный портфель. Дама обратилась ко мне:

— Извиняюсь, это Вы будете товарищ Калабалин Семён Антонович?

— Да, это я Калабалин Семён Афанасьевич.

— Вот хорошо, Афанасий Семёнович! А я завуч Московского детского дома.

Дама бросилась к двери, открыла её и по-девичьи голосисто стала кого-то приглашать в кабинет.

— Заходите! Заходите все!

В кабинет, несколько смущаясь, ввалилась толпа подростков, человек десять, и двое взрослых, как оказалось, пионервожатая и здоровенный, вороной масти инструктор по труду.

Я почти беспомощно наблюдал за суетливым завучем, а она рассаживала свою свиту, представляла пионервожатую и инструктора по труду, и всё восклицала: «Ах, как нам повезло! Мы попали сюда! Это он — Василий Семёнович!» Наконец, она взяла одного белобрысого паренька за руку со словами: «Юра, подойди к Семёну Антоновичу».

Юра, кажется, глухо буркнул: «Чего мне подходить?», а завуч обратилась ко мне:

— Тут у меня путёвочка, Антон Семёнович...

— Я — Семён Афанасьевич.

— Извиняюсь! — и к сопровождавшим её: «Вы должны знать (мы с вами изучали) — товарищ Калабалин воспитывался у самого Макаренко! Вы понимаете, где мы находимся! Извиняюсь, Семён Афанасьевич, а Вы часто встречаетесь с товарищем Макаренко?»

Мне стало весело и я ответил:

— Нет, всё никак после его смерти не найду времени для встречи с ним.

Сопровождавшие завуча ребята опустили головы и утопили улыбки у себя на груди. А завуч продолжала:

— Юрочка, теперь ты будешь воспитываться здесь. Семён...— я подсказал ей,— извиняюсь, Афанасьевич, он хороший и тебе, Юрочка, будет здесь хорошо.— Тут она извлекла из ветошного портфеля толстенное личное дело на Юру и положила мне на стол, а сама тяжело вздохнув, села в кресло. Юра довольно деловым тоном изрёк:

— Вот же зараза, а говорила, что на экскурсийку едем.

Завуч так же по-деловому и мягко заметила:

— Юрик, не надо нервничать, успокойся, в этом детском доме тебе будет очень хорошо. Я бы сама здесь осталась...

— Ну и оставайся, а мне здесь делать нечего,— отрезал Юра и направился к выходу.

Во мне закипел протестующий гнев, и я взревел:

— Ко мне! Стать у стола! Руки по швам! Ровнее! Да подтяни ты свой желудок, зачем так расхлябил его? Мужчина! А вас прошу всех оставить, немедленно оставить кабинет! С ним желаю остаться один на один! До свидания!

Компания сорвалась с места и беспорядочно бросилась к выходу, но в двери застряла — завуча заклинило. Я заметил, что Юра улыбнулся, не сдержал улыбки и я. Наконец, дверь захлопнулась, и я начал разговор с Юрием.

— Только, пожалуйста, без всякой брехни. Со мною всё начистоту: как жил, как собираешься жить, как была организована эта возмутительная экскурсия. Поговорим по-мужски, а потом там будешь решать, оставаться тебе здесь или возвращаться обратно. Это дело твоё. Но скажу, что лично я с голоду бы подох, но ни за какие коврижки не вернулся бы туда, в тот дом, пусть даже это был бы родительский дом, где меня не хотят, откуда меня выперли.

Юрий вытаращил глаза, в которых без труда можно было прочесть: «Это правда?» Я чувствовал, что в нём уже что-то есть ко мне такое естественное, человеческое. Может, это «что-то» было результатом сопротивления завучу или моего гнева.

— Хорошо, я всё, всё расскажу Вам.

Но в этот момент постучали в дверь. Я отозвался сердитым «войдите»! Дверь приоткрылась, и в щели показалась часть головы завуча и её рука, в которых дрожали бумажки.

— Командировочки отметить...

Вместо меня навстречу ей двинулась по-тигриному рычащая кобра. Не знаю, как она устроилась с командировочными, но больше я её не видел. Говорят, что детский дом расформировали, а завуч «трудоустроен» продавцом пива в розлив...

Вдруг в 1962 г. Юрий стал страдать сонливостью, и что примечательно, только в школе на уроках. Голову на кулаки — и Юрий в безмятежном сне. Учителя пытались воздействовать на него «местными» мерами, но он продолжал спать, да так искусно, что учителя усмотрели в сонливости Юрия болезнь.

Но нам, воспитателям детского дома, нетрудно было установить, что Юра играет на нервах учителей. Он дьявольски напористо учился, наверстал упущенное. Значит, не прятался за «сонливость» из-за неудач в учёбе. Тогда что же это? Вспышка прошлой издёвки над учителями? Ну что же — издёвка так издёвка.

Однажды, в субботу, я вызвал к себе Юрия и попросил по моей записке получить в бельевой постельное бельё и принести ко мне. И когда Юра с готовностью исполнил поручение, я попросил его прийти ко мне в воскресенье после завтрака для участия в одной несложной операции, как я ему сказал. Юра ответил, что, конечно, придёт.

На утро следующего дня к приходу Юрия в кабинете уже находился врач и председатель совета командиров Валерий. Я начал: «Извините, пожалуйста, Николай Вячеславович, что побеспокоил и испортил Вам отдых. Прости и ты, Валерий, что оторвал тебя от интересных занятий, но дело, по поводу которого я вас пригласил, не терпит отлагательства. Известно ли Вам, Николай Вячеславович, что этот воспитанник — здоровяк и красавец страдает болезнью, имя которой сонная недостаточность. Валерий и учителя школы знают это и в меру своих сил пытались оказать помощь больному. Вас, Николай Вячеславович, ставили об этом в известность? Нет. Нахожу нужным указать медицинской сестре и воспитателям, если они знали о болезни и отнеслись халатно. У меня, товарищи, созрел план атаки на хворь Юрия, так как нельзя рисковать здоровьем парня. Суть курса лечения заключается в следующем: по воскресеньям мы организуем для Юрия дополнительный сон. Часов восемь-десять дополнительного сна в неделю могут восстановить нарушенное равновесие в организме Юрия. Конечно, условия сна должным образом будут организованы, обеспечен покой и прочее, в том числе и приём пищи. Юрий будет спать у меня в кабинете. Я понаблюдаю за ним, Николай Вячеславович.

Врач согласно кивнул головою. Юра сидел вначале довольно равнодушно, но когда услышал, что лечение будет проходить в кабинете, как-то сразу сник, отяжелел, зарделся краской и тихо-тихо выдавил из себя:

— Семён Афанасьевич, я больше никогда на уроках не буду спать.

— Так ты и на уроках спишь? Я этого не знал.

— Это уже тревожные симптомы,— отозвался врач,— я согласен с Вами, Семён Афанасьевич, и если нужно, то я и сам посижу несколько выходных у постели больного. Для меня это интересно с чисто медицинской точки зрения. А вдруг тут есть признаки летаргического явления? А может, лучше сразу в больницу положить?— предложил врач.

— Ну зачем же сразу в больницу. Это может травмировать парня. Попытаемся в своих, домашних условиях, а потом видно будет.

Мне почудилось, что больница больше бы устроила Юрия, чем кабинет. Я поблагодарил врача и Валерия за участие в «операции» и предложил им быть свободными. Валерия просил обеспечить возможную тишину в коридорах. Сделал постель на диване и предложил Юре лечь. Юра взмолился:

— Вот клянусь, никогда не буду придуриваться, что вроде сплю в школе.

— Придуриваться? Ну это ты брось. Как это можно прикинуться спящим — чепуха, ложись!

Юра медлит. Придав голосу звук стали, я повторил:

— Л-о-ж-и-с-ь! Положу!

Юра лег. Я прикрыл его одеялом и вышел из кабинета.

Вернувшись через час, я застал Юру спящим. Я работал за столом, а он спал рядом на диване... Оказалось, однако, дня было достаточно для полного выздоровления.

Как-то, дней через десять, завуч школы спросила у меня:

— Что вы сделали с Юрой? Не спит и отличается рабочей активностью на уроках.

— Просто подлечили парня. Поправили! — ответил я.

1968 г.

ПИСЬМА С.А. КАЛАБАЛИНА

Дорогой друг Илья, отвечаю на Ваши вопросы (1958)

26 декабря 1958 г.

Дорогой друг Илья!

Благодарю за письмо. Оно так щедро наполнено тёплыми словами дружбы и добрыми пожеланиями. Я выражаю Вам те же пожелания, те же чувства любви, но во сто крат больше.

Поздравляю Вас, Вашу семью, весь ваш коллектив детей и, конечно, работников с наступающим Новым годом! Желаю исполнения всех ваших мечтаний! Обязательно будьте здоровы!

Теперь отвечаю на Ваши вопросы.

1. Какие трудовые традиции применяют в детском доме?

Я и мой коллектив учителей сообщаем детям чувство обязательности, как гражданский долг, а не прежде всего, просто любовь к труду. Любовь придёт сама по себе, когда, трудясь, человек приобретает эстетическое наслаждение от труда и, прежде всего, потому, что человек станет придавать эстетические признаки творению своих рук.

Почва для трудовых отправлений у нас — это многосложные обязанности по бытовому самообслуживанию, участие в институте детских органов самоуправления, участие в кружках художественной самодеятельности, сама учёба и, наконец, работа в швейной и столярной мастерских при детском доме, работа летом на огороде и в саду детского дома и помощь в массовых работах колхозу. Мы весь труд подчиняем коллективным интересам и изобретаем живые, вызывающие интерес, организационные формы. Успехи, не хвастаюсь, хорошие.

2. Через какие мероприятия осуществляется связь детского дома со школой?

Личным контактом с директором школы, с учителями классов, как моя личная, так и всех наших воспитателей. Через актив ребят придуманы дневники связи со школой, которые носят для класса отдельные ученики и по приходе со школы эти дневники уполномоченные представляют мне или своему воспитателю. Тут же происходит разбор всех замечаний, если таковые есть. Мы бываем

на педсоветах школы, а работники школы бывают у нас. Контакт самый активный и полезный.

... Мы тоже переживаем недостаток во времени, но мы строго упорядочили время подготовки уроков — не более 3 часов.

Я не работал с детьми с ограниченными интеллектуальными данными и по сему мне трудно дать Вам, мой друг, совет. Я много лет работал с детьми, которые страдали теми или иными нравственными пороками, это так называемые трудновоспитуемые. Тут я, не боюсь быть нескромным, считаю себя специалистом. А может, я не понял Вашей мысли? Я не пользуюсь переводчиком при чтении Ваших писем, может, и не разобрал чего или не понял как следует.

Я понял так, что Ваши дети с пониженной умственной развитостью, А может, дети нормальные, но вследствие всяких причин они много пропустили в учёбе, получилась академическая запущенность, то это совсем другое дело. Дети нормальные, но были условия ненормальные. Такие ребята есть и у нас. И мы максимально освобождаем их от всяких других нагрузок. Дополнительно с ними занимаемся, и такие дети в отдельных случаях за короткое время успевают пройти две программы, одну — того класса, в котором занимаются, а вторую — тех классов, по которым имеют пробелы.

Спасибо за Ваши любезные разъяснения дат исторических событий в Вашей стране, которая так близка нам и дорога.

Мы сделали или делаем своё — дело братской дружбы наших стран. Воспитаем же так и наших детей.

Привет Вам, Вашим детям, работникам, вашей семье от всех наших детей, работников и моего семейства!

Жму Вашу руку. Ваш С. Калабалин,
18 марта 1959 г.
Совету командиров
школы-интерната № 2,
г. Ленинград.

Письмо в школу-интернат № 2 Ленинграда (1959)
18 марта 1959 г.
Совету командиров школы-интерната № 2, г. Ленинград

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ-БРАТЬЯ!

Спешим сказать СПАСИБО за ваш гостеприимный ответ.

Ваше письмо было зачитано на Совете Командиров, а потом и на общих рапортах. Оно было воспринято с благодарным восторгом. И с того момента мы считаем себя вашими должниками.

Мы уже мечтаем о том, чтобы поменяться с вами ролями: скоро мы — ваши гости, а вы — наши добрые хозяева, а потом вы — наши гости, а мы — ваши заботливые хозяева. Так?

Этим своим письмом, конечно, не впадая в состояние гостевого нахальства, мы уже клянчим у вас спланировать наше пребывание Ленинграде. Пусть в этом плане будут и наши пожелания побывать в Эрмитаже, во Дворце пионеров, на заводе имени Кирова, в театре, на «Авроре», в Смольном и т.д.

Наш сводный отряд будет состоять из мальчиков и девочек. Девочек — 9, а мальчиков — 12. Взрослых будет трое: Галина Константиновна и две студентки, Нина и Люба.

Ох, и стесним мы вас! Но и отказаться от вашего согласия принять нас нет сил. Приедем.

Мы постараемся быть гостями скромными, не надоедливыми. Мы предвидим и страстно желаем, чтобы наша встреча превратилась в долгую и настоящую человеческую дружбу. Возможно, что до прибытия основных сил к вам приедут наши послы для уточнения некоторых деталей.

Итак, приедут: Николаенков Сергей — молчаливый, Агуреев Женя — танцующий, Слободчиков Витя — рассказывающий, Кузьменко Вова — сопуший шахматист, Прокофичев Саша — подыгрывающий в шахматы, Тимофеев Коля — чернявый хозяйственник, Лисицын Миша — талантливый пацан, Чибисов Саша — случайно попавший в сводный "ленинградский" отряд, а вообще скороговорящий драчун, Андриашин Вова — командир-мама, Гуров Ваня — концентрированное трудолюбие,

Волкова Таня — чемпион "смекалки", Верещаго Люба — талантливые ноги и пишет стихи, но не кляузные, Бахмацкая Мила — диктатор личной гигиены всех и гроза мальчуковой неопрятности, Волкова Галя — сами увидите, на что она способна, Машкова Тома сгущённая доброта, всепокоряющая скромность, Киселёва. Нина — всего понемножку, Маней Люда — говорит, поёт и краснеет, Токарева Тома — воспитательница наших курей, Лобачёв Толя — у него всё круглое: мысли, голова, походка, Пронин Коля — пусть он расскажет вам «Был трудный бой», Ртищева Рая — она просто какая-то пшенично-бесподобная.

Вот и все, если не считать воспитательницы Галины Константиновны и двух студенток-энтузиасток.

Учтите, что наши каникулы не совпадают с вашими, а значит,— вы будете работать, а мы — гулять. Это ничего?

А теперь — до свидания.

Обнимаем всех и по-братски целуем.

Ваш С. Калабалин.

Ответ об истоках «военизации»

18 ноября 1959 г.

Дорогой товарищ Георгий!

Спешу откликнуться на Ваше ко мне письмо от 14.XI.59 г.г. Выражаю Вам, Вашим коллегам и всему коллективу воспитанников свой сердечный при-

вет. Я благодарю Ваших хлопчиков за их готовность с нашими воспитанниками переписываться. Наверно, Ваши воспитанники скоро получают письма.

Теперь по основным вопросам Вашего письма.

В какой-то мере правы и проф. Медынский, и болгарский педагог Генъс Дочев, когда они говорят о некоторых приёмах Макаренко, похожих на военизацию. И Вы правы, что в какой-то мере допускаете в своей системе организации коллектива признаки военизации. Самого слова «военизация» не следует страшиться. Ведь в рядах армий наших стран находятся наши братья и сыновья, находились и мы сами. А ведь кроме специальной «профессии», солдату сообщаются и признаки собранности, внешней, а часто и внутренней культуры, сдержанности и проч. при помощи, тут уже настоящей, строевщины, военизации.

У Макаренко в колонии им. М. Горького и в коммуне имени Дзержинского не занимались строевыми маршировками, не разучивали песен в строю, не водили строем в столовую или в школу, не проводили вечерней переключки. Однако чисто военной терминологии в педагогическом и организационном было много.

Вот посмотрите: рапорт по вечерам были у нас в колонии, а затем и в коммуне, но как? Выстраивались ребята? Проводилась переключка? Нет. Если на рапортах присутствовали все воспитанники, то они рассаживались на стульях в зале, рапортирующие командиры поднимались со своих мест, выходили на передний план зала и представлялись с рапортом перед председателем Совета командиров. (Вы обратили внимание: председатель, не командир). Сам рапорт звучит так: «Прошу принять первый отряд. По списку воспитанников (а в коммуне — коммунаров) тринадцать, один в отпуске, на лицо — двенадцать. День прошёл благополучно. Воспитанник Н. получил двойку, а Н. Н. имел замечание от агронома за отлынивание от работы. И т. д.».

Во время сдачи рапортов все присутствующие в зале встают и стоят не по команде «смирно», а по необычной команде — «прошу встать к рапортам!» А по окончании рапортов предлагалось сесть. Переключки не делалось никогда. При зачитании приказа на следующий день дежурный предлагал встать командой, если это предложение можно назвать командой; «К приказу прошу встать!» Затем следовало лирическое «спокойной ночи», провозглашавшееся Макаренко с малым поклоном головой. Наконец,— часовые у знамени в вестибюле коммуны. Это атрибут. Это внешние признаки эстетики, но не муштра, не «пожирание начальства глазами».

Походы строем. Так в наши дни даже старухи идут «в строю» на демонстрациях по поводу национальных праздников! А мы были молоды, красивы. Вот Антон Семёнович ещё и выправкой в строю, и песней задорной сообщал внешнюю мускульную, гимнастическую красоту...

Макаренко во всем этом видел ещё и чисто манерную отделку и внешнюю опрятность. Чёткое «есть», встать по сигналу... А разве трезвон в колокол или в подвешенный лемех от плуга лучше, призывнее сигнала на трубе, серебряного, голосистого?

Я не знаю, как сложна у вас военизация, но из Вашего письма подозреваю, что не военизация у вас, а только строевая муштровка. Военизация — это, значит, и преподавание военных дисциплин, хотя бы строевой субординации, караульной службы и прочее. Но, может, Вы преждевременно протестуете против военизации у Вас? Если строевая муштра приносит организующий полезный эффект, то пусть она живёт и здравствует, тем более, что у вас ребята даже в форме. Потом оно само собой отойдёт, примет другие формы, методы и приёмы.

Работа воспитателей у нас организована так же, как у вас. Организация приготовления уроков, организация развлечений, труда, досуга, работа кружков, спорта, хозяйственно-бытовые дела в группах и отрядах. Роль воспитателя сложна и многогранна. Надо в какой-то мере быть эрудированным во всех предметах. Кто виноват в получении двойки? В одном случае воспитатель — менее всего, в другом случае учитель — более, в третьем случае — ученик наиболее всего виноват. Значит, он ещё не дисциплинирован и над ним надо много и умно работать воспитателю, учителю и всем, кто с ним соприкасается.

Вы вот ставите нравственную сторону воспитания ниже по своему значению, чем образовательную. А мне кажется, что прежде всего надо воспитывать, а потом обучать. Хорошо если эти оба процесса составляют единое целое.

Некоторые граждане Болгарии и ЦК Союза работников просвещения и культуры уже приглашали меня и мою супругу в гости в вашу страну. Я с большим удовольствием воспользуюсь этим любезным приглашением. Но в прошлом году не сумел выбраться. Пусть напишет ваше Министерство нашему министерству просвещения и, может, я сумею весной 1960 г. приехать к вам. Тут уж мы и наговоримся и поспорим.

Хорошо ли я ответил, не знаю. Но отвечаю с любовью к Вам и Вашим коллегам.

До свидания, товарищ!

О наказаниях, поощрениях, режиме дня и «солдатчине»

8 августа 1959 г.

Дорогой друг!

Не обижайся за задержку с ответом — был в командировке. А теперь, как сумею, отвечу на Ваши вопросы.

О наказании воспитанников:

Я сам воспитывался в детском коллективе, который отличался весьма отрицательной нравственностью. Вот уже тридцать два года воспитывая и перевоспитывая детей, я пришёл к выводу, что меры наказания, меры принуждения, прежде всего, обязательны.

Меры наказания не должны быть введены в устав, в расписание допустимых мер воздействия. Это принимает форму бюрократизма, а в педагогической практике — это одно из самых страшных зол.

Мне кажется, как невозможно «запланировать», предвидеть в воспитательном плане самих конкретных актов нарушения, так невозможно предусмотреть и формы наказания. Форму наказания часто диктует само нарушение. И, конечно, личность наказуемого, его интеллект и нравственное страдание педагога.

Меры наказания должны быть разнообразными, неожиданными, по форме, как правило, неповторяющимися и непременно эффективными.

Акт наказания должен выражать искренность воспитателя, его гнев и страдание.

Наказание — это атака против аморального поведения, насилия, посягательства на общественное благополучие.

Наказание — это лечение человеческой совести, предупреждение аморальных явлений в будущем.

Наказание — это воспитание воли, мужества, сдержанности, гордости. Я за то, чтобы ребёнок в результате наказания перестрадал, иначе грош цена назначению наказания.

Если удалось организовать и воспитать здоровый детский коллектив, то полезно привлекать его в качестве судьи над самим собою.

Самой высшей и драгоценной мерой наказания, как мне кажется и как мне приходилось наблюдать у нас в колонии им. Горького,— это возникновение чувства страдания у всего коллектива за проступок отдельного его члена.

Сам нарушитель иногда оставался фактически ненаказанным, но, чувствуя себя причиной страдания своих товарищей, страдал вдвойне. Это допустимо только в настоящем здоровом коллективе и в отношении только нарушителей со здоровым интеллектом.

О наградах и поощрениях.

Как неожиданны сами подвиги, так неожиданны должны быть и формы наград. Они не должны быть частыми, за дела текущие.

Награды должны оформляться от имени коллектива, общественных организаций. Ведь наградой можно поставить в конфликтное состояние награждённого по отношению к коллективу или его части.

Награда не должна порождать корыстолюбие, рвачество, стяжательство.

О дневном режиме.

Режим для нас, например, состоит из строгого расписания отправок: подъём, уборка, туалет, физическая зарядка, приём пищи, труд, отдых, развлечения, спорт, чтение, занятия в кружках и т. д.

Летом больше отдыха и развлечений, труд преимущественно сельскохозяйственный. В учебное время всё подчинено учёбе в школе 4-5 астрономических часов, выполнение уроков, заданных на дом, работа в мастерских не более 1-2 часа.

Теперь о «солдатчине» у Макаренко.

Да будет Вам известно, что «солдатчины», элементов военизации, у Макаренко было меньше, чем в любой пионерской организации.

Команды «смирно» Макаренко вообще не подавал и не признавал, признавая не положение «смирно», а позицию приличия. Он не терпел, чтобы па-

рень в 16—20 лет стоял вразхлёб, животом обрушивался на стол, подпирал бы стенки, пятернёй чесал бы в голове.

Макаренко любил точность, исполнительность, быстроту, стремительность мысли и действий — сам так поступал и приучал к этому нас.

Вот и вся его «солдатчина». Мы благодарны за неё Антону Семёновичу, а тот, кто говорит о какой-то «солдатчине» у Макаренко, просто вводит людей в заблуждение и ничего о Макаренко и его гениальном труде не смыслит.

Не отдыхать я собирался в Болгарию, а по приглашению погостить и поработать. Но это было в прошлом году, а в этом меня не приглашали.

С. Калабалин

Письмо Н.Н. по поводу побега её сына Юры

21 июля 1960 г.

Уважаемая Наталия Николаевна!

Телеграмму получил — несколько успокоился, письмо получил — удивился.

Маленькая биография Юрия, происхождение его «шалостей» мне были мало понятны. Познакомившись с Вами, переписываясь с Вами, я убедился в Вашем духовном богатстве, тем более непонятными становятся возбудители Юриных "подвигов".

Ваше последнее письмо помогло мне найти многому «непонятному» объяснение.

Вы, например, восторгаетесь: «А всё-таки смело и толково УДРАЛ Юрка!..» Вы талантливо угадали, что «Семёну Калабалину» не понравился этот "толковый" побег Юры, и, более того, не в восторге и "Семён Карабанов" от подленького ухода из детского дома, из семьи Вашего сына, которого коллектив принял осторожно и тактично. Мы не находили в этом случае ничего героического и не восторгаемся, а находим весьма выразительные признаки распушенности и печалимся по этому поводу.

Вам, оказывается, известно, что «в своё время Карабанов любил пацанов, как Юрка», — но Вам непонятна та ответственная любовь, которой любит детей Семён Калабалин.

Да, Юра представляет для меня педагогический интерес, как человеческая личность, а не КРОЛИК, которая /личность/ потребовала от меня, моих коллег и детского коллектива некоторой отдачи духовных и физических сил. И мы уверены, что наши усилия не были бы бесплодными, Вы получили бы СЫНА и настоящее материнское утешение, а Родина — ГРАЖДАНИНА.

Но Вы портите его, портят и все те странные люди, которые жужжат поханжески в уши Юрия, что он — «одарённый». Это, уважаемая мамаша, чистейшее растление ребёнка и будущего человека.

Из Вашего письма: «Юра рассказал мне всё. И я знаю, что всё рассказанное им — правда». И далее: «Действительно, крайне несовершенна эта, с позволения сказать, наука, которую называют педагогикой, если даже такому челове-

ку, как Вы, приходится применять такие древние методы, да и они не помогают».

Не знаю, что Вам рассказал Юра, какую поведал «правду», о каких «древних методах» изволил рассуждать Юра, а Вы, конечно, в связи с этими несовершенными методами, так пренебрежительно и с таким язвительным сарказмом адресуетесь к педагогике.

Не только я не сумел разгадать Вашего ребуса, а мои воспитатели и актив детского коллектива. Мы все пришли к такому выводу: Юре нужно было как-то оправдать перед Вами свой «подвиг» и он не пожалел красок, размалёвывая перед Вами его драматическое положение среди нас — зулусов, как он был доведён до отчаяния и, наконец, как он хитроумно оставил нас в дураках, — «толково» и «смело» удрав.

Вы во гневе. Вы в умилении. Вы в восторге. Юра «толково» расправился с нами, с блудливой талантливостью разделался с Вами, и, как видите, всё стало на своё место. Даже устыжённая Вами педагогика придёт в себя и будет продолжать жить и детишек уму-разуму учить. Только после Вашего укола она сделается, да и пора ей сделаться, сердитее, а может, и принципиальнее. Слишком она краснощёко флиртует с некоторыми «умными» родителями. /Я имею в виду школьную педагогику, а не педагогику детских домов, и школ-интернатов/.

Вот, собственно, и всё. Будьте здоровы. Очень хочу, чтобы Вы познали настоящее родительское счастье и нашли свой материнский покой и благополучие в СЫНЕ ЮРИЕ. Это совершенно искренне.

Вы не обидели меня, нет, Вы удивили меня.

С. Калабалин

Письмо-благодарность шефам-друзьям

**В КОМИТЕТ КОМСОМОЛА
ПРИ УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ЦК КПСС**

ДОРОГИЕ НАШИ ШЕФЫ-ДРУЗЬЯ!

Мы чувствуем, что-то следует сказать, что-то необыкновенное и необычными словами в благодарность за ту неуёмную радость, которую мы пережили 28 февраля.

Ваш приезд к нам — всегда радость, а 28 февраля — это была и торжественная радость, праздничная радость.

Ваш подарок в виде прелестного музыкально-певческого и танцевального букета из пионерского ансамбля Московского Дворца пионеров, кажется нам не совсем нами заслуженным.

Разве можно оставаться равнодушным, когда тебя одаряют всполохи огневой пляски, всплески детских улыбок, волнующие душу мелодии музыки и раздолье песни!

От этой чарующей купели хочется быть краше, чище, человечнее. Наши души таяли в неге покоряющих эмоций.

Мы приобщаемся к эстетике, конечно, в скромных наших условиях, но встреча с живым искусством была по-настоящему только 28 февраля встреча с пионерским ансамблем Московского Дворца пионеров. СПАСИБО! Спасибо вам, дорогие наши шефы!

СПАСИБО наставникам ансамбля!

СПАСИБО нашим сверстникам-пионерам, носителям прекрасного, благородного, которому имя — ИСКУССТВО, ДВИЖЕНИЕ, ЖИЗНЬ!

СПАСИБО!

С.Калабалин.

Таня Пермякова, секретарь бюро комсомольской организации.

Лена Останина, председатель совета дружины.

Володя Гражданкин, председатель совета командиров.